

[Polaris]

Павел
ОРДЫНСКИЙ

КРОВАВЫЙ ТРОН

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХV

Salamandra P.V.V.

**Павел
ОРДЫНСКИЙ**

КРОВАВЫЙ ТРОН

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Ордынский П. Л.

Кровавый трон. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 130 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXV. Факсимильное изд.).

Действие опубликованного сразу после Февральской революции авантюрно-фантастического романа П. Л. Ордынского «Кровавый трон» начинается в 1890-х гг. и доведено до 1917 г. Герой романа, главный инженер угольных копей Вадим Карамов, одновременно возглавляет тайную революционную организацию и изобретает машину «Всевидающая», которая позволяет расправиться с врагами в любой точке земного шара.

КРОВАВЫЙ ТРОН

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

Стояли дивные дни начала мая. Кленъ и липа, береза и дубъ буйно развернули свои зеленые листья. Бѣлымъ цвѣтомъ цвѣли яблони и ошьяняющимъ ароматомъ благоухали лиловые сирени, округлая собою небольшую дачу главного инженера утѣльныхъ копей Вадима Викентьевича Карамова.

Сквозь ажурный узоръ вѣтокъ проникали золотые лучи солнца и на песчаныхъ дорожкахъ аллеи сверкали искристыми пятнами. Высокія мачтовья сосны купали свои вершины въ солнечномъ зноѣ.

Киримовъ, стройный господинъ, лѣтъ 40 съ подстриженными по англійской модѣ усами, въ бѣломъ чесучевомъ пиджакѣ, вышелъ на террасу, гдѣ быть предусмотрительно поданъ кофе въ серебряномъ кофейникѣ и лежали свѣжіе номера газетъ.

Инженеръ только что усѣлся за столикъ и развернулъ газету, какъ около дачной рѣшетки послышался топотъ лошадиныхъ копытъ.

На вѣмыленномъ сѣромъ конѣ у дачи остановился шахтерскій курьеръ Степановъ.

Онъ быстро соскочилъ съ сѣдла, и, наскоро привязавъ коня за рѣшетку, поспѣшилъ къ инженеру.

— Вадимъ Викентьевичъ, директоръ васъ проситъ немедленно пожаловать въ контору.

— Что же тамъ случилось?—освѣдомился Карамовъ.

— На копейхъ забастовка. Войско понаѣхало. Рабочихъ сбьютъ нагайками. Казаки. Страсти Господни...

— Проклятые,—сквозь стиснутые зубы буркнулъ инженеръ.

И курьеръ даже не понялъ къ кому относилось это восклицаніе: къ рабочимъ ли, которыхъ сбьютъ, или къ казакамъ.

О томъ, что забастовка назрѣвала давно, инженеръ зналъ, но онъ совершенно не предполагалъ, чтобы съ рабочими послѣдовалъ такая крутая расправа.

Правда была на ихъ сторонѣ.

Они только и преслѣдились въ томъ, что настаивали на оплатѣ заработка по старымъ нормамъ, утвержденнымъ вновь назначеннымъ директоромъ.

— Есть убитые?—спросилъ Карамовъ у курьера.

— Много. Еще больше изувѣченныхъ. Эти бангубузуки бьютъ безъ всякаго милосердія. Сколько цѣпныхъ череповъ проскочено.

«Какая несправедливость»,—думалъ инженеръ облачаясь въ дорожный костюмъ и приказывая осыдлатъ для себя лошадей, чтобы ѣхать въ контору. «Какая несправедливость»—бьютъ людей за то, что они хотятъ ѣсть. Ничѣмъ неоправдываемая жестокость.

Инженеръ всегда думалъ, что виной всему этому тотъ злодѣйскій строй, который по наслѣдству насандается Александромъ.

Этот строй безбожно угнетает массы, обезличивает их, всячески угнетает и эксплуатировать и дает простор только богатым, придворной клике и разным темным прохожимцам, умещающим ладить с кѣмъ нужно.

«Проклятый строй»,—скрипнулъ зубами инженеръ. Подожди же...

Онъ сказалъ булану, какъ бы готовый броситься на своего злѣйшаго врага...

Глава его сверкнули нѣвомъ. Это были искры искренняго тѣла сильнаго человѣка, могущаго постоять за себя.

— Лошадь готова,—доложилъ курьеръ.

Инженеръ Карамовъ взялъ хлыстъ и взобрался на статнаго тѣдого жеребца.

День разгорался радостный, и ничто какъ бы не говорило о томъ, что дѣ-то быють и калѣчатъ людей темные слуги произвола и насилия. Ничто, казалось, не предвѣщало какого-либо намѣненія.

Ослѣпительно сверкала сухая пыльная дорога.... Вдали, надъ сѣрымъ силуэтомъ города трепыхалось знойное марево, точно голубой дымокъ надъ кипящимъ котломъ.

Дорога знакомая, окрестности давно изучены и, конечно, мало интересны. И если въ дальнѣйшемъ, что начало интересовало инженера, такъ это появляющіяся на горизонтѣ туманные пятна облачковъ. Будто какой-то невидимый колоссъ, спрятавшійся за чертой земли, выбрасывалъ изъ своей исполинской ладони кусочки ваты сѣроватаго цвѣта. Кусочки эти постепенно соединялись въ лохмотья пуха, пухъ въ охапки и постепенно сомкнулись въ сплошную завѣсу, охватившую полнеба и вставшую, какъ угроза майскому дню.

Ликъ солнца внезапно попустился и вскоре исчезъ, точно спрятался въ необычайный карманъ колосса.

— Будетъ гроза безпремѣнно,—замѣтилъ Степановъ.

— Да,—согласился инженеръ,—и врядъ ли мы успѣемъ добраться до города?

Между тѣмъ, туча, заслонившая солнце темнѣла, наливалась чернотой, какъ желатиновый пузырь чернилами и стала похожей на огромную грифельную доску съ мѣдно-краснымъ обводомъ по краямъ.

Издали доносился гулъ, напоминающій вечернее рыканіе львовъ въ пустынѣ.

Еще моментъ и по черной грифельной доскѣ молниеносно черкнулась изломанная линія бѣлымъ. Черная доска треснула сверху до низу и, въ образовавшуюся щель на мгновеніе хлынулъ ослѣпительный свѣтъ серебряныхъ букетовъ.

Далекіе дома города, вкрапленные до того во тьму, какъ-то выскочились, потомъ присѣли, точно мальчишки въ дракѣ! Вслѣдъ за этимъ грозный, казавшійся небывалый отъ сотворенія міра ударъ прогромыхалъ въ небѣ ужасающе и долго.

Привыкшій къ обобщеніямъ инженеръ Карамовъ сравнилъ этотъ ударъ съ грохотомъ миллиона разбитыхъ телѣтъ, катящихся въ бездну по неровнымъ камнямъ.

Инженеръ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ выѣхали въ предместье города. Здѣсь ураганъ былъ уже въ полномъ разгарѣ: съ шѣвучимъ звономъ летѣли выѣски, буйно вихрилась солома, носились какія-то тряпки. Толстыя деревья садовъ, ломались подъ напоромъ вѣтра, какъ тонкіе карандашники.

(Продолженіе слѣдуетъ),

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Изъ темныхъ нѣдръ неба, пронизываемыхъ зигзагами молній, хлестали водопады воды.

Инженеру и его спутнику пришлось искать убѣжища подъ крышей какого-то навѣса.

Черезъ нѣсколько минутъ ураганъ пронесло.

Карамовъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ снова весело засверкало золотое солнце, освѣщая вымытый хаосъ разрушенія. По мостовымъ катились рѣки воды, отражая чистый блескъ солнца и проявившуюся, какъ бы вымытую синеву неба, унося обломки деревьевъ, исковерканное желѣзо и прочій ненужный мусоръ и хламъ. Восстанавливался нарушенный ходъ жизни. Какъ

— Такъ и во всемъ, — думалъ инженеръ Карамовъ. Сначала будто ничего не случилось.

хаосъ и разрушеніе, — вслѣдъ за нимъ муравьиное созиданіе. Вѣчный замкнутый кругъ..

И онъ улыбнулся какой-то своей затаенной мыслью, словно вызванной грозю.

Коня остановились у городской конторы копей...

Эта улыбка какъ бы говорила:

— Подождите вы, всѣ угнетатели народа, придетъ и для васъ ураганъ, который размететъ всѣ ваши хитроумныя сооруженія, поддерживающія насиліе и рабство.

Подождите, часъ близокъ...

2.

Въ то же утро новый директоръ угольных копей Платонъ Сергѣевичъ Ропотовъ вновь переживалъ большое волненіе.

По обыкновенію, прѣвъ въ контору, онъ въ своемъ кабинетѣ, на бюро увидѣлъ большой ненавистный ему бѣлый конвертъ, перевязанный зеленой лентой.

На конвертѣ было отстукано на пишущей машинкѣ:

«Директору угольных копей Ропотову, срочно».

За короткое время это былъ третій пакетъ.

— Чортъ возьми! Опять! — испуганно воскликнулъ директоръ, — для простой шутки это слишкомъ часто.

— Семень, кто принесъ этотъ пакетъ?

— Не могу знать, господинъ директоръ.

— Посмотрите, есть ли на немъ почтовый штемпель?

— Никакого штемполя нѣтъ, господинъ директоръ, — отвѣтилъ служитель, осмотрѣвъ пакетъ тщательно со всѣхъ сторонъ.

— Такъ. Кто-нибудь входилъ въ мой кабинетъ?..

— Никого не было, господинъ директоръ. Я все время находился у дверей и никуда не отлучался ни на минуту, какъ было вами приказано.

— Чортъ знаетъ что такое. Самъ что ли онъ прилетѣлъ сюда. А окно было закрыто?

— Такъ точно. Закрыто.

— Разпечатать пакетъ.

Слушатель вскрыть конвертъ и, извлеки изъ него письмо, передалъ посланіе директору.

Платонъ Сергѣевичъ осторожно, точно оно было оравлено, кончиками пальцевъ взялъ письмо, вслѣдствіе на носъ переноса и прочиталъ:

«Милостивый государь! Напоминаемъ вамъ въ третій разъ, что если вы не возстановите на вашихъ копияхъ прежнюю расцѣнку, то рискуете навлечь на себя дѣшъ справедливый гнѣвъ. Даемъ вамъ 24 часа на размышленіе. Кстати присовокупляемъ, что письмо это исходить не отъ рабочихъ, а отъ болѣе сильныхъ людей».

Внизу стояла подпись «Партія предостерегающихъ».

— Какая романтика, — злобно буркнулъ Ропотовъ, опускаясь въ кресло и нервно закуривая сигару.

Задумался.

Медленно текли минуты. Весеннее солнце золотой лавиной вливалось въ окно кабинета. Доносились грохотъ и шумъ города.

Два противоположныхъ чувства боролись въ душѣ директора: страхъ за жизнь, которой угрожали неизвестные люди, возможно, задумавшіе его пометельничать и нежеланіе пойти на уступки, ибо эти уступки грозили копеймъ многотысячнымъ расходомъ. А это не шутки. Добиваясь подожженія директора, онъ преслѣдуетъ всего билъ на экономію. Зная о безбрачномъ покровительствѣ эксплуататоровъ со стороны правительства, Ропотовъ и мысли не допускалъ о какихъ-либо эксцессахъ. Рабочіе могутъ забунтоваться, перестать работать, но правительство немедленно пришлетъ какого-либо бурбана-исправника, или бравого ротмистра, который во главѣ своей банды казаковъ или жандармовъ, быстро возстановитъ порядокъ.

Платонъ Сергѣевичъ поднялся съ кресла и нѣсколько разъ прошелся по кабинету.

Онова вызвалъ служителя.

— Главный инженеръ пріѣхалъ?

— Да, господинъ директоръ.

— Попроси его ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ Карамовъ.

— Посмотрите, посмотрите, Владимъ Викентьевичъ, — заговорилъ директоръ, сунувъ въ руки Карамову только что полученное письмо. — Осада продолжается. Мое положеніе становится сдѣшнымъ. Чтѣ дѣлать?

Главный инженеръ равнодушно пробѣжалъ посланіе, сложилъ его и вложилъ въ конвертъ.

— Ничего не могу сказать, — заговорилъ онъ.

— И, промолчавъ, добавилъ:

— По существу они правы. Наши расцѣнки работъ и прежде были низки, а теперь, когда ихъ урѣзали...

Ропотовъ замахалъ руками:

— И вы туда же, Владимъ Викентьевичъ!.. Я васъ не объ этомъ спрашиваю. Вы посоветуйте, что мнѣ дѣлать. Эти письма вымотали мои нервы. Они меня сума сведутъ. Появляются какіе-то таинственные образы, точно растутъ на моемъ бюро...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главный инженеръ улыбнулся. Онъ хотѣлъ напомнить нѣрѣченіе Маймонида, сказавшаго: «Если ты получаешь доходъ не зарабатывая его, то кто-нибудь другой зарабатываетъ его, не получая»,—но промолчалъ.

— Что-жъ,—развелъ онъ руками,—тутъ, разумѣется, умѣстно вмѣшательство лицъ, спеціально на этотъ счетъ поставленныхъ. Пригласите какого-либо новаго всевѣда.

Собѣтъ былъ высказанъ почти иронически, но Платонъ Сергѣевичъ не уловилъ ироніи и ухватился за него, какъ за якорь спасенія.

— Въ самомъ дѣлѣ это мысль,—воскликнулъ онъ.—У меня есть знакомый. Пусть-ка онъ понюхаетъ. Пусть пощупаетъ кого нужно.

Инженеръ улыбнулся въ усы.

— Разумѣется, это дѣло для него подходящее,—замѣтилъ онъ, выходя изъ кабинета.

Онъ приказалъ подать коня и отправился въ коню.

III.

Знакомый чинъ Ромотова «всевѣда» или начальникъ охраны Лѣподѣловъ, находясь въ своемъ служебномъ кабинетѣ, былъ занятъ довольно серьезнымъ дѣломъ.

Онъ накалывалъ на булажки засушенныхъ жучковъ и раскладывалъ ихъ въ коробочки. Надписывалъ на коробкахъ номера и дѣлалъ замѣтки о разнообразіяхъ насѣкомыхъ въ особой тетради. Вѣроятно, онъ такъ же сортировалъ и людей, имѣвшихъ несчастье попасть въ его распоряженіе по извѣстнымъ дѣламъ.

Это былъ толстый, малоподвижной человекъ, съ круглой, какъ у нѣмца, лысой головой и широкими бровями, напоминавшими крылья стараго майскаго жука. Въ сущности онъ былъ субъектомъ очень добродушнаго свойства и лишь его профессія запечатлѣла на лицѣ его черты ехидной суровости и подозрительной дальновидности, что приутило людямъ его поприща.

Лѣподѣлову доложили о пріѣздѣ директора угольныхъ копей.

— Проси,—сказалъ онъ,—быстро спрятавъ коробки съ своими насѣкомыми и такъ же быстро обложился различными бумагами, придавъ себѣ видъ солидности и работоспособности занятаго человека.

— Здравствуйте, Платонъ Сергѣевичъ.

Лѣподѣловъ пожалъ руку директора.

— Чѣмъ могу служить? И очень радъ васъ видѣть...

Ромотовъ въ краткихъ словахъ разсказалъ суть дѣла, представивъ при этомъ всѣ полученные письма.

— Посоветуйте, что же мнѣ дѣлать?

Лѣподѣловъ откашлялся, хлопнувъ нѣсколько разъ своими жучными бровями. Побарабанилъ толстыми пальцами по столу.

— Вы очень хорошо сдѣлали, что обратились именно ко

мнѣ,—прокинешь онъ съ апломбомъ. И я, конечно, приму всѣ мѣры, чтобы изловить этихъ негодяевъ... Дѣло, разумеется, не-
сложное. Я ихъ сумѣю выслѣдить. Такія дѣла у меня бывали
и я всегда выходилъ изъ нихъ съ честью. Не волнуйтесь...

Говорилъ Лыподѣловъ спокойно, какъ человѣкъ вполне увѣ-
ренный въ своихъ силахъ и своей талантливости по уловленію
человѣковъ и опытности въ пресѣченіи зла съ государственной
точки зрѣнія.

— Я очень вамъ благодаренъ,—произнесъ директоръ и сер-
дечно пожалъ руку Лыподѣлова.

Онъ преисполнился надеждой.

Въ тотъ же моментъ въ дверь кабинета постучались.

— Войдите.

Въ кабинетъ вошелъ дежурный и подалъ телеграмму.

Лыподѣловъ прочиталъ:

— Порекомендуйте директору угольныхъ копей немедленно
исполнить требованіе партіи «предостерегающихъ». Сейчасъ онъ
сидитъ у васъ и, конечно, его легко убѣдить.

Лыподѣловъ прочиталъ телеграмму вслухъ.

Лицо директора покрылось блѣдностью.

— Дѣло, какъ видите, принимаетъ серьезный оборотъ,—
глухо замѣтилъ онъ, нервно закуривая сигару?

Вспыхнувшая надежда отлетѣла, какъ дымъ.

Лыподѣловъ взялъ успокоительный тонъ.

— Вы волнуетесь? Бросьте. Отъ угрозъ къ исполненію, ди-
станція огромнаго размѣра. Повѣрьте, что въ моихъ рукахъ
слишкомъ много средствъ, чтобы помѣшать ихъ дѣятельности.

— Но что мнѣ дѣлать?—съ тоской пролетѣлъ директоръ...
Откуда они знаютъ, что я въ данный моментъ нахожусь у васъ?
Поймите, что я никому не говорилъ о визитѣ къ вамъ.

Лыподѣловъ нѣсколько секундъ находился въ раздумьи. И
вынесъ безапелляціонное рѣшеніе:

— Несомнѣнно, это дѣло рукъ вашихъ рабочихъ. Иной до-
гадки быть не можетъ. Вотъ я ихъ подтяну. Да такъ, что небу
будетъ жарко...

— Что вы, что вы?—запротестовалъ директоръ... Ихъ и такъ
подтянули.

Лыподѣловъ перемѣнилъ тонъ.

— Если вы боитесь,—то я бы порекомендовалъ вамъ на нѣ-
которое время покинуть коши. Ну, хотя бы подъ предлогомъ пе-
реговоровъ съ главнымъ правленіемъ...

— Вы полагаете, что мое мѣстопробываніе не будетъ от-
крыто?

— О, конечно, нѣтъ. Мои люди будутъ слѣдить за каждымъ
вашимъ шагомъ.

— Ну, эта перспектива не изъ пріятныхъ... Быть объектомъ
полицейскаго надзора,—усмѣхнулся директоръ, рисуя себя въ
положеніи охраняемой особы.

— Успокойтесь. Вы даже не замѣтите ихъ присутствія. А
этихъ таинственныхъ дьяволовъ я выведу на свѣжую воду... Ужъ,
повѣрьте.

И Лыподѣловъ даже ударилъ кулакомъ по столу для большей
убѣдительности своихъ словъ...—Чортъ возьми, развѣ у него не
было такихъ дѣлъ?

— Н-да,—размышлялъ директоръ, выходя изъ кабинета Лы-
подѣлова,—я дѣлаюсь героемъ какого-то бульварнаго романа.
Становится все-таки противно.

(Продолжаніе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

Въ шахтерскомъ поселкѣ происходило необычайное волненіе. Весь поселокъ представлялъ, какъ осажденный лагерь. Тутъ и тамъ кучками собирались рабочіе, обходя ссадившееся пошеи. То и дѣло проносили убитыхъ и раненыхъ съ копей. Слышались истерическія причитанія бабъ по своимъ близкимъ. Всюду гарцовали казаки, съ вентерьками за спиной и нагайками въ рукахъ. Какъ ураганъ, они врѣзались въ болѣе или менѣе многолюдныя группы, разгоня собравшихся, щедро разсыпая удары нагайками, свистя и гикая, какъ разбойники.

— Крохотницы, крохотницы, будьте вы прожаты огнемъ и на вѣки—пронзительно вошла какая-то растрепанная сѣдоголовая старуха, съ глазами, горящими безумнымъ огнемъ, и грозила костлявымъ кулакомъ.—Дьяволы...

— Замолчи, вѣдьма,—таркнулъ на нее проѣзжающій мимо казакъ, въ заломленной на затылокъ фуражкѣ.—Онъ привсталъ на стременахъ и ловко вытянулъ старуху нагайкой вдоль спины.

Старуха взвизгнула, ушла въ пыль улицы и продолжала воить, шуря проклетія по адресу варваровъ.

Наблюдающій эту картину инженеръ Карамозъ, подѣхалъ къ казаку и гнѣвно сказалъ:

— Какъ тебѣ не стыдно быть беззащитною?

Казакъ хмуро покосился на инженера и, ничего не отвѣтивъ, отѣхалъ въ сторону.

Главный инженеръ думалъ:

— Вотъ плоды гнуснаго строя. Этотъ строй распинаетъ своего Христа въ лицѣ бѣдной, темной массы и возвеличиваетъ разбойниковъ... Какой-то желтый домъ, пѣвѣ люди не вѣдаютъ, что творятъ... О, нѣтъ, это не должно такъ продолжаться. Кровь виновныхъ возопитъ къ небу. Должна же быть на землѣ справедливость. И всѣ тѣ, кто насаждастъ произволъ и насилие, понесутъ возмездіе.

Карамозъ далъ шпоры коню и направился къ конямъ.

Не успѣвъ онъ отѣхать нѣсколько шаговъ, какъ сзади его окликнули:

— Вадимъ Викентьевичъ, вы куда?

Спрашивалъ младшій помощникъ инженера, молодой человекъ въ студенческой фуражкѣ, запыленный съ мѣсяца до голода.— На кони?

— Да, — отвѣтитъ Карамовъ, приостанавливаясь.

— Не совѣтую...

— Почему же?

— Васъ могутъ случайно подстрѣлить, — тамъ происходитъ настоящее сраженіе... Ужасъ...

— Ничего...

Карамовъ былъ фаталистомъ. Нисколько не боялся смерти и привыкъ смотрѣть любой опасности прямо въ глаза, рассуждая, что если ему суждено умереть отъ пули, то никакія предосторожности не могутъ спасти его отъ встрѣчи съ нею.

Онъ зналъ, что его присутствіе на войнѣ необходимо. Зналъ о той искренней любви, которую питали къ нему рабочіе. Одно его появленіе могло внести успокоеніе въ ихъ настроеніе.

— Такъ, значитъ, ѣдете? — спросилъ помощникъ?

— Конечно, — отвѣтитъ Карамовъ, ударилъ хлыстомъ по шеѣ своего коня и быстро скрылся въ клубахъ пыли.

На встрѣчу попадались носилки съ ранеными. Тогда инженеръ останавливался и спрашивалъ о положеніи дѣлъ.

Рабочіе со слезами на глазахъ жаловались, что виною провозролитія является жандармскій ротмистръ, который первый отдалъ приказъ разстрѣливать, въ началѣ мирно настроенную толпу.

— Разумѣется, наша молодежь не выдержала — рассказывалъ старый шахтеръ, съ густо нависшими бровями — и пустили въ ходъ камни, ножи и куски руды. — Тогда жандармы и казаки озвѣрили и начали поголовное избиеніе.

Сердце Карамова обливалось кровью, когда онъ выслушивалъ эти жалобы бѣдныхъ людей, подвергшихся жестокой экзекуціи только за то, что они не могли нести тяжелый трудъ за тѣ гроши, которые швыряла имъ богатѣйшая компанія угольных копей.

Главный инженеръ приблизился къ бравому жандармскому ротмистру, съ бѣлыми аксельбантами, находящемуся во главѣ отряда.

— Господинъ ротмистръ, — обратился Карамовъ — отдайте распоряженіе немедленно прекратить избиеніе.

— Съ кѣмъ имѣю честь? — сухо спросилъ ротмистръ.

— Я — главный инженеръ этихъ копей, Карамовъ.

— Очень пріятно. Но я дѣйствую согласно инструкціи.

— Ни время прекратить ея дальнейшее выполненіе. Не будьте формалистомъ. Поймите, что на нашей сторонѣ всѣ средства, а на сторонѣ рабочихъ только силы, предназначенныя для нагаекъ. Разрѣшите мнѣ переговорить съ рабочими лично.

— Пожалуйста — покажъ плечами ротмистръ. — Ничего не имѣю.

Онъ отдалъ соответствующую команду.

Карамовъ слѣзъ съ лошади, передалъ поводья жандарму и въѣзкомъ направился къ шахтамъ, откуда доносился шумъ многихъ голосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

П. Ордынского,

V.

Замѣтивъ явившагося главнаго инженера, толпа шахтеровъ, запертая жандармами въ районъ копей, пріумолкла. Раздлись привѣтствія и возгласы:

— Здравствуйте, Вадимъ Викентьевичъ.

— Заступитесь за насъ!

— Будьте отцомъ роднымъ.

Даже изъ этихъ возгласовъ Карамовъ вывелъ заключеніе, что шахтеры настроены совсѣмъ не воинственно. И, конечно, никакой надобности въ кровавой расправѣ съ ними не было.

Онъ съ грустью разсматривалъ потныя, покрытыя въѣвшеюся угольной пылью, лица изможденныхъ рабовъ труда.

Думалъ:

— О, бѣдность, ты единственное бремя, которое тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше людей тебя носятъ. Но почему же такъ? На огромныхъ пространствахъ Россіи, на ея заводахъ, рудникахъ и фабрикахъ, въ помещичьихъ экономіяхъ, тяжело гнуть спину вотъ эти люди за кусокъ чернаго хлѣба. Неужели у нихъ никогда не являлось мысли самостоятельно выпрямить спину и осознать все ничтожество тѣхъ, кто ими повелѣваетъ? Неужели они должны ждать помощи отъ кого-то другого? Да, видимо такъ. И не онъ ли, инженеръ Карамовъ, призванъ вывести ихъ изъ долины смерти?

Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ главнаго инженера съ быстротою молнии, прежде, чѣмъ онъ обратился къ шахтерамъ съ словами успокоенія.

— Друзья мои, — говорилъ онъ, — на вашу долю выпала тяжкій крестъ.

Эти слова хлестнули шахтеровъ, точно жгучимъ бичемъ. Точно раскаленные угли коснулись ихъ душевныхъ ранъ.

— Вѣрно, вѣрно, — застудила толпа. — Потюблемъ!.. А за что?..

— Согласно существующимъ законамъ... — продолжалъ Карамовъ, но его перебилъ гнѣвный голосъ.

— Какіе это законы. Это — разбой!..

— Да, я согласенъ, — покачалъ плечами инженеръ. — Но они существуютъ. Вотъ я и говорю, что согласно этимъ законамъ, къ вамъ прислали жандармовъ, которые произвели кровавую расправу съ вами.

— Мы ихъ не трогали, — прогремѣлъ тотъ же гнѣвный голосъ шахтера, повышаясь до визгливыхъ нотъ. — Мы хотѣли празды. Не такъ ли, товарищи?

— Такъ, правильно, — отозвалась толпа.

Давъ толпѣ успокоиться, инженеръ продолжалъ, при чемъ въ интонацію своего голоса старался вложить всю силу пріущей ему убѣдительности:

— Друзья мои, правда въ этомъ мірѣ полыхается различно, а преимущественно отсутствуетъ. Въ большинствѣ случаевъ не правый властвуетъ, а правый подчиняется и терпитъ всяческія униженія и лишения.

— Вѣрно, вѣрно... — ухала толпа шахтеровъ.

— Вашей задачей должно быть упраздненіе подобнаго положенія. Но какъ? Если вы будете дѣйствовать, какъ дѣствуете теперь, т.-е. въ одиночку — всѣ ваши страданія останутся при васъ. Поэтому, я призываю васъ, друзья мои, продолжать работу...

Услыхавъ этотъ призывъ толпа шахтеровъ снова заволновалась. Кто-то крикнулъ:

— Пусть намъ не уменьшаютъ платы. Мы не можемъ жить на этотъ заработокъ.

— Если это главное препятствіе къ возобновленію работъ, — спокойно сказалъ инженеръ, — то я беру на себя обязанность отстоять ваше требованіе.

— Больше мы ничего не желаемъ, — раздались голоса. — Мы голодаемъ. И пусть уберутъ жандармовъ.

«О, дѣти, — думалъ инженеръ, — вы требуете только хлѣба, тогда, какъ въ вашей власти потребовать сверженія всего того, что васъ давитъ и угнетаетъ».

Горькая усмѣшка скользнула по красивымъ чертамъ его лица.

«Вамъ дадутъ, конечно, хлѣба, но не слишкомъ много. Для упроты же вашему аппетиту будутъ попрежнему тарцовать снѣгъ «героя» во главѣ къ бравымъ ротмистромъ въ бѣлыхъ аксельбантахъ. Почему онъ въ бѣлыхъ? Красные были бы болѣе символичны для исполнителя кровавыхъ предначертаній. Но красный цвѣтъ — символъ свободы... Все наоборотъ...»

— Для васъ, друзья мои, и сдѣлаю все, — сказалъ онъ на прощанье.

И, напутствуемый благодарностями, главный инженеръ покинулъ шахты.

День склонялся къ вечеру. Отъ заходящаго солнца горизонтъ былъ залитъ краснымъ свѣтомъ. И Карамову казалось, что это кровь невинныхъ жертвъ окрасила собою безстрастное небо и висѣла скорбной угрозой всѣмъ насильникамъ и угнетателямъ народа.

Инженеръ подошелъ къ начальнику отряда.

— Господинъ ротмистръ, рабочіе немедленно приступятъ къ работамъ, если вы уведете отсюда вашихъ людей.

Ротмистръ вѣжливо приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Слушаю.

— Но, конечно, этого района мы не покинемъ и явемся при первой же тревогѣ.

Главный инженеръ сѣлъ на своего коня и мелкой рысцой, въ клубахъ розовой пыли, направился въ городъ.

Новыя мысли овладѣвали инженеромъ. Какая-то свѣтлая надежда закрадывалась въ душу. Конечно, не вѣчно рабство. Не вѣчно будетъ продолжаться угнетеніе человека человекомъ. Однажды откроются глаза и увидать всю бездну ужаса, въ которой жили, умирали и живутъ люди.

Видъ, свобода и справедливость врѣются и цвѣтутъ въ душѣ каждаго человека: Но находятъ они подъ пологомъ страха, обмана и запугиванія. Въ концѣ концовъ все это отпадетъ, какъ листья въ пору осени. Во весь ростъ встанетъ свободный человѣкъ... Да, онъ, конечно, встанетъ. И могучій гимнъ свободѣ хоромъ миллионовъ голосовъ прозвучитъ по всему земному шару.

Начинало темнѣть. И ночь, предтеча новаго дня, опускала свое крыло надъ міромъ.

Вспоминались слова испанца Салватьерры, вождя революціонеровъ: Тамъ, за полями, находятся города, великія скопленія современной цивилизаціи и въ нихъ тоже живутъ толпы обездоленныхъ и несчастныхъ. Ихъ души уже лупятся въ лучахъ зари новаго дня, они видятъ надъ своими головами первые лучи солнца, между тѣмъ, какъ остальной міръ погруженъ во тьму. Они будутъ избранными, и пока крестьянинъ остается въ полѣ, работая съ угрюмой покорностью быка, пролетарій въ городѣ просыпается и поднимается на ноги, чтобы идти по дорогѣ свободы и свѣта...

Мысль инженера летѣла еще дальше. За гранью тьмы ему уже рисовался тотъ радостный день, въ который освобожденное человечество пойметъ свое истинное назначеніе. Въ свѣтлыхъ зоряхъ грядущаго онъ увидѣтъ, какъ рухнули троны — эти оплоты насилія и рабства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI.

Двухъэтажный барскій особнякъ въ одномъ изъ тихихъ переулковъ города, въ сущности, не привлекалъ ничьего особеннаго вниманія. Былъ онъ, какъ и всѣ зданія подобнаго рода, въ которыхъ обитали люди зажиточныхъ классовъ, привилегированныхъ сословій, или баротвующіе рантье.

Днемъ верхнія окна блестяли своими зеркальными стеклами, а по вечерамъ закрывались плотными темными шторами. Окна нижняго этажа всегда были закрыты отъ случайныхъ или любопытствующихъ взоровъ.

На массивныхъ дверяхъ параднаго подъезда висѣла прекрасное вычуженная мѣдная дощечка, гласившая своей надписью, что хозяиномъ квартиры являлся горный инженеръ **Вадимъ Викентьевичъ Карамовъ.**

Верхъ особняка занималъ самъ инженеръ, а низъ былъ отведенъ подъ лабораторію для различныхъ опытовъ. Весь особнякъ обслуживался только тремя слугами: дворникомъ, лакеемъ и конюхомъ, помещающимися въ особомъ зданіи внутри двора.

Квартиру свою инженеръ обычно опиралъ англійскимъ салономъ. Когда же требовались канія-либо услуги, звонкомъ вызывалъ лакея. Чаще всего обходился безъ услугъ, предпочитая все дѣлать лично.

Въ лабораторіи работали два помощника инженера, оба молодые люди, удивительно похожіе другъ на друга, какъ близнецы. Они занимались только въ части лабораторіи; другая же часть была заперта. Сюда входилъ только Карамовъ. И даже для помощниковъ было загадкой, что онъ тамъ дѣлалъ. На своихъ помощниковъ Карамовъ производилъ впечатлѣніе какого-то замкнутаго хранилища съ драгоцѣнными дарами духа. Они предъ нимъ положительно благоговѣли...

Возвратившись съ кошей уже вѣчью, инженеръ прошелъ въ свой кабинетъ, зажегъ электричество, закурилъ сигару и усталое опустился въ мягкое кожаное кресло, съ видомъ очень утомленнаго человека.

Выпуская клубы едлага дыма, онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, рассматривая портретъ молодой, красивой женщины, находящейся на письменномъ столѣ.

Затѣмъ досталъ бюваръ въ желтомъ сафьянѣ, раскрылъ его и, взявъ перо, началъ медленно писать:

— Итакъ продолжаю. Прежде люди вѣрили на мечехъ и на крови. То были рыцарскія времена. И рыцари были вѣрны своимъ клятвамъ и обѣщаніямъ. Но настали другія времена и нравы измѣнились къ худшему. Не стало людей, которымъ можно было бы вѣрить... Это ужасно, но это такъ.

Только послѣ долгихъ, тщетныхъ и усиленныхъ поисковъ мнѣ удалось найти двухъ вѣрныхъ помощниковъ...

Онъ оторвался отъ писанія, затянулся сигарой и снова началъ водить перомъ по бумагѣ:

— Ты знаешь, Анна, что на нашей грѣшной землѣ накопилось слишкомъ много зла. Жизнь превратилась въ хаосъ. Люди

вѣршей скромности и общепринятой честности терпѣть лишены, униженія и незаслуженныя обиды.

Все это такъ было, такъ есть, но этого не должно быть.

Въ моихъ рукахъ слишкомъ сильное средство, чтобы смѣло и рѣшительно выступить на борьбу. Царягъ владыки на своихъ тронахъ, льютъ потоки драгоцѣнной человѣческой крови и ореолъ своей власти поддерживаютъ насиліемъ и рабствомъ. Но не знаютъ они того, что идѣ-то находится человекъ, который зрѣтъ ихъ подлости, считаетъ ихъ грѣхи и преступленія, и работаетъ, работаетъ надъ ихъ упраздненіемъ...

— Да, Анна, мое изобрѣтеніе перевернетъ весь строй человѣческой жизни, мои мысли и дѣйствія, какъ ураганъ, вырывающій вѣковыя деревья съ корнями, пройдутъ по городамъ и селамъ вселенной, и мощнымъ порывомъ сметутъ и уничтожатъ все то, что гнететъ и давитъ человѣчество земного шара. Откроютъ ему глаза, и увидятъ оно инныя правды... Да, такъ.

Карамовъ поставилъ точку. Закрылъ бюваръ и спряталъ его въ столъ.

На каминѣ четко тикали часы. Равномѣрно текли минуты, унося миги жизни въ бездну вѣчности.

Инженеръ поднялся съ кресла. Заложивъ руки за спину, онъ сталъ прохаживаться по мягкимъ коврамъ кабинета.

Остановившись около письменнаго стола, онъ нащупалъ незамѣтную для посторонняго глаза кнопчку и надавилъ ее три раза. Электрическая лампочка, стоящая на письменномъ столѣ, мигнула, какъ бы въ отвѣтъ, тоже три раза, и продолжала затѣмъ горѣть ровнымъ свѣтомъ подъ синимъ абажуромъ.

Пройдясь еще нѣсколько разъ по кабинету, инженеръ снова опустился въ кресло.

Въ мягкой тишинѣ огромнаго кабинета крупная фигура инженера казалась загадочной и странной. Что-то властное и въ то же время любяще-нѣжное замѣчалось въ ослепительныхъ смалкахъ его губъ.

Въ глубокой задумчивости и неподвижности онъ сидѣлъ передъ портретомъ молодой женщины, забывъ раскурить потухшую сигару.

Въ дверь постучались.

— Войдите, Милитъ,—встрепенувшись произнесъ инженеръ. Вошелъ помощникъ-лаборантъ, съ пышной шевелюрой и дымчатыхъ стеклахъ пенсенъ.

Покарь руку хозяина, онъ опустился въ кресло.

— Я васъ слушаю, Милитъ,—сказалъ Карамовъ.

— Онъ получилъ наше третье письмо,—началъ лаборантъ.

— Знаю,—мягко отозвался Карамовъ.

— Завтра онъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Нагорскій ждетъ новыхъ распоряженій. Онъ очень пылкій человекъ и проситъ спросить: не покончить ли съ нимъ разомъ?

— Это лишнее,—замѣтилъ инженеръ.—Развѣ мы задались дѣлю переселять въ иной міръ людей, въ сущности, не дурныхъ, но азблуждающихся?

— Конечно, нѣтъ,—согласился Милитъ.

— То-то же,—продолжалъ Карамовъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, люющимъ какъ свѣтъ его лампочки.—Къ сожалѣнію, онъ не вѣритъ въ могущество нашей организаціи. Значитъ, нужно заставить его повѣрить. И когда онъ убѣдится, что мы не бросаемъ словъ на вѣтеръ—тотчасъ же исполнить нашу волю... Черезъ часъ Нагорскій получитъ мои дальнѣйшія указанія. Истатъ, замѣчу, что съ этимъ дѣломъ мы будемъ спѣшить, ибо насъ ожидаетъ работа болѣе важная, болѣе необходимая...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

— Можно поинтересоваться, какаѣ?—спросилъ молодой лаборантъ, глаза котораго вспыхнули огонькомъ ослѣпого любопытства.

— Вы, конечно, другъ мой, знаете,—заговорилъ инженеръ;—что вся та безобразная эксплуатация, всѣ кровавыя расправы съ прудинимися, все безобразіе, происходящее на землѣ, зависятъ не отъ богатыхъ, не отъ жандармовъ, или полиціи. Первопричина зла заключается въ царскихъ тронахъ, этихъ оплотахъ кроваваго насилия и рабства. И вотъ намъ предявить задача уничтожить именно эту первопричину.

— Но какъ?—возразилъ Миничъ и въ голосѣ его даже послышался испугъ, точно на своей шеѣ онъ почувствовалъ петлю...

Главный инженеръ загадочно улыбнулся. Затѣмъ продолжалъ спокойнымъ тономъ:

— Другъ мой, какимъ способомъ это будетъ осуществлено, я пока умолчу. Но вѣрьте, что такъ будетъ. Можеть быть, пройдутъ долгіе тоды, но все же мы съ вами доживемъ до того счастливаго момента, когда надъ всѣмъ человѣчествомъ вспыхнетъ золотая заря свободы. Согласитесь, что для этого стоитъ жить и не покладая рукъ работать... А пока мы исполнимъ нашу маленькую задачу. Она будетъ какъ бы опытъ, но этотъ опытъ, вы увидите, будетъ интересенъ.

Силой огромной увѣренности, гигантской мощи звучали слова Карамова, и молодой лаборантъ, какъ затипотизированный, былъ вполне убѣжденъ, что все будетъ именно такъ, какъ говорилъ его патронъ.

Онъ поднялся съ мѣста, горячо пожалъ руку Карамова и вышелъ изъ кабинета, благоговѣнно притворивъ за собою дверь.

VII.

Согласно расписанію, курьерскій поѣздъ отправлялся въ двѣнадцать часовъ ночи. За десять минутъ до отхода директоръ угольныхъ копей, Платонъ Сергѣевичъ Рословъ, явился на вокзалъ и прямо прошелъ въ вагонъ перваго класса, занявъ отдѣльное купе. Олѣдѣвъ за нимъ въ тотъ же вагонъ прослѣдовалъ старый священникъ въ лиловой рясѣ, съ длинной сѣдой бородой и очень франтовато одѣтый господинъ, смахивающій на коммивояжера отъ крупной фирмы, съ небольшимъ краснымъ саквояжемъ въ рукахъ.

Въ вагонѣ публики было немного. Двѣ-три дамы, офицеръ и молодой, представительный господинъ въ свѣромъ охотничьемъ костюмѣ, похожій на богатаго помѣщика, ѣдущаго на отдыхъ въ имѣніе. Онъ полулежалъ на диванчикѣ, погруженный въ чтеніе вечерней газеты.

Вояжеръ бросилъ свой саквояжъ въ сѣтку, вздохнулъ, какъ залитая лошадь, и устало опустился на диванъ, противъ помѣщика.

— Скажите пожалуйста, милостивый государь, — вырвавшись обратился вояжеръ къ сосѣду по купе, — извините, я кое-что слышалъ по этому поводу, но не знаю подробностей.

Онъ указалъ на крупный заголовокъ въ газетѣ, кричащій о «загадочныхъ письмахъ» и о «партии предостерегающихъ».

— Будьте столь любезны сообщить, что такое случилось потрясающее?

Помѣщикъ улыбнулся. Двумя пальцами оправилъ пенсне.

— Н-да, знаете, исторія очень любопытная, — медленно и солидно заговорилъ онъ.

Глаза вояжера какъ-то странно эшарнили по лицу спутника, точно хотѣли снять черепъ...

— Такъ, такъ... Расскажите, пожалуйста.

— Началось съ того, что на угольных копяхъ была понижена заработная плата, ввиду кризиса, что ли. Рабочіе, конечно, поволновались. Разумѣется, были присланы жандармы, устроившіе проволочканіе. Въ то же время директоръ копей началъ получать угрожающія письма отъ какой-то невѣдомой партіи... Вотъ объ этихъ письмахъ здѣсь и идутъ безконечные рассказы. Посмотрите...

Помѣщикъ зѣвнулъ и передалъ газетный листъ вояжеру.

— Благодарю васъ, — преувеличенно вѣжливо поклонился вояжеръ. И затѣмъ, какъ бы снѣдуя своей профессиональной любопытности и любви къ путевымъ знакомствамъ, спросилъ:

— Далеко изволите ѣхать, милостивый государь?

— До Пропадинска, не дальше...

Удовлетворивъ свое любопытство, вояжеръ погрузился въ газету, но пробѣжавъ нѣсколько строкъ, снова обратился съ вопросомъ:

— Какъ вы полагаете, можетъ наша полиція выловить этихъ таинственныхъ личностей?

Молодой помѣщикъ равнодушно пожалъ плечами, съ видомъ человека, очень мало заинтересованнаго въ дѣятельности полиціи.

— Пожалуй, что нѣтъ, — отвѣтилъ самъ себѣ вояжеръ. — Какая, въ сущности говоря, у насъ полиція?

— А что? Развѣ ужъ такъ плохо? — такъ же равнодушно заинтересовался молодой помѣщикъ.

— Конечно, слушать въ ней всякій сбродъ. Порядочный человѣкъ ея сторонится, какъ чумы. Само собой, какого-нибудь мелкаго ворюшку быстро изолируютъ. Что же касается птицъ крупнаго полета, то въ большинствѣ случаевъ — пасъ.

— Почему же вы думаете, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны птицы крупнаго полета?

— Ну, какъ же не крупнаго? Вѣдь тогда не писали бы о нихъ такъ много въ газетахъ...

Молодой помѣщикъ проницательно усмѣхнулся, потомъ зѣвнулъ и началъ разбирать свой пледъ, какъ бы приготовляясь ко сну. Казалось, болтовня вояжера ему порядочно надоѣла.

— Бай, бай? — спросилъ неотвязчивый вояжеръ.

— Да, знаете, люблю подремать подъ качку вагона. Моя слабость.

— Спокойной ночи, милостивый государь...

— Спокойной ночи...

Но ночь эта не была спокойной.

Прошло не болѣе часа. Повозъ летѣлъ, пожирая пространство полей и лѣсовъ.

Молодой помѣщикъ осторожно пріотырилъ одинъ глазъ и взглянулъ на своего спутника вояжера. Тотъ сидѣлъ въ настороженнѣйшемъ позѣ, точно тигренокъ, готовый сдѣлать быстрый прыжокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Молодой помѣщикъ, наблюдавшій за вояжеромъ, закрылъ глазъ. Поездъ, плавно покачиваясь на мягкихъ рессорахъ. Свѣчи слабо мерцали въ фонаряхъ, наполовину задернутыхъ чехлами. Пассажиры крѣпко спали.

Прошло еще съ полчаса. Глазъ «помѣщика» снова опарилъ фигуру «вояжера», который теперь храпѣлъ, видимо, не выдержавъ борьбы съ дремотой и качкой вагона.

Помѣщикъ осторожно извлекъ изъ кармана маленький, гра-
ненный флакончикъ съ небольшимъ пульверизаторомъ. Приблизилъ флаконъ къ лицу вояжера и надавилъ пульверизаторъ.

Черезъ минуту, голова вояжера рывкимъ движеніемъ свисла съ груди, точно тыква на подрѣзанномъ стеблѣ.

Покончивъ съ этой операціей, обладатель флакона тихо пробрался къ сосѣднее купе, въ которомъ спалъ старый священникъ. То же самое было продѣлано и съ «духовной особой».

— Теперь вы будете спать долго, — прошепталъ «помѣщикъ» и выбрался на площадку. После духоты вагона, онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, ночной воздухъ, насыщенный ароматомъ росы и травъ. Вдали видѣлся отонекъ семафора, точно чей-то веленый глазъ, пронизывающій молочный туманъ предутра.

Поездъ подходилъ къ станціи.

На станціи было совсѣмъ пусто. Одинокое стоялъ на перронѣ помощникъ начальника, въ красной фуражкѣ. Какъ сонная муха, бродилъ станціонный сторожъ съ мѣдной бляхой на груди. Около станціи стояли кареты, запряженные парой лошадей.

— Поездъ стоитъ десять минутъ, — возвестили проходившій кондукторъ.

Стоявшій на площадкѣ, вошелъ въ вагонъ и постучалъ въ дверь купе, въ которомъ находился директоръ угольныхъ копей.

Платонъ Сергѣевичъ, видимо не спалъ. Въ ту же секунду онъ отозвался изволнованнымъ голосомъ:

— Кто тамъ?

— Свси. Господинъ Ропотовъ, будьте добры открыть.

Дверь купе распахнулась.

— Прошу васъ господинъ Ропотовъ, не пугайтесь. Я только что получилъ телеграмму отъ Липодѣлова, касательно васъ.

— Вы агентъ? — спросилъ директоръ, облегченно вздыхая.

— О, да...

— Въ чемъ же дѣло? Есть, что-нибудь...

— И очень важное. Давайте ваши вещи. Здѣсь васъ ожидаетъ карета. По дорогѣ я вамъ все расскажу. Нужно спѣшить.

Директоръ передалъ «агенту» свой дорожный несессеръ.

Оба вышли на платформу.

«Чортъ знаетъ, что такое, думалъ директоръ; — я становлюсь участникомъ какихъ-то таинственныхъ приключеній. Забавнаго мало».

— Въ чемъ же въ концѣ концовъ дѣло? — спросилъ онъ

вслухъ, стора отъ любопытства.

— Липодѣловъ проситъ васъ провести денекъ въ его имѣніи. Это необходимо для вашей безопасности, любезно отвѣтите спутникъ, подсаживая директора въ карету.

Кучеръ тронулъ лошадей и карета быстро покатилась отъ станціи. И когда станція скрылась изъ виду, спутникъ Ропотова вдругъ перемѣнилъ тонъ:

— Итакъ, господинъ директоръ, вы все-таки неизбѣжали своей участи.

— Какъ?!

Голосъ Ропотова дрогнулъ, точно сорвался, какъ у женщины въ пылу ссоры. — Вы, конечно, шутите; господинъ агентъ?

— Къ вашему сожалѣнію, нѣтъ. Во-первыхъ, я не агентъ.

А во-вторыхъ, вы находитесь въ рукахъ «парти предостерегающихъ». Вы намъ не пожелаеи вѣрнѣе. Въ данный моментъ, можете убѣдиться, что наши письма не были безпочвенной угрозою. «Согласитесь, что мы работаемъ таланты Липодѣлова.

— О, да, — безпомощно прошепталъ директоръ. И вдругъ почувствовалъ себя маленькимъ и ничтожнымъ, точно съ него сняли одежду и нагимъ вывели на людную улицу.

А спутникъ безжалостно наносилъ новый словесный ударъ:

— Такимъ образомъ, вы покидаете то, что посѣяли.

Директоръ поблѣлъ, какъ полотно. Глаза отъ ужаса расширились; точно онъ видѣлъ предъ собою смерть.

— Вы меня убьете? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Н-не знаю, — медленно и спокойно отвѣтилъ назвавшійся членомъ партіи — можетъ быть: да, а можетъ быть и нѣтъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Видѣ, обстоятельства играютъ жизнью каждаго человѣка. Не такъ ли?

«О, негодяй! Онъ еще философствуетъ» — подумалъ директоръ! Но вслухъ взмолился.

— Я прошу пощадить меня. Я безотлагательно исполню все что вы потребуете. Даю честное слово...

— Это очень хорошо, что вы идете на уступки.

Возможно, что нашъ совѣтъ точно такъ же пойдетъ на уступки и сохранитъ вамъ жизнь. Во всякомъ случаѣ вамъ все же придется побыть нѣкоторое время въ нашемъ плѣну... Боюсь, что вы раскаетесь слишкомъ поздно...

Между тѣмъ, карета въѣхала въ лѣсъ и покатилась по ухабистой лѣсной дорогѣ, затопленной зеленой мглой.

Начинало свѣтать.

Дорога показалась директору безконечно длинной.

Наконецъ, лошади остановились среди небольшой полянки, около небольшого охотничьяго домика.

— Пожалуйте.

— Все еще дрожащій первой дрожью, Платонъ Сергѣевичъ выльзъ изъ кареты и пугливо осмотрѣлся вокругъ.

Высокія мачтовые сосны, стоящія около домика, важно покачивались, купая свои вершины въ лучахъ золотого солнца. Безъ умолку звенѣли птицы, справляя свой весенній праздникъ.

«О, какъ здѣсь хорошо, — подумалъ Ропотовъ; — а меня ожидаетъ смерть». Смерть... И ему безумно сдѣлалось жалко себя.

Пошатываясь, онъ побрѣлъ за своимъ таинственнымъ погителемъ, въ домикъ; думая:

— Вотъ, гдѣ ожидаетъ невѣдомое...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Лѣподѣловъ совершенно разстроился. Онъ лишился сна и аппетита. Забывъ о своихъ лучшихъ коллекціяхъ, онъ отдался лихорадочной дѣятельности по розыску таинственной и неуловимой организаціи. Для его хлопотъ, матеріалу было вполне достаточно.

Во-первыхъ, повѣрившій ему директоръ угольныхъ копей Ропотовъ, исчезъ безслѣдно. Во-вторыхъ, два его лучшихъ агента, сопровождавшихъ Платона Сергѣевича въ курьерскомъ поѣздѣ, вернулись къ своему начальнику въ крайне смущенномъ видѣ, объяснивъ, что они заснули самымъ таинственнымъ образомъ и проспали даже станцію назначенія.

— Вонъ, сегодня,—тремблъ на нихъ, Лѣподѣловъ.—Вы ропотѣли и дармфды... Подъ судъ!..

Отъ начальства Лѣподѣлова летѣли безчисленные циркуляры, съ предписаніями разслѣдовать дѣло въ стрѣшномъ порядкѣ. И Лѣподѣловъ метался по своему кабинету, точно пантера въ клеткѣ, дѣлалъ распоряженія, отмѣняя ихъ, разсылалъ шифрованные депеши, звонилъ по телефонамъ, словомъ, былъ занятъ съ утра до вечера.

Въ довершеніе всѣхъ безпокойствъ, ему таинственнымъ образомъ подкинули большой пакетъ, перевязанный зеленой лентой, точь-въ-точь такой же, какъ когда-то директору угольныхъ копей, письмо гласило слѣдующее:

«Лѣподѣловъ! Мы находимъ, что Вы взяли, совершенно не за свое дѣло. Раскрыть нашу организацію, вамъ никогда не удастся. Мы не грабители, не мошенники, о чемъ мы гордо вамъ и заявляемъ. Мы только стражники правды. Въ пониженіи заработной платы шахтерамъ на косяхъ, мы видимъ явную несправедливость, а поэтому рѣшили возстановить нагло попорченное право рабочихъ... Присовокушаемъ, что Ропотовъ находится въ нашихъ рукахъ. Ваше дѣло—сторона. Советуемъ направить вашу энергію на собираніе лучшихъ коллекцій.—Накалывайте беззащитныхъ жучковъ на булавочки и раскладывайте ихъ по карточкамъ, но подобной манипуляціи не производите съ невинными людьми.

— О, мерзавцы!—воскликнулъ Лѣподѣловъ, ударяя кулакомъ по столу.—Онъ еще издѣваются! Скоты!..

Онъ продолжалъ прерванное чтеніе:

«Намъ извѣстно, что вы арестовали нѣсколькихъ шахтеровъ, держите ихъ въ ужасныхъ условіяхъ, бьете, истязаете, вырывая признаніе въ «грѣхѣ» ими не содѣянномъ. Берегитесь, Лѣподѣловъ! «Честью джентльменовъ, увѣряемъ васъ, что ни одинъ рабочий въ нашей организаціи не участвуетъ... Мы требуемъ немедленнаго освобожденія этихъ несчастныхъ людей.

Въ противномъ случаѣ, васъ постигнетъ участь директора Вотъ все, что мы хотимъ сказать вамъ»...

Прочитавъ это посланіе, Лѣподѣловъ рванулъ себя за остатокъ волосъ такъ сильно, что часть ихъ осталась въ скатыхъ пальцахъ.

Жучинья его брови грозно задвигались и онъ въ ярости забѣгалъ по кабинету.

— Ну, мы еще посмотримъ, кто кого,—бормоталъ онъ, брызжа слюною,—поглядимъ, поглядимъ. О, подлецы, я вамъ покажу участь директора... Не будь—я...

Въ этотъ моментъ раздался звонокъ по секретному телефону. Лѣподѣловъ снялъ трубку, полагая услышать новый нагоняй отъ начальства.

— Алло!.. Да я...

И отвѣтивъ, онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, какъ ужаленный злымъ имелемъ, въ самое чувствительное мѣсто.

Дерзновеніе членовъ, тайственной организаціи, дошло до того, что они разговаривали съ самимъ Лѣподѣловымъ, по его секретному телефону! Это ужъ слишкомъ.

Мужской голосъ спрашивалъ:

— Лѣподѣловъ, вы получили нашъ пакетъ?

— Получилъ,—отвѣтилъ Лѣподѣловъ, сжимая кулакъ. — И скоро заполучу всѣхъ,—бросилъ онъ угрожающую фразу.

Но голосъ телефоннаго собесѣдника, звучалъ ровно, съ коварной ужимочкой человѣка, недостигаемаго для какого-либо воздействия, какъ бы говоря:

— Посмотримъ.

— Если ваша наивность праничить съ вашей глупостью, то успѣхъ нашего дѣла вполне обезпеченъ. Итакъ, что вы скажете?—Извиль неизвѣстный по телефону.

Лѣподѣловъ терялъ хладнокровіе, выходилъ изъ себя:

— Скажу, что я открою вашу подлую организацію.

— Почему же подлую?—насмѣшливо спрашивалъ телефонный собесѣдникъ.—Потрудитесь, милостивый государь, объяснить.

— Потому что вы дѣствуете противозаконно.

— Да, шеужели? Я думаю иначе. Мнѣ кажется, что вы дѣствуете неправильно, вмѣшиваясь не въ свое дѣло. Мы вашихъ, такъ называемыхъ законовъ, не нарушаемъ. Хотя всю вашу законность, собственно говоря, давно бы слѣдовало сдать въ архивъ, какъ негодный хламъ... Но въ дѣлу. Вы исподните то, что мы требуемъ?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Это мое дѣло. Моя единственная задача, добраться до васъ. И проучить, конечно, за дерзость.

— Пороху не хватитъ, милѣйшій.

— Хватить.

Въ телефонной трубкѣ раздался насмѣшливый свистъ, и вслѣдъ за нимъ вопросъ:

— Это ваше послѣднее слово, господинъ Лѣподѣловъ?

— Послѣднее съ...

— Итакъ, борьба, значитъ? Кто кого?—издѣвался телефонный собесѣдникъ. — Забавно васъ видѣть въ роли слѣдопытна... Воображаю ваши грядущіе успѣхи.

— Убирайтесь къ дьяволу!—Заоралъ Лѣподѣловъ—бросая трубку.

Онъ снова взволнованно забѣгалъ по кабинету, грозя кулаками неведомому врагу.

Дѣло принимало для него совершенно неожиданный и темный оборотъ. Никакихъ нитей въ рукахъ не было.

Вдругъ какая-то мысль осянула его голову.

Вызвалъ дежурнаго и приказалъ:

— Приведите сюда шахтера Петрова

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—X.

Инженеръ Карамовъ, въ задумчивой позѣ, сидѣлъ передъ портретомъ молодой женщины. Тихо было въ кабинетѣ. Только тикали часы на каминѣ, отсчитывая тѣни и секунды, изъ которыхъ составлялось время.

Власть воспоминаній захватила Карамова и затащила его на своихъ волшебныхъ крыльяхъ въ недалекое прошлое. Смотри на прекрасныя черты любимой, онъ шепталъ:

— О, Анна! Ты дала мнѣ силу и остроту мысли. И тебѣ единственной посвящается моя жизнь. И вотъ теперь клянусь исполнить все предназначенное...

Инженеръ закрылъ глаза. И снова, какъ раньше, какъ прежде, во весь ростъ являлся передъ нимъ образъ любимой. Золотое видѣніе цвѣтущей весны. Тихій свѣтъ лѣтняго заката надъ хрустальнымъ озеромъ, скользявшій по страницамъ его жизни. Какъ живая предстала передъ нимъ молодая женщина съ тонкими чертами лица, съ одухотвореннымъ взглядомъ большихъ лучистыхъ глазъ. О, непокорный поцѣлуйный локонъ, буйно вьющійся надъ розовой раковиной уха...

Карамовъ напомнилъ послѣдній разговоръ съ нею. И, разбираясь критически, только теперь постигъ всю ея правоту, и, можетъ быть истинную любовь. Но какъ это было?

Вспомнилъ. Она говорила:

— Вадимъ, я знаю: ты любишь меня. Но пойми: если все время жить одинъ нашкотокъ, онъ можетъ опротивѣть. Покажуйста не протестуй, не говори: нѣтъ. Пойми, что въ концѣ-концовъ наша совместная жизнь превратится въ лешую, несмотря на всю ея внѣшнюю красочность. Нужно найти красоту внутреннюю. Ты, Вадимъ, человекъ, незаурядный. Тебѣ нужно работать, изобрѣтать, творить. И я чувствую, что во всемъ этомъ буду тебѣ помѣхой.

Она перебивала ее. Убѣждала въ томъ, что только одна она — источникъ его вдохновенія.

— Ты моя путеводная звѣзда, мой свѣтъ, — говорилъ Карамовъ.

И влюбленно дрожалъ взволнованный голосъ, точно тысячи голубыхъ струнъ арфы. Но она оставалась непреклонной. Какъ бы инстинктомъ любящей подруги чувствовала свою правоту, предсказывая будущее. И глаза ея, эти живыя окна души — горѣли огнемъ рѣшимости:

— Я должна привести эту жертву, Вадимъ. Я возму сына и уйду съ тебя. Вернусь только тогда, когда ты станешь великимъ. А ты имъ станешь, потому что любишь. Любовь же разбиваетъ все препятствія. Я уйду... Пусть это жестоко, но знай, Вадимъ, что ты не увидишь до тѣхъ поръ, пока имя твое не засіяетъ

такихъ же свѣтомъ, какъ имѣла: Христа, Будды, Конфуція, Магомета, словомъ всѣхъ великихъ людей, когда-либо жившихъ на землѣ... Я знаю, ты любишь народъ. И народъ далъ тебѣ образование. Такъ сдѣлай уже для этого народа все, что бы онъ былъ счастливъ. Видь, эти люди живутъ и умираютъ безъ проблеска надежды на лучшее будущее. Холодная тьма обложила ихъ жизнь. Ихъ воли и стоны не достигаютъ небесъ. Будь имъ вѣдомъ, сокруши препятствія, стоящія на дорогѣ свѣта.

Ахъ, она, какъ-будто вслухъ произносила его затѣенныя мысли. Съ юныхъ лѣтъ думалъ Карамовъ надъ проклятыми вопросами жизни. Многихъ бессонныхъ ночей стоило разрыненіе запутанныхъ социальныхъ условий и поиски первоначинны зла.

А она между тѣмъ, продолжала:

— Только смѣлыхъ и дерзостныхъ люблю я. Изъ безпросвѣтнаго мрака, изъ темныхъ глубинъ, какъ хрустальные рудники, пробивая гранитныя тѣлы, выходятъ они на свѣтъ... Спотыкаются, шерѣдко падаютъ, но снова поднимаются и снова идутъ къ разъ намѣченной цѣли. Сметаютъ препятствія и побѣждаютъ. Ихъ творческая мысль создаетъ чудеса... И ты, Вадимъ, долженъ идти по этому пути.

Какимъ неземнымъ свѣтомъ горѣли глаза Анны. Въ коралловомъ изломѣ тубъ сосредоточена была титаническая сила воли. Точно упругость стали и твердость мрамора заключались въ этомъ хрупкомъ существѣ.

— Я такъ хочу!

Какъ она толкнула крошечной ногой! Какъ буйно взметнулся непокорный локоть надъ коралловой раковинкой уха.

— Сдѣлайся великимъ, Вадимъ, и вотъ изъ этихъ прекрасныхъ рукъ ты получишь волшебный цвѣтокъ счастья...

И она уѣхала...

Карамовъ блуждалъ по заграницамъ, изучая взаимоотношенія различныхъ правительствъ къ своимъ народамъ. Изъ своихъ наблюдений онъ вывелъ заключеніе, что нигдѣ во всемъ мірѣ не живетъ рабочему классу такъ суждено, какъ въ Россіи подъ не обузданной пятой неумнаго самодура и деспота Александра III. Въ заграничной печати проскальзывали свѣдѣнія о томъ, какими недостойными и развращенными людьми окружилъ себя этотъ самодержецъ. Бучка ваглыхъ лизоблюдовъ окружила тронъ и подобострастно амплорировала всѣмъ шагомъ императора, направленнымъ въ сторону угнетенія народа. Душился всякій протестъ мысли. Насаждалось шпионство не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей. Невидимые глаза и уши слѣдили за каждымъ опаснымъ, съ деспотической точки зрѣнія, человекомъ.

О наследникѣ Николаѣ писалось, какъ о тупоголовомъ субъектѣ, лишенномъ какой-либо инициативы. Предсказывалось, между прочимъ, что если при Александрѣ русскій народъ видитъ цвѣточки, то при Николаѣ увидитъ—эгодили.

Читалъ все это Карамовъ, негодовалъ, болѣлъ за родной народъ и великой своей любовью къ Аннѣ и сыну княземъ отдать все силы свои на развѣщеніе и искорененіе того зла, въ которомъ задыхается добрый русскій народъ. Это было въ тѣ темные дни Россіи дни, когда ея самодержавный повелитель, отъ чрезмернаго поклоненія Бахусу, серьезно заболѣлъ...

Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XI.

— Последнее мое открытіе, — писалъ Карамовъ, — имѣетъ не-
сомнѣнно огромное значеніе. Но я никому не продамъ его. Ты,
Анна, знаешь мою рѣшимость. Я увѣренъ, что въ рукахъ добрыхъ
оно принесетъ пользу всему человѣчеству.

Мой планъ оздоровленія вселенной долженъ быть проведенъ
только мною. Если же это не удастся, то моя тайна сойдетъ со
мною въ могилу. Ты можешь быть въ этомъ увѣрена. Да такъ
должно быть и такъ, разумѣется, будетъ.

Въ настоящее время я работаю надъ изобрѣтеніемъ такого
аппарата, при помощи котораго можно видѣть и слышать все, что
происходитъ на безконечно далекомъ разстояніи. Первые опыты
меня удовлетворяютъ. Скоро и тебя увижу съ сыномъ, будь ты
отъ меня отдалена хотя на тысячи верстъ. Мое изобрѣтеніе, какъ
ты увидишь потомъ, перевернетъ всѣ человѣческія отношенія.
Временами меня охватываетъ жуткій и сладкій трепетъ, когда я
представляю себѣ картину будущаго. Но объ этомъ послѣ. Въ дан-
ный моментъ я рѣшаю, чисто принципиальный вопросъ...

Инженеръ Карамовъ отложилъ перо въ сторону, раскурилъ
сигару, нѣсколько разъ затянулся и снова продолжалъ прерванное
писаніе:

— И вотъ этотъ вопросъ: въ правѣ ли я устранять изъ жизни
людей, на какой бы ступени своего положенія они ни стояли, мѣ-
шающихъ общему благу?

Я, человѣкъ — не могущій видѣть крови. Страданія другихъ
для меня причиняютъ непередаваемое горе... Но послѣ долгихъ
и упорныхъ размышленій, я пришелъ къ выводу, что это право
диктуется законами вѣчной справедливости... Не улыбайся, Анна,
ты поймешь меня. Ты чуткая. Ты единственная, которая не со-
чтешь меня сумасшедшимъ. Въ концѣ-концовъ я пришелъ къ мысли,
что упраздненіе людей вредныхъ съ общечеловѣческой точки зрѣ-
нія — не есть преступленіе, а великая заслуга передъ настоящимъ
и будущимъ временами, ибо для яда, равносмыслаго заразу, необхо-
димо искать противоядіе.

Принято говорить, что какое бы преступленіе ни совершилъ
человѣкъ, оно будетъ лежать тяжелымъ камнемъ на его совѣсти.
Какой вздоръ. Вѣдь, это происходитъ потому, что люди смотрятъ
на подобныя истины совершенно не съ той точки зрѣнія. Я вмѣ-
стѣ съ Сафиромъ полагаю, что истина — красива; кто слегка до-
тронется до нея — обожжется, тому же, кто смѣло къ ней подхо-
дитъ она не причиняетъ ни малѣйшаго вреда.

Къ этой истинѣ я подхожу прямо. И если уничтожу тысячу
зловредныхъ экземпляровъ человѣческой породы — буду себя чув-
ствовать такъ же спокойно, какъ спокойно выкуриваю сигару.
Я только — мечъ справедливости, карающая Немезида. Да это такъ.

Я вижу, какъ зло саниномъ сильно въѣлось въ жизнь, сани-
номъ глубокіе корни пустило оно. И темные люди нашего времени
не знаютъ, гдѣ кончается правда и начинается ложь. Какъ бе-
зумцы, они находятся на пути ложномъ. И неудивительно. Въ
теченіе тьмы вѣковъ они были игрушками въ рукахъ кучки, взяв-
шей надъ ними власть. Ими швырялись, нисколько не считаясь съ
ней надъ ними власть. Ими творились, нисколько не считаясь съ

ихъ желаніями, слезами, прошею и страданіями. Ихъ тѣлами уто-
лялся голодъ провозжаемыхъ звѣрей въ римскихъ циркахъ, подъ
апплодисменты «избранной» кучки насильниковъ и угнетателей.
По прихоти своихъ властелиновъ они безропотно складывали свои
головы на поляхъ сраженій, ихъ посылали истреблять другъ друга
ради невѣдомыхъ для нихъ цѣлей. И теперь, какъ и во времена
прошлыя, они такъ же рабы. Какъ тѣ строили пирамиды для еги-
петскихъ фараоновъ, такъ и эти строятъ пирамиды благополучія
для своихъ царей и ихъ клики.

Долго еще писалъ инженеръ Карамовъ на эту тему. Засѣвъ
на своего любиматаго конька—философію и социальномъ неустрой-
ствѣ онъ исписалъ явскою листовъ бумаги.

И когда кончить, взявшему на часы, было половина одиннад-
цатаго вечера.

Инженеръ опѣшно облачился во фракъ и рѣшилъ поѣхать въ
клубъ... Наро же было узнать, что говорятъ въ обществѣ. Кара-
мовъ любилъ прислушиваться къ этимъ разговорамъ и на основаніи
ихъ соразсѣрять свои шаги. Матеріалу для разговоровъ, конечно,
достаточно:

И онъ не ошибся.

Въ клубѣ царило необычайное оживленіе. Болѣзнь царя ин-
тересовала немногихъ. Большинство было занято сенсационной
злостью дня: загадочнымъ исчезновеніемъ директора угольных ко-
пей, усиленіемъ агентовъ и забавнымъ приключеніемъ съ Липо-
дѣловымъ.

Инженеръ Карамовъ опустился въ кресло и съ большимъ
интересомъ прислушивался къ разговорамъ публики.

— Удивительныя настали времена,—жестикულიровалъ ка-
кой-то тучный господинъ въ пенсѣ, окруженный тѣснымъ коль-
цомъ слушателей—мы тратимъ огромныя суммы на полицію, но
она не въ состояніи не только охранять обывателя, но даже и
себя отъ опасности.

— Да, да,—сокрушенно вторилъ одинъ изъ слушателей, че-
ловѣкъ высокаго роста съ огромной лысиной на квадратной го-
ловѣ, которой покачивалъ въ тактъ своимъ словамъ, точно ки-
тайскій болванчикъ.

— Что же это такое,—продолжалъ ораторствовать господинъ
въ пенсѣ.—Мы, значитъ, должны констатировать полнѣйшее без-
силіе нашей власти? Видь, это, значитъ, никто изъ насъ не га-
рантированъ отъ нападенія какихъ-либо темныхъ личностей!

— Помилуйте—замышлялся ораторъ—эти люди не только дѣ-
лають, что хотятъ, но еще насмѣхаются надъ тѣми, кто ста-
рается пресѣчь ихъ преступную дѣятельность. Слышали, какъ они
трунили надъ Липодѣловымъ...

— Да, да—вздыхалъ квадратноголовой субъектъ, — я ду-
маю, что на такое дѣло способны только анархисты,—добавилъ
онъ съ апломбомъ.

— Кто бы они ни были,—пыталъ господинъ въ пенсѣ,—
но жизнь обывателя, милостивые государи, находится въ опас-
ности. Развѣ это не ужасъ, милостивые государи?

Всѣ соглашались съ мнѣніемъ оратора. Каждый старался
высказать свое мнѣіе и обрисовать положеніе въ возможно мрач-
ныхъ краскахъ. Только инженеръ сидѣлъ молча, не вступая въ
разговоры, и лишь незаметно усмѣхаясь надъ этими людьми, не
знающими правды и питающими слухами и страхами.

— Вадимъ Викторовичъ, вы здѣсь?—раздался около него
голосъ.

Передъ Карамовымъ остановился знакомый профессоръ Го-
ризовъ и протягивалъ руку...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХП.

Карамовъ не долюбивалъ профессора. Это былъ фатоватый многорѣчивый субъектъ съ развязными манерами выскочки. Служилъ онъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и кафедру получилъ по назначенію свыше, вопреки желанію профессуры. Онъ яростно поддерживалъ реакціонную политику Александра III, пресмыкался передъ сильными міра сего и даже поговаривали въ обществѣ, что онъ не безгрѣшенъ въ смыслѣ сношенія съ тайной полиціей. Прямыхъ доказательствъ этому не было, но все же за время его пребыванія на кафедрѣ нѣсколько выдающихся педагоговъ вполне познакомились съ климатическими условіями Нарымскаго края.

Все это давало поводъ инженеру Карамову сторониться Горизонтова. Даже болѣе: при встрѣчахъ съ этимъ профессоромъ у Карамова зарождался въ душѣ какой-то суевѣрный страхъ, или предчувствіе дурныхъ послѣдствій.

Пожавъ руку, Горизонтовъ опустился въ кресло рядомъ съ Карамовымъ. Снявъ пенснѣ, протеръ ихъ бѣлымъ своимъ платкомъ, снова вложилъ ихъ на носъ и сказалъ, улыбаясь:

— А я васъ могу порадовать, Вадимъ Викторовичъ.

— Чѣмъ же?..—Холодно поинтересовался Карамовъ.

— Могу вамъ передать низкій поклонъ отъ Анны Игнатьевны.

Карамовъ встрепенулся, точно пронизанный электрическимъ токомъ. Совершенно не расположенный поддерживать разговоръ съ профессоромъ, онъ все же спросилъ:

— Вы ее видѣли?

— О, да. Я только что вернулся изъ Евпаторіи, гдѣ имѣлъ честь прожить въ одномъ съ нею пансіонѣ недѣлю.

— Она здорова?

— Вполнѣ. Шлетъ вамъ наилучшія привѣтствія и пожеланія успѣховъ въ вашей работѣ.

— Благодарю васъ,—поклонился Карамовъ и хотѣлъ было уйти, но профессоръ останавливалъ его:

— Куда же вы, Вадимъ Викторовичъ? Мнѣ, какъ разъ хотѣлось побесѣдовать съ вами.

— О чемъ же?—сухо спросилъ инженеръ.

— Помилуйте, мало ли о чемъ!—воскликнулъ Горизонтовъ.—Весь нашъ городъ, да что нашъ городъ, обѣ, можно сказать, столицы говорятъ о происшествіи съ вашимъ директоромъ. И отъ васъ, какъ отъ первоисточника, я вправѣ ожидать точныхъ данныхъ. Скажите, что съ нимъ?

— Я знаю только одно, что Платонъ Сергѣевичъ до сихъ

портъ не обнаружился,—отвѣтилъ Карамовъ, онемевъ, усаживаясь въ кресло и какъ бы подчиняясь неприятной обязанности бесѣдовать съ Горизонтовымъ.

— Очень странная исторія,—покачалъ головою профессоръ,—очень странная. Какъ вы предполагаете, что будетъ дальше?

— Право не знаю. Думаю, что ничего страшнаго не случится. Толпа и полиція всегда преувеличиваютъ страхи.

— Вы—оптимистъ.

Инженеръ покалъ плечами:

— Такимъ созданъ, Французы говорятъ, что если человекъ грусть, то это надолго,—усмѣхнулся Карамовъ.—Мой оптимизмъ, очевидно, тоже явленіе длительного порядка.

Горизонтовъ продолжалъ засыпать вопросами.

— Ну, и что вы скажете относительно пресловутой «партіи предостерегающихъ»?—бросилъ онъ вопросъ и въ упоръ посмотрѣлъ на инженера сквозь стекла пенсне.

Инженера внутренне передернуло: «ужъ не сболтнула ли ему что-либо Анна?», но внешне онъ оставался попрежнему холоднымъ и невозмутимымъ.

И, подчиняясь неизбежности, отвѣтилъ:

— Я очень невнимательно слѣжу за нею. И, по правдѣ говоря, мало интересуюсь ею. Надо полагать, что въ концѣ-концовъ она попадетъ въ руки знаменитаго Лыподѣлова.

Эту фразу онъ прощдилъ съ отбѣскомъ презрительной ироніи.

— Едва ли, — подхватилъ Горизонтовъ. Тутъ работаютъ дьявольски ловкіе ребята. Идутъ по совершенно оригинальнымъ путямъ. Лыподѣловъ же привыкъ къ шаблону и врядъ ли справиться съ возложенной на него задачей.

Горизонтовъ началъ распространяться:

— Собственно говоря, что такое Лыподѣловъ? Неумный жандармъ, натренированный на подкидкахъ и соблазнахъ извивныхъ интриговъ, которые при помощи запугиванія открываютъ ему секреты партій. На большее онъ не способенъ. Не правда ли?

Инженеръ снова покалъ плечами, какъ бы говоря:

— Чортъ съ нимъ, съ Лыподѣловымъ. Какое мнѣ въ сущности дѣло до его талантовъ, или безталанности? И такъ же равнодушно, какъ бы съ желаніемъ ликвидировать неинтересный для него разговоръ, замѣтилъ:

— Если не поймаютъ, значитъ, розыски ведутся не съ того конца.

— Вотъ именно не съ того конца!—воскликнулъ болтливый профессоръ,—цѣпляясь за бесѣду съ инженеромъ. Скажите, какъ бы вы поступили, находясь на мѣстѣ Лыподѣлова?

Карамовъ искренно расхохотался.

— Вотъ ужъ не имѣю ни малѣйшей охоты быть на его мѣстѣ,—сказалъ онъ.—И, поднявшись съ мѣста, подаль руку Горизонтову:

— Однако, мнѣ пора. До свиданія.

Выходя изъ клуба, онъ думалъ: и зачѣмъ пристала къ нему эта фигура? Конечно, не съ проста. Неужели Анна могла проговориться?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тѣмъ временемъ директоръ угольныхъ копей Платонъ Сергѣевичъ Ропотовъ, со смятенной душой лежалъ на желѣзной койкѣ въ отведенномъ ему помѣщеніи, размышляя о предстоящей ему участи.

Медленно тянулось время въ безплодныхъ размышленіяхъ. Наступила тихая весенняя ночь. За окнами таинственно шелестѣли деревья, доносился трескъ кузнечиковъ и откуда-то очень издали доносились мелодичные звуки пастушечьего рожка. Ропотовъ задремалъ. И лишь только благожелательный сонъ смѣжилъ его вѣки, шелкнулъ дверной замокъ. Вслѣдъ за тѣмъ кто-то тронулъ директора за плечо.

Ропотовъ испуганно открылъ глаза.

Въ призрачной мглѣ комнаты у кровати стоялъ неизвѣстный человѣкъ.

— Прокнитесь, господинъ Ропотовъ,—проснитесь.

— Я не сплю,—пролепеталъ директоръ. Что вамъ угодно? Языкъ плохо повиновался. Жуткая дрожь пронизывала съ ногъ до головы.

— Пожалуйста не пугайтесь,—успокоилъ его неизвѣстный.— Намъ нужно побесѣдовать.

Ропотовъ сѣлъ на кровати. Неизвѣстный человѣкъ опустился на табуретъ.

— Я васъ слушаю.

— Теперь вы, конечно, убѣдились, что наши требованія были не беспочвенной угрозой, или мистификаціей?

— О, конечно. И очень жалось за свою опрометчивость,—отвѣтилъ директоръ.

— Что утнущено, то не потеряно... философски замѣтилъ неизвѣстный.

— Такъ, значитъ, я буду живъ?..

— Безусловно. Мы пока не считаемъ васъ человѣкомъ преднымъ, а только заблуждающимся, переоцѣнившимъ свои силы. И какъ съ таковымъ можемъ договориться...

— Я готовъ на всѣ ваши условія...

— Это дѣлаетъ честь вашей стоворчивости. Но все же нѣкоторое время вамъ придется побыть здѣсь,—заявилъ неизвѣстный. А пока вамъ необходимо успокоить вашу семью.

Неизвѣстный зажгъ лампу.

Только теперь Ропотовъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ былъ въ черной маскѣ, брошенной на половину лица.

На столѣ находились чернила и бумага.

— Пишите кратко: «живъ, здоровъ, скоро буду дома». Передайте, чтобы удовлетворили шахтеровъ.

Ропотовъ покорно написалъ продиктованное.

— Теперь,—продолжалъ неизвѣстный собесѣдникъ,—еще одно условіе, отъ выполненія котораго зависитъ ваше освобожденіе.

— Слушаю.

— Вы напишите отъ своего имени письмо Лѣподѣлову. Текстъ этого письма я продиктую. Согласны?

Директоръ, не раздумывая, согласился. Перспектива освобожденія слишкомъ ему улыбалась. Не все ли равно кому писать письмо: чорту, дьяволу, Лѣподѣлову.

И онъ снова взялся за перо.

— Диктуйте.

— Пишите: «Милостивый государь, Нилъ Стратоновичъ. Сибирю сообщить вамъ, что мнѣ съ большимъ трудомъ удалось освободиться изъ рукъ «партии предостерегающихъ». Вѣроятно, завтра буду въ городѣ и расскажу подробно о моихъ приключеніяхъ. А пока прощу оставить ваши хлопоты по моему дѣлу. Я въ опасности. Это главное. Ропотовъ».

— Вотъ и все,—произнесъ неизвѣстный. Желаю вамъ покойной ночи.

Онъ ушелъ, захвативъ съ собою исписанные листы.

Директоръ снова остался одинъ.

XIII.

Къ Лыподѣлову изъ «секретной» камеры былъ доставленъ шахтеръ Петровъ. Пребываніе въ секретной наложило на его высокую сутулую фигуру неизгладимые слѣды. Въ этой камерѣ арестованныхъ морили голодомъ, не давали пить и били тоненькими палочками-мыльницами, насыпанными мелкимъ пескомъ. Эти побои не оставляли никакихъ внѣшнихъ слѣдовъ, но за то внутреннія пораженія организма были смертельны. Послѣ этихъ побоевъ избиваемый не считался живымъ на этомъ свѣтѣ.

Только изощренное варварство «охранителей» трона и всей тусклой системы царизма могло придумать такое истязаніе своихъ злосчастныхъ жертвъ.

Вопрепятій арестантъ представлялъ исторбенную, изможденную фигуру, похожую не на живого человѣка, а скорѣе на скелетъ, обтянутый сухой кожей, безъ малѣйшихъ признаковъ мяса. Лицо его было зеленоваго-землистаго цвѣта, глаза, потерявшие всякій блескъ, были тусклы, точно опоянныя шутницы. Голосъ, лишенный интонаціи, звучалъ глухо и безнадежно-уныло. Казалось, этотъ человѣкъ потерялъ всякую надежду на лучшее будущее, примирился съ проклятой дѣйствительностью и покорно шелъ навстрѣчу неизбежной смерти.

— Такъ-таки, Петровъ, ты не сознаешься?—обратился къ нему Лыподѣловъ.

— Мнѣ не въ чемъ сознаваться,—отвѣтилъ бѣдный шахтеръ.

— Какъ не въ чемъ?—повысилъ голосъ начальникъ.—Я только что получилъ свѣдѣніе, что ты состоишь въ партіи предостерегающихъ.

На лицѣ шахтера отразилось нѣчто въ родѣ скорбной улыбки. Вѣроятно, такая же улыбка была на лицѣ Христа, когда провокаторы Синаedrіона обвиняли Его въ несуществующихъ преступленіяхъ, или Іуда лобзалъ Его предательскимъ поцѣлуемъ.

— Я не знаю такой партіи—почти простоналъ онъ. За что вы меня мучаете?

Лыподѣловъ начиналъ терять терпѣніе.

— Пожалуйста, не вилай дурака. У меня же есть данныя. И очень вѣскія.

Онъ бросилъ острый взглядъ изъ-подъ своихъ густыхъ бровей на шахтера, наблюдая за произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Что ты скажешь на это, милый человѣкъ. А?..

Шахтеръ оставался невозмутимымъ и равнодушнымъ.

— Я не знаю такой партіи,—отвѣтилъ онъ.

Лыподѣловъ раздумчиво побарабанилъ по столу. Исторія эта начинала его злить. Вотъ ужъ нѣсколько дней онъ напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы найти какую-либо зацепку. Самые дѣятельные агенты рыщутъ вездѣ и всюду, арестуютъ рабочихъ и подозрительныхъ массъ, допрашиваютъ, потезавтъ при допросахъ, но кромѣ скандала ничего не получается. Газеты бьютъ тревогу, обвиняя администрацію въ бездѣятельности. Прямо голова идетъ кругомъ.

Лыподѣловъ снова вперилъ взглядъ въ шахтера:

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV.

— Послушай, Густовъ,—значительно мягко заговорилъ онъ,—и въ толосѣ чувствовалась утомленная безнадежность.—Послушай, Петровъ,—ты только сознайся. Твое сознание значительно облегчитъ твою участь. Я советую для твоей же пользы.

Шахтеръ промолчалъ.

И снова скорбная улыбка безнадежности, улыбка измученнаго Христа, пробѣжала по чертамъ лица шахтера. О, этой улыбки не могъ равнодушно выносить даже Липодѣловъ. Но онъ быстро подавилъ въ себѣ чувство какой-либо жалости.

— Ты молчишь, прохвостъ,—грубо накинулся онъ. Ну, пей на себя. Сгною въ тюрьмѣ...

Въ этотъ моментъ вошелъ дежурный чиновникъ и подалъ Липодѣлову письмо отъ Ропотова.

Прочитавъ письмо, начальникъ сразу повеселѣлъ. И, обращаясь къ чиновнику, указавъ на шахтера.

— Отведите эту сволочь въ секретную.

— Шахтера увезли. И, лишь только закрылась за нимъ дверь, зазвенѣлъ телефонъ. Липодѣловъ снялъ трубку.

— Алло! Да, я? Раскаялся ли я въ моихъ поступкахъ! Ничуть. Вы, негодяи, скоро будете въ моихъ рукахъ.

Въ телефонной трубкѣ раздавался свистъ и ехидный смѣхъ.

Но Липодѣловъ теперь вѣрилъ въ звѣзду удачи. Ропотовъ свободенъ,—думалъ онъ,—онъ кое-что можетъ рассказать. Значить, записка есть.

Теперь Липодѣловъ знаетъ, какъ пристроить къ дѣлу....

И онъ взволнованно зѣбѣталъ по кабинету, довольно потирая руки.

Весь день онъ находился подъ впечатлѣніемъ предвѣщаемаго успѣха. Ему уже рисовался тотъ триумфъ побѣдителя, когда таинственная организація, нарушившая его душевный покой, будетъ арестована и ея члены засядутъ въ «секретку».

О, тогда Липодѣловъ поговоритъ съ ними. Онъ имъ покажетъ свои когти. Тотъ смѣется хорошо, кто смѣется послѣднимъ.

На радостяхъ Липодѣловъ весь остатокъ дня занимался своими коллекціями, любовно сортируя жучковъ по коробочкамъ. Это было признакомъ того, что его душевное равновѣсіе восстановлено.

Но слѣдующій день несъ для него новыя неожиданности, совершенно непредвидѣнныя.

Лишь только онъ усѣлся въ своемъ кабинетѣ, въ ожиданіи докладовъ, какъ въ кабинетъ вошелъ дежурный чиновникъ и доложилъ, что начальника проситъ къ общему телефону директоръ угольныхъ копей Ропотовъ.

— Включите въ мой настольный—приказалъ Липодѣловъ.

— Слушаю.

Черезъ минуту звякнулъ звонокъ и начальникъ снялъ трубку.

— У телефона.

— Здравствуйте, Нилъ Стратоновичъ.

Говорилъ Ропотовъ. По крайней мѣрѣ, голосъ былъ его, въ

это не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Его медлительная рѣчь, легкая хрипота.

— Здравствуйте, дорогой Платонъ Сергѣевичъ, здравствуйте. Рассказывайте о вашей одиссеѣ.

— Охъ, вздохнувъ Ропотовъ, — жизнь моя, можно сказать, висѣла на волоскѣ.

— Ну, ну, — торопилъ Лѣподѣловъ.

— Только одному Богу извѣстно, какъ я унесъ ноги, — продолжалъ медленно директоръ. Одно могу сказать: напрасно мы съ вами затѣяли это дѣло. Мнѣ бы нужно сразу идти на уступки. Вѣдь, это черти, а не люди.

— Однако же проворонили васъ, — ехидно замѣтилъ Лѣподѣловъ. — Проморгали же.

— Да, конечно, — согласился Ропотовъ. Но, можетъ быть, это входитъ въ ихъ планы. Я такъ напуганъ, что никакихъ разговоровъ въ отказѣ ихъ требованій не можетъ быть. Я распорядился удовлетворить шахтеровъ.

— Это напрасно. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Теперь же вы въ ихъ рукахъ, а они въ моихъ. Слѣдъ все-такъ есть, что для моихъ розысковъ вполне достаточно.

— Не увлекайтесь, Нилъ Стратоновичъ, — перебилъ директоръ. Если вы рассчитываете на меня, то я очень мало могу помочь вашимъ поискамъ. Я рѣшилъ немедленно уѣхать за-границу. Послѣ этой передыжки мнѣ крайне необходимъ отдыхъ...

— На поѣздѣ за-границу я васъ благословляю, но что касается удовлетворенія требованій какихъ-то прохвостовъ — слуга покорный... Я не позволю торжествовать какимъ-то гнусамъ.

— Что вы говорите? — точно въ попугъ перебилъ Лѣподѣлова директоръ. А вдругъ они все это услышатъ.

Лѣподѣловъ расхохотался въ телефонѣ самымъ искреннимъ образомъ.

— Ну, и трусь же вы, Платонъ Сергѣевичъ.

— Перестаньте. Я такъ думаю, что и стѣны у нихъ имѣютъ уши!... Мнѣ все время кажется, что къ моему виску приставлено дуло пистолета.

— Полноте. Это болѣзнь, именуемая маніей преслѣдованія.

— Можетъ быть.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Лѣподѣловъ подробно спросилъ при какихъ обстоятельствахъ былъ похищенъ директоръ, куда его увезли и гдѣ находился.

— Мѣсто вашего пребыванія вы хорошо запомнили?

— Прекрасно. Какъ на ладони.

— Можете вы поѣхать туда со мной сейчасъ же?

— О, нѣтъ. Я боюсь.

— Помилуйте, чего бояться. Мы же поѣдемъ туда съ моей вооруженной охраной.

— Тѣмъ хуже для меня.

— Почему?

— Очень просто. Узнавъ, что я открылъ ихъ притонъ, меня убьютъ.

Лѣподѣловъ почувствовалъ правоту этихъ предположеній.

— Какъ же быть? спросилъ онъ.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе, казалось, директоръ серьезно обдумывалъ вопросъ.

— Сдѣлаемъ такъ, — заговорилъ Ропотовъ. Я изъ дому никуда не выѣзжаю. Пожалуйста вы ко мнѣ. Я нарисую вамъ планъ мѣстности и... разбирайтесь вы одни, какъ знаете... Это будетъ самое лучшее... Я сейчасъ пришлю за вами мою карету. Согласны?..

Лѣподѣловъ изъявилъ согласіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XV.

Черезъ часъ за Лѣподѣловымъ была прислана директорская карета. Пріѣхавшій въ каретѣ лакей доложилъ, что директоръ угольныхъ копей приглашаетъ начальника пожаловать къ себѣ, что онъ его ждетъ на своей городской квартирѣ.

— Вѣдемъ, вѣдемъ скорѣе,—засуетился Лѣподѣловъ, надѣвая пальто и шляпу.

Миновавъ нѣсколько улицъ, карета свернула въ одинъ изъ тихихъ переулковъ и вскорѣ въѣхала въ раскрытыя ворота небольшого особняка.

— Пожалуйте,—сказалъ лакей, открывшій двери.

Вечерѣло... |

Они вошли въ слабо освѣщенный подъѣздъ. Поднявшись по лѣстницѣ наверхъ, лакей провелъ начальника въ большой кабинетъ, со спущенными шторами на окнахъ. И, указывая на кресло, сказалъ:

— Будьте добры обождать здѣсь. Я сейчасъ доложу о вашемъ пріѣздѣ Плутону Сергѣевичу. Онъ сейчасъ находится въ гостиной.

И лакей вышелъ, плотно закрывъ за собою дверь. Лѣподѣловъ краемъ уха уловилъ какъ бы звукъ защелкиваемого замка. Это нѣсколько его удивило и онъ осмотрѣлся внимательно по сторонамъ. И только теперь кабинетъ показался какимъ-то страннымъ. Тускло освѣщенная, большая квадратная комната, двумя свѣчами въ бронзовыхъ | канделябрахъ, наполненная мертвой тишиной. Никакого звука съ улицы не доносилось сюда. Лѣподѣловъ подошелъ къ окну и, отогнувъ штору, былъ крайне пораженъ: за шторой вмѣсто окна была гладкая каменная стѣна.

— Что за чертовская фантазія—устраивать кабинетъ въ темной комнатѣ.

Лѣподѣловъ подбѣжалъ къ двери, намѣреваясь открыть ее, но и тутъ его ожидало разочарованіе: дверь была заперта на замокъ.

И Лѣподѣловъ, точно плененный звѣрь въ клеткѣ, заметался по запертой комнатѣ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Въ домѣ по прежнему царила мертвая тишина.

На письменномъ столѣ Лѣподѣлову бросился въ глаза телефонный аппаратъ.

И онъ порывисто снялъ трубку, желая соединиться со станціей.

Но изъ микрофона внезапно раздался ироническій свистъ, точь въ точь такой же, какой раздавался при разговорѣ съ членомъ «артіи предостерегающихъ».

— Что?—послышался вслѣдъ за свистомъ вопросъ,—надѣюсь, вы мало довольны визитомъ къ директору?

Страшная догадка, разсѣявшая все его сомнѣнія, мелькнула въ головѣ Лѣподѣлова.

Конечно, не может быть никакого спора въ томъ, что онъ попался въ плѣнъ къ своимъ врагамъ.

«Неужели такъ поразительно просто онъ могъ попасться? Вотъ ужъ поистинѣ на всякаго мудреца довольно простоты». Но кто же разговаривалъ съ нимъ по его служебному телефону? Оборотень?

Однако, нужно набираться храбрости. Первое условіе—не терять присутствія духа.

— Такъ, значить, вы побѣдили?—спросилъ Лыподѣловъ.

— Похоже на то,—прозвучалъ отвѣтъ.

— Но зачѣмъ же меня заперли, вы могли бы обойтись и безъ этого?

— Затѣмъ, что ваша изоляція необходима для вашей же пользы.

— Это шутка или издѣвательство?

— Ни то, ни другое...

— Объясните.

— Охотно. Оставаясь на своемъ посту и ничего не сдѣлавъ въ смыслѣ уловленія насъ, вы бы получили огромную нахлобучку отъ своего начальства. Теперь же вы являетесь какъ бы жертвой своего служебнаго рвенія и, разумѣется, это вамъ зачтется, какъ подвигъ. Кроме того, на будущій разъ вы будете осмотрительнѣе и не станете увлекаться своими розыскными способностями. До свиданія.

Говорившій прекратилъ разговоръ. И снова все стихло. Лыподѣловъ свирѣпо сжалъ кулаки и забѣгалъ по кабинету. Нѣсколько разъ онъ выстрѣлилъ изъ имѣвшася при немъ револьвера, но по прежнему мертвая тишина нежимо помѣщенія была ему отвѣтомъ.

— Сенсация, сенсация!—орали на всѣ лады газетчики, посяпавшіе по всему городу съ кипами газетъ.—Таинственное исчезновеніе начальника полиціи! Чудесныя похищенія партій «предостерегающихъ».

Конечно, газеты раскупались на расхватъ. Въ статьяхъ, подъ аршинными заголовками, развязные репортеры плели были и небывлицу для лучшей акціотации публики. И эта публика, захлебываясь увлекательнымъ чтеніемъ, обсуждала событіе на всѣ лады.

Особенно было много разговоровъ въ кафе и на бульварахъ, гдѣ праздность фланирующихъ граничила съ свободнымъ временемъ. Здѣсь поразительные рассказы газетъ дополнялись необузданной фантазіей гуляющихъ. Передавалось о какомъ-то таинственномъ автомобилѣ, который ночью развѣзжалъ по улицамъ города.

Вышедшія добавленія газетъ передавали, какъ фактъ, что директоръ угольныхъ копей прислалъ телеграмму съ требованіемъ немедленно удовлетворить шахтеровъ, что на поиски Лыподѣлова прибыло множество агентовъ, среди которыхъ есть знаменитыя ищейки, съ честью выходящія изъ самыхъ запутанныхъ положеній.

Кое-гдѣ, среди собравшихся на бульварѣ, вспыхивали ссоры, переходившія въ драки. Къ вечеру стало извѣстно, что огромной толпой хулигановъ и присоединившимися къ нимъ пострадавшими шахтерами разгромленъ полицейскій участокъ. Были столкновенія толпы съ городскими и нѣсколько человекъ оказались ранеными..

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVI.

Инженеръ Карамовъ, съ двумя своими помощниками, находился въ кафе, на бульварѣ.

Быль солнечный полдень. Какъ и вчера, по бульвару сновала пестрая, гомозливая толпа, на всѣ лады обсуждавшая событія нѣсколькихъ минувшихъ дней, шелестя газетными листами, споря и шумя...

Инженеръ задумчиво вилъ кольца сигарнаго дыма. Его помощники молча тянули, чрезъ длинныя соломенки, холодный гренадинъ.

Горластый газетчикъ, пробѣжавшій мимо кафе, кричалъ:

— Новая похижденія «партія предостерегающихъ». Вспыхнула забастовка на металлургическомъ заводѣ!

И толпа лихорадочно начала покупать газеты.

Наблюдая за шумной толпой, падкой до всякой сенсациі, инженеръ думалъ:

— О, глухое стадо! Тебя занимаетъ какое-то, въ сущности, незначительное событіе, авторомъ котораго является только одинъ человѣкъ... Какъ бы ты раскрыло глаза и ротъ, если бы узнало, что этотъ человѣкъ находится здѣсь, среди васъ!.. Но, конечно, тебѣ не дано знать этого.

И чувство, похожее на удовлетворенную гордость, шевельнулось въ груди инженера. Настроеніе его было прекрасно, какъ у человѣка, сознающаго, что онъ стоитъ у большого дѣла, выполняетъ его хорошо и упрекнуть себя совершенно не въ чемъ.

Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, въ себя. Хотя онъ и пылинка въ необъятности мірозданія, но благодаря своему мышленію становится господиномъ и владыкой его. И одно это сознаніе наполняло все его существо блаженствомъ...

— Кейфуете, Вадимъ Викентьевичъ?—раздался сзади знакомый вкрадчивый голосъ.

Инженеръ Карамовъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ профессоръ Горизелтовъ.

Подавивъ внутреннее недовольство, инженеръ пожалъ руку профессора.

— Позвольте присѣсть за вашъ столикъ,—попросилъ онъ.

— Пожалуйста.

Профессоръ сѣлъ и заказалъ себѣ мороженое.

— А исторія-то разгорается,—заговорилъ онъ. — Ну, какъ вашъ директоръ?

— Живъ, здоровъ и это пожалуй, главное,—спокойно отвѣтилъ Карамовъ, внутренне посылая ко всѣмъ чертямъ надоедливаго профессора, нарушившаго ходъ его мысленія.

— О, несправимый оптимистъ,—воскликнулъ Горизонтовъ.— Пропадаютъ люди, потрясаются основы государственной мощи, а онъ спокойно курить сигару, какъ будто ровно ничего не произошло.

— Что же такое, собственно говоря, произошло, чтобы я имѣлъ право лишить себя сигары?—улыбнулся инженеръ.—Вѣдь, судя по вашимъ восклицаніямъ, вы чрезвычайно взволнованы всѣмъ происходящимъ, однако, это не мѣшаетъ вамъ жевать мороженое. Не такъ ли?

— Да, конечно,—вскинулъ бровями профессоръ. И тутъ же переѣхалъ тему:

— Но эти люди мнѣ нравятся. Прямо, сказать можно, гениальные ребята. Поставить на ноги всю полицію и не дать никакой нити къ своему уловленію. Это, я вамъ доложу... Что вы на это скажете?

И профессоръ воззрился на Карамова съ такимъ видомъ, точно желалъ прочесть на его лицѣ какое-либо откровеніе. Карамову даже показалось, что въ прищуренныхъ глазахъ профессора промелькнули тщательно скрываемые огоньки лукавства, какъ у человѣка, раскусившаго своего собесѣдника, но не желающаго высказаться откровенно.

Инженеръ промолчалъ. Настроеніе его было окончательно испорчено. Взглянувъ на часы, онъ сказалъ, обращаясь къ своимъ помощникамъ:

— Однако, господа, намъ пора. До свиданья, профессоръ. Вы, конечно, еще посидите.

— Да, да, посижу. Здѣсь такъ интересно послушать, что говоритъ народъ. Можетъ быть, узнаю, что-нибудь новое.

И онъ потеръ свои костлявыя руки съ видимымъ удовольствіемъ.

«Онъ меня положительно преслѣдуетъ»,—уходя, думалъ Карамовъ... Что нужно этому подозрительному субъекту?

Теперь его занималъ одинъ вопросъ: нужно ли быть осторожнѣе въ своихъ опытахъ?

Разбирая этотъ вопросъ логически, онъ спрашивалъ:

Въ чемъ выразилась его неосторожность, чтобы его можно было подозрѣвать въ чемъ-либо? Кажется, ни въ чемъ...

И не вытекаетъ ли его подозрѣніе въ неблагонадежности профессора и исключительно отъ нерасположенія къ нему? Пожалуй, это вѣрнѣе... Всѣ говорятъ о зловредности Горизонтова. Возможно, что и онъ, инженеръ Карамовъ, безъ проверки фактовъ, воспиталъ, незамѣтно для себя, ходячее мнѣніе... А огоньки лукавства въ его глазахъ? Они могли показаться Карамову. Или они просто природное качество Горизонтова.

Но какъ ни успокаивалъ себя инженеръ, назойливый червячокъ подозрѣнія зудилъ, да зудилъ: «Здѣсь что-то не такъ!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVII.

Лѣподѣловъ мрачно ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету, освѣщенному двумя свѣчками, тяжело обдумывая свое нелѣпое положеніе арестанта, запертаго неизвѣстными людьми. Постепенно имъ начинало овладѣвать отчаяніе.

Привыкшій заирать другихъ, нисколько не считаясь съ ихъ настроеніями, виной и жаждой свободы, онъ только теперь понималъ, какъ тягостно быть арестованнымъ и томиться въ жуткой неизвѣстности. Въ голову лѣзли самыя темныя мысли.

Съ минуты на минуту онъ ожидалъ прихода кого-либо изъ своихъ таинственныхъ враговъ съ вполне опредѣленной цѣлью — лишить его жизни.

Такъ прошла ночь. О наступленіи утра онъ узналъ только по своимъ часамъ, которые показывали 8. Въ запертомъ кабинетѣ по прежнему царила мертвая тишина, ни однимъ звукомъ ненарушаемая извнѣ.

Наблюдая за скользящей по циферблату стрѣлкой, Лѣподѣловъ безнадежно думалъ:

«Очевидно, меня рѣшено уморить здѣсь голодомъ и жаждой». Въ тотъ же моментъ раздался телефонный звонокъ. Какъ утопающій за соломенку, схватился Лѣподѣловъ за телефонную трубку, приложивъ ее къ уху.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ Лѣподѣловъ. — услышалъ онъ насмѣшливый голосъ своего врага. — Какъ изволила починать эту ночь? Натѣсь, вы чужды?

— Благодарю васъ, — угрюмо отозвался плѣнникъ. И въ голосѣ его чувствовались ноты покорности судьбѣ.

— Вѣроятно, вы хотите кушать? — спрашивалъ тотъ же голосъ.

— И очень даже...

— Отправляйтесь въ ближайшій ресторанъ и позавтракайте.

— Вы шутите?

— Ничего подобнаго. Вѣроятно, вы убѣдились, что мы никогда не шутимъ.

— Если такъ, то скажите, какъ же мнѣ выбраться отсюда?

— Съ условіемъ.

— А именно?..

— Во-первыхъ, вы должны бросить вашу позорную профессию. И во-вторыхъ, освободить всѣхъ вами арестованныхъ. Согласны?..

Лѣподѣловъ подумавъ, рѣшилъ, что онъ можетъ принять это условіе. Лишь бы выбраться отсюда, а тамъ будетъ видно...

— Я согласенъ, — отвѣтилъ онъ.

— Даете честное слово?

— Дало, конечно.

— Ну, слушайте. Съ лѣвой стороны дверей, вблизи, есть кнопка. Нажмите ее, и вы — свободны.

— Только и всего? — Голосъ Лѣподѣлова дрожалъ отъ волненія.

— Больше ничего. — ~~Съ лѣвой стороны дверей, вблизи, есть кнопка.~~

ареста надобности не встрѣчается. Вы получили надлежащій урокъ, который, смѣю думать, послужитъ вамъ въ пользу. Кстати, имѣйте въ виду, что если вы не сдержите своего слова, то вторичный вашъ арестъ обойдется для васъ не такъ дешево. До свиданья.

Лѣподѣловъ бросилъ трубку, подбѣжалъ къ двери и началъ отыскивать нужную ключу. Отыскавъ ее, онъ открылъ дверь, и, облегченно вздохнувъ, вышелъ изъ своей краткосрочной тюрьмы. Обшелъ всѣ комнаты, со сваленной по угламъ мебелью. Было похоже на то, что сюда только что переѣхали новые квартиранты и еще не успѣли разобраться въ своихъ вещахъ.

Двери, выходящія наружу, оказались незапертыми. Лѣподѣловъ вышелъ во дворъ, въ заднемъ углу котораго конюшня дворянина. Лѣподѣловъ обратился къ нему:

— Эй, малый, поди-ка сюда.

Дворяникъ, не спѣша, подошелъ на зовъ, снялъ картузь и поклонился Лѣподѣлову.

— Кто живетъ въ этомъ особнякѣ?—спросилъ Лѣподѣловъ.

— Такъ что, сударь, пока никого. Дня три тому назадъ его снялъ какой-то баринъ съ черной бородой, привезъ мебель и уѣхалъ.

— Какъ фамилія этого барина?

— Не могу знать.

— Послѣ этого онъ не заходилъ сюда?

— Не видалъ.

— Такъ.

Лѣподѣловъ недоумѣнно развелъ руками и вышелъ на улицу. Прежде всего, онъ зашелъ въ первый попавшійся ресторанъ и приказалъ подать себѣ завтракъ. Во время завтрака ему пришла мысль, что его заключеніе не могло обойтись безъ участія Ропотова, хотя бы и невольнаго участія. И онъ рѣшилъ съѣздить въ контору угольныхъ копей. Здѣсь онъ узналъ, что шахтеры удовлетворены и работы на копахъ идутъ полнымъ ходомъ.

— Господинъ Ропотовъ здѣсь?—спросилъ онъ, явившись въ контору.

— Ожидаемъ его сегодня къ вечеру,—отвѣтилъ служитель.

— Кто же его замѣняетъ?

— Главный инженеръ Карамовъ.

— Доложите.

Черезъ минуту онъ былъ принятъ главнымъ инженеромъ.

— Вы живы?—какъ бы удивился Карамовъ. — Газеты уже сообщили, что васъ убили.

— Газеты слишкомъ преувеличили,—отвѣтилъ Лѣподѣловъ, усаживаясь на предложенное кресло.—Какъ видите, я живъ и здоровъ, и прибылъ сюда узнать о судьбѣ собрата по несчастію, Платона Сергѣевича. Что съ нимъ? Гдѣ онъ?

— Сегодня отъ него получена телеграмма изъ Пропадинска. Вѣроятно, къ вечеру будетъ здѣсь.

— Будьте любезны показать телеграмму.

Карамовъ удовлетворилъ его желаніе.

— Н-да,—произнесъ Лѣподѣловъ, пробѣжавъ телеграмму,—отсюда до Пропадинска пятьсотъ верстъ... Въ одну ночь туда и обратно добраться невозможно.

— Что вы сказали?

— Нѣтъ, ничего. Я такъ... Благодарю васъ за сообщеніе...

Онъ пожалъ руку главному инженеру и съ какимъ-то растеряннымъ видомъ вышелъ изъ кабинета...

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVIII.

Въ самомъ подавленномъ настроеніи вышелъ Лѣподѣловъ изъ каторы угольнѣхъ копей. Теперь передъ нимъ вознижалъ острый вопросъ:

— Какъ быть съ даннымъ словомъ? Исполнить его, или нѣтъ?.. Если онъ исполнить, то, несомнѣнно, долженъ лишиться тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя несетъ его положеніе. Если же не исполнить, то можно ли шоручиться за безопасность?— Старый голъ сыска, охраняющій трою тирана, былъ въ большомъ затрудненіи. Въ данномъ случаѣ онъ вывоминалъ того анекдотическаго бурнданова осла, который былъ голоденъ и, стоя между двумя стогами сѣна, не зналъ, за который ему ухвалиться.

Шагая по главной улицѣ города, съ низко опущенной головой, Лѣподѣловъ вдругъ услышалъ окликъ:

— Ба, ба! Нилъ Стратоновичъ, васъ ли я вижу?

Очнувшись отъ своего раздумья, онъ увидалъ передъ собою профессора Горизонтова, съ которымъ былъ знакомъ.

— Да, пожалуй, никого другаго, какъ меня, — улыбнулся Лѣподѣловъ, пожимая руку профессора.

— Я очень радъ, что вы живы и здоровы, и горю нетерпѣніемъ узнать подробности о вашемъ приключеніи, — забарабанилъ Горизонтовъ. — Зайдемте ко мнѣ и побесѣдуемъ.

И онъ съ таинственнымъ видомъ заговорщика взялъ Лѣподѣлова подъ руку, несколько не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ встрѣтить знакомые въ компаніи охранника.

Квартира Горизонтова находилась неподалеку отъ главной улицы. Усѣвшись въ гостиной, Лѣподѣловъ обстоятельно разсказалъ Горизонтову обо всемъ, что съ нимъ случилось, не скрывая ни одной мелочи. И кончивъ разсказъ, развелъ руками, добавивъ:

— Пожизненно ничего не понимаю, что за дьяволы меня опутали. Я былъ точно въ туманѣ...

— Каковы же ваши дальнѣйшіе планы, — спросилъ Горизонтовъ, блестя лукавыми глазами. — Надо полагать вы не опуститесь отъ дальнѣйшаго разслѣдованія этого дѣла.

— Не знаю, — отвѣтилъ Лѣподѣловъ. — Я какъ-то совсѣмъ растерялся и даже подумываю подать въ отставку.

— Да что вы? — изумился Горизонтовъ. — Зачѣмъ же такъ поспѣшно? Не нужно торопиться тамъ, гдѣ требуется хладнокровіе и выдержка.

— Но у меня нетъ ни малѣйшей нити къ условію или даже раскрытію этой странной организаціи.

Онъ хотѣлъ сказать поцѣлой, но почему-то не рѣшился.

— Допустимъ, вернется Рогозовъ. Но что же онъ можетъ сказать новое? Мнѣ кажется, ровно ничего. Ибо если обвинили меня, то его-то обойти значительно легче...

— А вы, Ниль Стратонсевичъ, подскажите двѣнадцать скороналичѣльные фактоиды, — вѣтвилъ Горизонтовъ (ташкентскій). — Если у васъ нѣтъ никакихъ нитей, то, можетъ быть, онъ есть у другихъ... Что вы на это скажете?

Львѣдовъ неодобрительно покачалъ головою.

— Врядъ ли, — со вздохомъ возразилъ онъ.

— Вотъ видите, какой вы затинотенепротанный чужимъ успѣхомъ. Сразу видно русскаго человека, спускающаго руки при первой неудачѣ. Между тѣмъ, нужно искать, работать, обдумывать, а не бѣгать голову.

Горизонтовъ хитро улыбнулся съ такимъ видомъ, который какъ бы говорилъ: «Обратись-ка, братъ, ко мнѣ, я тебѣ открою глаза»...

— Можетъ быть, вы знаете что-либо? — прямо поставилъ вопросъ Львѣдовъ, показавшій улыбку Горизонтова.

Профессоръ хлопнулъ Львѣдова по плечу.

— Вы угадали. Я много работалъ въ этомъ направленіи и кое-что имѣю основательное.

— Но какъ вамъ удалось?

Хитрая улыбка снова пробѣжала по лицу Горизонтова и глаза его заблестѣли огоньками лукавства.

— Вы, господа, — продолжалъ онъ, — всегда идете по своимъ шаблоннымъ путямъ, нисколько не считаясь съ пріемами своихъ противниковъ, будь они хоть семи пядей во лбу... И они, эти противники, преспокойно родятъ васъ за носъ. Я же добираюсь до сути дѣла совершенно инымъ способомъ. Мои способы болѣе оригинальны, чѣмъ ваши. Разумѣется, и результаты я пишу другіе. За перенятіями данного случая я слѣпилъ съ сѣмаго начала, былъ всецѣло захваченъ имъ и, сообразивъ, что тутъ можно кое-что сдѣлать, рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно.

— Не томите, — воскликнулъ въ нетерпѣніи Львѣдовъ. — Если что знаете — выкладывайте.

— Эхъ, такой вы ласковый, — усмѣхнулся профессоръ.

Онъ не слѣша закурилъ папиросу, затѣмъ снялъ пенсѣ, протеръ ихъ платкомъ и снова вскинулъ на носъ. Онъ медлилъ, точно обдумывалъ, какъ приступить къ щекотливому разговору.

— Видите ли, — началъ онъ важнымъ тономъ солиднаго человека, — Скажу словами поэта: «кто на пути къ великой цѣли, изъ мелочи не долженъ тратить силы». Поняли?

Львѣдовъ поднялъ на него свои жучинныя брови.

— Я понялъ, — отвѣтилъ онъ, — На этомъ дѣлѣ вы хотите заработать? Правда?

— Всенепременно...

— Сколько?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

XIX.

Горизонтовъ, нѣсколько подумавъ, отвѣтилъ:

— За это дѣло я хочу получить двадцать пять тысячъ.

Лицо Лѣподѣлова вытянулось, какъ плакъ отъ испуга.

— Ого-го-го,—сказалъ онъ,—однако, аппетитъ у васъ изрядный...

— Ничего подобнаго. Я его считаю даже скромнымъ. Согласитесь, Нилъ Стратоновичъ, что за такое дѣло меньше взять нельзя.

— Вы меня ставите въ тупикъ. Гдѣ я могу достать такую сумму?

— А ужъ это ваше дѣло,—отвѣтилъ Горизонтовъ,—усмѣхавшись лукавыми глазами хищника, потулявшаго добычу.—Конечно, если не можете,—бросимъ разговоръ на эту тему.

Лѣподѣловъ задумчиво побарабанилъ пальцами по столу.

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія... Будемъ продолжать. Я попытался все-таки достать. Но мнѣ необходимо прежде знать: что вы имѣете въ своихъ рукахъ для раскрытія тайнственной организаціи?

— Я имѣю въ рукахъ одинъ документъ, который даетъ нить къ разоблаченію. Само собой, пока мнѣ не будутъ вручены деньги я не могу сообщить именъ. Думаю, что одного содержанія документа вполне достаточно для доказательства моей правоты.

— Познакомьте же меня съ этимъ документомъ.

— Пожалуйста.

Горизонтовъ вышелъ въ другую комнату и, вернувшись, развернулъ какую-то бумагу.

— Слушайте внимательно,—сказалъ онъ и началъ читать:

— Первый опытъ съ применением моего изобрѣтенія удался вполне. Ни въ одну голову не могло закрасться даже тѣни подозрѣнія относительно меня. И въ данный моментъ я могу поздравить себя съ большимъ успѣхомъ. Я наканунѣ большой сложной работы. Если мой первый опытъ прошелъ отлично, то, надо полагать, и послѣдующія проведутся съ немалымъ успѣхомъ, несмотря на ихъ кажущуюся трудность.

— Я думаю, что этого отрывка вполне достаточно.—сказалъ

Горизонтовъ, кончивъ читать Замяту кетали, что имени писавлаго, а такъ же адресата мнѣ хорошо извѣстенъ. Какъ и составить письма я вѣрю въ успѣхъ предпріятія.... Остается, значитъ, одинъ вопросъ: согласны ли вы вручить мнѣ двадцать пять тысячъ рублей.

— Завтра я вамъ дамъ отвѣтъ, думаю, что положительный.

Львобѣловъ, распростившись съ профессоромъ, ушелъ. Онъ твердо рѣшилъ ходатайствовать о выдачѣ ему двадцати пяти тысячъ для Горизонтова. Онъ вѣрилъ профессору, зная, что тотъ шутить въ денежныхъ дѣлахъ не любитъ. И если имѣетъ въ рукахъ документъ чрезвычайной важности, то даромъ его не выпуститъ. И если, что тревожило Львобѣлова, то единственно данное слово. Въ душу временами закрадывался страхъ передъ цѣнами партій предостерегающихъ. «А вдругъ они снова его арестуютъ?» Но будь, что будетъ!..

Въ цѣляхъ предосторожности онъ не пошелъ на мѣсто своей службы, не пошелъ и на свою квартиру, а отправился на одну изъ конспиративныхъ квартиръ, откуда и началъ дѣйствовать въ цѣляхъ доспать нужную сумму... Дѣло шло успешно. Деньги находились.

Но слѣдующій день несъ для него ужасное разочарованіе, напомнившее все его существо смертельнымъ страхомъ.

Развернувъ утреннюю газету, онъ прочиталъ слѣдующее сенсационное сообщеніе:

«Загадочная смерть профессора Горизонтова».

Въ пространной замяткѣ рассказывалось о томъ, что утромъ на своей квартирѣ найденъ мертвымъ профессоръ Горизонтовъ, проживавшій одиноко. Видимо, онъ былъ задушенъ, или отравленъ какимъ-то сильнодѣйствующимъ ядомъ. Смерть профессора является загадочной. Въ замяткѣ, между прочимъ, передавалось, что убійцы нигдѣ не воспользовались изъ вещей профессора. Ихъ, очевидно, интересовали только бумаги профессора, которыя оказались перерытыми и разбросанными... Далѣе газеты фантазировали на ту тему, что загадочная смерть профессора является какой-либо политическою мстью, ибо профессоръ слылъ за ярого реакціонера.

Когда Львобѣловъ прочиталъ эту замятку, у него ошутились руки. Онъ сразу догадался, что смерть профессора, несомнѣнно, дѣло партій предостерегающихъ.

Такимъ образомъ, положеніе запутывалось все больше и больше. Львобѣлову казалось, что онъ попалъ въ какой-то лабиринтъ, изъ котораго онъ не могъ выбраться. Онъ спрашивалъ себя:

«Что же это за люди, отъ которыхъ не можетъ ничего укрытсяс?.. Но какъ имъ ломать надъ этимъ вопросомъ голову, ничего не могъ понять....

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XX.

Въ то время, когда развивался этотъ незначительный съ точки зрѣнія инженера Карамова эпизодъ, и онъ намѣревался приступить къ главному пункту своего плана—атакѣ на ненавистный тронъ деспота—политическія событія Россіи шли по пути измѣненія.

Эти измѣненія были настолько существеннаго характера, что инженеру Карамову пришлось приостановить свою работу.

Оставшійся въ тѣни, онъ продолжалъ заниматься на утолненныхъ копияхъ, вмѣстѣ съ вернувшимся директоромъ Роспотовымъ.

Перебуганный Липодѣловъ куда-то исчезъ изъ города, и о немъ не было ни слуху, ни духу.

Такъ промелькнуло лѣто, и наступила осень.

Главный врачъ Карамова Александръ Ш лежалъ больнымъ въ своемъ дворцѣ въ Ливадіи.

Въ газетахъ ежедневно печатались бюллетени о состояніи его болѣзни. Особенныхъ опасеній не выражалось, и, разумѣется, никто не допускалъ мысли о близкой развязкѣ. Но, должно быть, самъ царь предчувствовалъ трагедію.

Подводя итоги своего царствованія, онъ считалъ, что за этотъ періодъ замѣчательно укрѣпился царствующій тронъ Романовыхъ.

Россія представлялась ему однимъ плотно спаяннымъ цѣльнымъ кускомъ, вѣрнѣе, глыбой мрамора, недѣлимой, мощной и нескрупимой. Всѣ проблески недовольства, всѣ ропоты народные, какъ грандіозной чудотной плитой, подавлялись его рукой,—рукой властнаго деспота. И чувство самодовольства наполняло сердце больного императора.

Теперь предметомъ его послѣднихъ заботъ была мысль о наследникѣ Николаѣ. Сына своего онъ считалъ человекомъ слабымъ, недалекимъ и слабохарактернымъ, обладающимъ къ тому же плохой памятью.

— Ахъ, не выйдетъ изъ него хорошаго монарха,—думалъ Александръ.—Онъ разрушитъ то, что съ такимъ упорствомъ создалось мною. Чуетъ мое сердце.

И больной императоръ метался по своему роскошному ложу.

Царь часто призывалъ къ себѣ своихъ приближенныхъ царедворцевъ и подолгу совѣтовался съ ними.

— Какъ быть?—спрашивалъ онъ у Витте, Побѣдоносцева и другихъ.

Но, привыкшіе къ рабобійству и лѣстивому угодичеству, они неизмѣнно хвалили Николая. Они говорили:

— Ваше императорское величество. Вы слишком преувеличиваете страхи. Ваш наследник еще так молод. Нельзя же требовать от него вашей опытности и государственной мудрости. Все это придет съ годами. Нельзя забывать и того, что онъ—вашъ сынъ. Несомненно, къ нему перешло много ваших добрых и драгоценныхъ задатковъ, какъ человека и монарха. Съ годами все образуется. Въ сущности говоря, вѣдь, и вы еще не стары. Смерть еще не стоитъ за вашей спиной. На славу и счастье великой родины вы будете царствовать долгие-долгие годы.

**

Стояли хмурые октябрьскіе дни. Сквозь окна больной видѣть, какъ по небу проносились свинцовыя тучи, навѣвающія безотчетную тоску. Особенно тоскливо становилось по вечерамъ, когда назойливый дождь барабанилъ по стекламъ, и въ смежныхъ зданіяхъ закигались огоньки...

Кто знаетъ, о чемъ размышлялъ императоръ, прикованный недугомъ къ одру болячки? Проносились ли передъ нимъ тѣни умученныхъ въ золотыхъ казематахъ, далекихъ и близкихъ тюремъ? Бывали ли тѣни скорбныхъ борцовъ за лучшее, будущее? Встанала ли тревнымъ призракомъ замученная, задавленная страна и требовала опыта за свое порабощеніе? Или онъ, привыкшій къ рабскому поклоненію и почти божескимъ почестямъ, теперь считалъ свое царствованіе нецѣльнымъ сномъ и былъ готовъ отдать свою власть за возможность быть здоровымъ? Кто знаетъ?

Въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ осеннихъ дней прибыла въ Россію съ пышной свитой невеста Николай—Алиса Гессенская. Ея пріѣздъ какъ бы ускорилъ трагическій конецъ Александра. Прошло не болѣе десяти дней послѣ ея пріѣзда, какъ его не стало.

Въ газетахъ было тогда же напечатано, что смерть царя «мироотворца» вызвала всенародное рыданіе.

Инженеръ Карамовъ зналъ, что газеты, въ сущности, и не могли писать иначе. Духъ рабскаго пресмыкательства передъ трономъ былъ имъ привитъ слишкомъ глубоко. Но онъ зналъ и то, что никакого рыданія въ народѣ не было. Наоборотъ, изъ многихъ сотенъ тысячъ сердецъ вырвался вздохъ облегченія.

Умеръ властный и суровый деспотъ, и всѣ ждали необходимаго и радостнаго просвѣтленія для родины, пострадавшей во имя царскаго произвола.

Вѣрили въ лучшее будущее. И эта вѣра вспыхнула особенно яркимъ пламенемъ, когда въ печати появился манифестъ Николай по случаю восшествія его на престолъ.

Въ своемъ манифестѣ Николай торжественно заявлялъ, что онъ отнынѣ пріемлетъ священныя обязанности передъ лицомъ Всевышняго всегда имѣть единой цѣлью мирное правленіе, могущество и славу дорогой Россіи и устройство счастья всѣхъ подданныхъ.

Читая вмѣстѣ съ другими этотъ историческій документъ, инженеръ Карамовъ думалъ:

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ этотъ разводитъ оправдаетъ свои слова.

Инженеръ Карамовъ не вѣрилъ словамъ монарховъ, въ какую бы форму они ни выливались...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXI.

Инженеръ Карамовъ писалъ въ тишинѣ своего кабинета. Сегодня онъ чувствовалъ себя очень одинокимъ и потому въ писаніи стремился найти успокоеніе душевное.

«Анна! Хочется вѣрить, что близокъ часъ нашего свиданія. Вчера я видѣлъ тебя играющей съ нашимъ ребенкомъ на берегу моря. Ты была вся въ блѣдѣ. И золотые лучи солнца вмѣстѣ съ морскимъ вѣтеркомъ играли короной твоихъ пепельныхъ волосъ.

Ты была задумчива и смотрѣла въ ту сторону, гдѣ живу я. Ахъ, я не знаю о чемъ ты думала въ эту минуту! Пока мнѣ этого знать не дано. Но мнѣ такъ хотѣлось знать. Можетъ быть, ты размышляла о томъ, что я не выполню возложенной на себя задачи? Ты вѣришь въ предчувствіе? Мнѣ иногда начинается почему-то казаться, что несмотря на мои успѣхи я долго не могу видѣть тебя около себя. Можетъ быть и ты думаешь о томъ же? Ты была прустна въ эту минуту.

Нашъ мальчишка подошелъ къ тебѣ, долго смотрѣлъ на тебя, стараясь постичь твое настроеніе. Ты поцѣловала его крѣпко, крѣпко и усадила рядомъ съ собою. И оба вы емоурились на тихую поверхность безбрежнаго моря, на бѣлыхъ чаекъ, задѣвающихъ крыльями сапфировыя волны.

Ты, быть можетъ, спросишь, откуда я все это знаю, раздѣленный съ тобою пространствомъ въ тысячу верстъ?

Помнишь, я писалъ, что работаю надъ изобрѣтеніемъ огромной важности. Теперь это изобрѣтеніе принимаетъ реальныя очертанія и въ данный моментъ для меня почти нѣтъ невозможно. Самая трудная часть работы кончилась.

Все приведено въ опредѣленную систему.

И въ своемъ воображеніи я зрю результаты моей работы.

Визу разрушенные заводы, изготовляющіе орудія истребленія. Морскіе разбойники-крейсера, несущіе смерть и разрушеніе, точно куски желѣзныхъ обломковъ поглащаются пучиной океана.

И со временемъ всѣ тайны королей, вождей и военачальниковъ будутъ для меня какъ открытая книга лишь только эти тайны сорвутся съ ихъ устъ.

Я парализую зло при его роашиковеніи. И съ ясною лазурію своего воображенія я вижу склоненные предо мною народы съ вѣтвями мира и братства, поющіе хвалу моему изобрѣтенію. Никто тогда не осмѣлится проливать драгоценную кровь людей...

Да это такъ. Скоро явится въ миръ великая пранда и положить конецъ великой лжи. Ничто не пропадаетъ въ подлунной. Не пропадутъ ни слезы, ни скорбь, ни страданія людей. Они какъ многіе ручьи сольются съ миллионами ручьевъ и утопятъ въ себѣ всю локъ, накопившуюся въ теченіе тысячелѣтій.

Настанетъ моментъ для грознаго слова:

— Довольно.

И это слово будетъ произнесено мною, инженеромъ Карамовымъ...

Онъ отложилъ перо и расправилъ утомленный писаніемъ корпусъ.

Взглянулъ на портретъ молодой женщины. И снова чувство великаго одиночества зашѣло въ душѣ гамму грусти.

И странный голосъ раздвоенія заговорилъ въ душѣ: «Вотъ онъ работаетъ для счастья миллионовъ людей, населяющихъ земной шаръ, но почему же онъ самъ не достигъ полноты счастья? Почему тѣ, кого онъ такъ любитъ, далеки отъ него?»

Карамовъ постарался отогнать этотъ голосъ и замкнуться, какъ въ прочный кругъ въ свою идею. Онъ, вѣдь, не малодушный человѣкъ и не долженъ предаваться унынію! Нужно работать и работать. Когда будутъ счастливы всѣ, букетъ счастья не пройдетъ мимо него.

Инженеръ еще разъ взглянулъ на портретъ любимой и спустился въ свою лабораторію. Зажегъ свѣтъ.

Въ углу стояла какая-то машина сложной конструкціи. Рядомъ на столѣ лежали листы бумаги съ математическими вычисленіями и чертежами.

Карамовъ подошелъ къ машинѣ, любовно осмотрѣлъ ее и повернулъ одинъ изъ рычаговъ.

Снопъ яркихъ фіолетовыхъ лучей вырвался изъ машины и упалъ на бѣлое полотно, натянутое на противоположной стѣнѣ. Карамовъ повернулъ другой рычагъ. Машина гудяще зашѣла, точно тысячи струнъ арфы зазвенѣли подъ дуновеніемъ тихаго вѣтра.

На полотнѣ замелькали сначала точки, потомъ эти точки начали слагаться въ фигуры и зданія. На экранѣ рельефно вырисовалась бѣлая дача на берегу моря. На террасѣ сидѣла молодая женщина и читала книгу. Около нея игралъ съ мячомъ прелестный мальчикъ.

Инженеръ Карамовъ нѣсколько минутъ молитвенно любовался этой милой группой.

— Вотъ мое счастье,—прошепталъ онъ.

Затѣмъ снова повернулъ рычаги, машина перестала гудѣть и видѣніе исчезло...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXII.

Послѣ хмурыхъ осеннихъ дней съ ихъ нудными дождями и слякотью началъ падать снѣгъ. Въ воздухѣ замелькали бѣлыя бабочки, облѣпая мостовыя, дома, телеграфныя столбы, провѣзшихъ и прохожихъ. Въ городѣ точно просвѣтлѣло.

Въ одинъ изъ такихъ дней инженеръ Карамовъ вдругъ почувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то неладное. Кружится голова и во всемъ тѣлѣ происходитъ то жаръ, то ознобъ. Видимо, начиналась лихорадка.

— Вотъ этого еще недоставало, чтобы лечь въ постель, — думалъ онъ, — и главное въ то время, когда все налажено, когда изобрѣтенная имъ машина почти готова, а на чертежахъ осталось набросать нѣсколько незначительныхъ пугриховъ. Что же, неужели судьба вздумала надъ нимъ посмѣяться?

И только теперь инженеръ Карамовъ точно вспомнилъ, что онъ такой же человекъ, какъ и всѣ, изъ мяса, костей и нервовъ, подверженный всевозможнымъ случайностямъ и заботѣваніямъ.

«Нѣтъ такого великаго ума, въ которомъ не было бы доли безумія», — говорилъ Сенека.

Должно быть потому именно Карамову страстно захотѣлось въ этотъ день снова испытать свое изобрѣтеніе передъ своими помощниками, которые до сихъ поръ не были посвящены въ его тайну.

Но, вѣроятно, онъ выбралъ неудачный день, ибо случилось то, чего совершенно не предвидѣлъ Карамовъ и что надолго выбило его изъ колеи.

Онъ вызвалъ къ себѣ своихъ помощниковъ.

— Вы больны? — спросилъ Мининъ, явившійся вместе съ Нагорскимъ.

Инженеръ бодрился. Пробовалъ даже шутить, отшутивъ, ласково улыбался, своимъ вѣрнымъ помощникомъ:

— Друзья мои, скажу вамъ словами Берне: «Я боленъ только словомъ отечествомъ», — будетъ оно свободно и я буду здоровъ.

Цѣлогодъ помощниковъ слѣдно принесть ему нѣкоторое физическое облегченіе.

Онъ много съ ними говорилъ о своей идеѣ. По его мнѣнію, вступленіе на престолъ новаго царя ничѣмъ не улучшило положенія страны. И она попрежнему косится въ рабствѣ. Институтъ наслѣдія нисколько не измѣнился и, надо помогать, измѣненъ не будетъ, ибо это для трона совершенно не выгодно. На первыхъ порахъ кое-кому бросены подачки, какъ голоднымъ псамъ кости,

но вѣдь, это только долтъ приличія, не больше. Только обманъ.

— Я знаю,—вдохновенно говорилъ Карамовъ,—что цари, какъ бы они ни были, всегда остаются вѣрными своей системѣ. Эта система выражается въ угнетеніи страны, разъединеніи классовъ, насиліи надъ проявленіемъ свободнаго духа, поддержаніи реакціонности и т. д. Какъ стрѣла, пущенная изъ лука, не можетъклониться въ противоположную сторону, такъ и политика царей никогда не пойдетъ по пути, который могъ бы благословляться народомъ.

— На протяжении всей нашей скорбной исторіи мы видѣли примѣры того, какъ цари постоянно обманывали свой народъ. Своихъ обѣщаній они никогда не выполняли. Бывали, правда, моменты, когда они, подъ напискомъ необходимости, какъ бы отдавали свои позиціи, прислушиваясь къ толосу народа и шли на уступки. Но затѣмъ всѣ эти «уступки» быстро ликвидировались и снова возстаивалось торжество произвола. Такъ было при всѣхъ Александрѣхъ. Такъ, конечно, будетъ и при Николаѣ...

— Вы очень мрачно сегодня настроены, Вацлавъ Викентьевичъ,—замѣтилъ Нагорскій,—это говорить ваша болѣзнь... Неужели наша великая родина въ концѣ-концовъ не будетъ свободна? Вѣдь, еще не такъ давно вы говорили, что этого не должно быть и не будетъ....

Карамовъ точно очнулся. Онъ провелъ рукой по своему горячему лбу и заговорилъ снова:

— Да, друзья мои, этого, конечно, не будетъ. Я опять повторяю, что мы съ вами увидимъ нашу родину свободной и счастливой. До сихъ поръ я скрывалъ отъ васъ мое изобрѣтеніе, но теперь долженъ вамъ его показать.

Вы немета, что при помощи этого изобрѣтенія мы не только сможемъ смести троны тирановъ, но и уничтожить все зло мира, въ которомъ прибываетъ все человѣчество.

— О,—радостно вырвалось у обоихъ помощниковъ,—какое счастье!

Ни тѣни сомнѣнія въ правотѣ словъ своего учителя не вкрадось въ ихъ юныя души. Онъ гипнотизировалъ своей вѣрой и вдохновенностью своихъ словъ. Развѣ можно не вѣрить человеку, который на ихъ глазахъ произвелъ опытъ, секретъ котораго даже для нихъ остался тайной? Пусть этотъ опытъ незначителенъ, но, вѣдь, кто способенъ на малое, несомнѣнно, подойдетъ и къ большому...

— Сейчасъ я вамъ покажу машину,—продолжалъ инженеръ,—которую я называлъ «Всевидящей». На изобрѣтеніе ея мною положены колоссальные труды. Идемъ въ лабораторію.

— Но вы же больны,—запротестовалъ Миличъ.—Не лучше ли будетъ отложить осмотръ до тѣхъ поръ, когда вы поправитесь?

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскризалъ Карамовъ.—Когда я хочу видѣть свое дѣтище, у меня сразу какъ бы вырастаютъ крылья. Побесѣдовавъ съ вами, я чувствую себя значительно лучше. Кстати, у меня сейчасъ мелькнула мысль внести въ некоторую поправку въ одинъ изъ чертежей, находящійся въ лабораторіи. Идемте же, друзья мои...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

* * *

Когда оба помощника вошли въ лабораторію и проникли въ тайное помѣщеніе, они были поражены видомъ вновь изобрѣтенной машины, съ массой колесъ, трубъ, рычаговъ и различныхъ проводовъ. Она представлялась имъ какой-то волшебной башней въ уборѣ сложныхъ техническихъ приспособленій.

— Вотъ мое дѣтище, — друзья мои, — сказалъ инженеръ, указывая на машину. — Вотъ та могучая сила, которая несетъ освобожденіе миру. Эта сила выше всѣхъ силъ царей, королей, президентовъ, всѣхъ религій вмѣстѣ взятыхъ. Одно ея движеніе заставитъ содрогнуться вселенную...

Нѣсколько минутъ помощники инженера Миличъ и Нагорскій, восхищенно любовались произведеніемъ своего учителя. Сколько, должно быть, вложено энергіи въ эту работу.

— Миличъ, — сказалъ инженеръ, — подойдите къ правой сторонѣ «Всевидящей» и замѣйте нумерацію рычаговъ.

Миличъ исполнилъ приказаніе. Карамовъ присѣлъ около стола и взялъ въ руки одинъ изъ чертежей.

— Миличъ, поверните вправо рычагъ № 7.

— Готово.

Машина точно ожила. Завертѣлись безчисленные колеса, зарокотали трубы, точно что-то хотѣли рассказать необычайно интересное.

— Миличъ, поверните рычагъ № 12 влѣво.

— Готово.

Въ тотъ же моментъ снопъ лиловаго свѣта вырвался изъ трубы и упалъ въ сторону натянутого на стѣнѣ экрана. На экранѣ замелькали точки, постепенно, складывавшіяся въ фигуры. Въ большомъ залѣ за огромнымъ столомъ сидѣло нѣсколько человекъ.

Въ центрѣ группы находился высокій генералъ, прудъ котораго была увѣшана знаками отличія. Онъ, видимо, держалъ рѣчь къ собранію, внимательно его слушающему. Время отъ времени генералъ водилъ карандашомъ по разложенной на столѣ картѣ. И тогда всѣ присутствовавшіе склонялись надъ этой картой, какъ бы изучая ее.

— Миличъ, поверните рычагъ пятнадцатый.

— Готово.

Въ этотъ мигъ, къ величайшему изумленію помощниковъ инженера, невоодушевленные тѣни-фигуры, казалось ожили. Послышалась настоящая человѣческая рѣчь на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Обсуждался какой-то секретный стратегическій планъ.

— Миличъ, поверните вправо рычагъ шестой.

Машина остановилась. Замокши трубы и перестави вѣртѣться колеса.

— Какъ видите, друзья мои,—заговорилъ снова инженеръ Карамовъ,—благодаря моей «Всевидающей», не можетъ быть военной тайны. Въ любой моментъ мы можемъ узнать, все то, что происходитъ въ какой угодно точкѣ земного шара. При помощи этой машины мы имѣемъ возможность все видѣть, все слышать, все преслѣдовать...

— Гениальное изобрѣтеніе! — въ одинъ голосъ воскликнули оба помощника:—Чудо!

— Но это еще не все,—продолжалъ изобрѣтатель.—Сюда входятъ и другіе опыты. А именно верымы на разстояніи. Милличъ, поверните рычагъ пятнадцатый влѣво.

И снова гудяще зашумѣла «Всевидающая». Снопъ лиловыхъ лучей упалъ на бѣлый экранъ. Инженеръ приказалъ повернуть еще нѣсколько соответствующихъ рычаговъ. И на бѣломъ фонѣ полотна вырисовалась сѣро-зеленая поверхность океана. На далекомъ горизонтѣ, тамъ, гдѣ черта лазурнаго неба смыкалась съ океаномъ, виднѣлось медленно ползущее судно, выпускаая ленты дыма. Крейсеръ.

— Вотъ онъ, морской пиратъ, высматривающій добычу,—сказалъ Карамовъ.—О, сколько онъ можетъ загубить жертвъ! Но мы не допустимъ до этого.

— Милличъ,—приказалъ инженеръ,—поверните рычагъ тридцать седьмой...

Теперь, друзья мои смотрите.

Мгновенно морскую поверхность заволокло чернымъ дымомъ, пронизаннымъ красными лентами огня и золотыми вихрями искръ. Въ трубахъ машины послышалось трескучее громохканіе, точно отъ далекаго взрыва.

Помощники ахнули.

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, съ поверхности океана исчезъ крейсеръ. И только крохотныя фигуры людей, точно черныя пномы, копошились въ дымномъ туманѣ, спасая свою жизнь.

— Вы — Богъ,—восторженно произнесъ Натерскій, все время сидѣвшій молча.

— Да, это близко къ божественному,—отвѣтилъ инженеръ и, улыбулся той кроткой улыбкой, которая въ тотъ моментъ на всю жизнь вѣзалась въ память Натерскаго. Въ ней не было ни тѣни самодовольства, ни тѣни тщеславія. Такъ могъ улыбаться только гений, стоящій выше суетной славы и человѣческаго къ себѣ поклоненія.

Натерскій плохо помнилъ, что произошло дальше. Онъ послѣ воспоминалъ, что инженеръ приказалъ Милличу повернуть какой-то рычагъ. Въ слѣдующій за тѣмъ моментъ изъ «Всевидающей» вырвался страшный трескъ и столбъ огня. Она окуталась чернымъ дымомъ, какъ потонувшій крейсеръ въ океанѣ, трубы ея взлетѣли вверхъ, и вся она разлетѣлась на куски, однимъ изъ которыхъ Миллича ударило въ високъ и онъ бездыханнымъ упалъ на полъ, обливаясь кровью. Инженеръ Карамовъ упалъ съ стула. Въ помещеніи начался пожаръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Нагорскій дѣйствовалъ какъ во снѣ. Онъ не помнилъ терять ли онъ сознаніе въ тотъ моментъ, когда раздался взрывъ «Всесвѣдѣній». Онъ лишь видѣлъ, что задняя часть лабораторіи, гдѣ помещалась машина, была объята пламенемъ. Пожаръ грозилъ принять огромные размѣры, если огонь проникнетъ во второе отдѣленіе лабораторіи, гдѣ находились разные химическіе препараты, среди которыхъ имѣлись и взрывчатые.

Взглянувъ на трупъ своего товарища Милича, онъ пришелъ къ заключенію, что заниматься имъ бесполезно. Нужно думать о спасеніи, лежавшаго на полу Кармова. Приложивъ ухо къ его груди, онъ уловилъ слабое бѣненіе сердца. «Слава Богу»,—живъ!—прошепталъ вѣрный ученикъ.

Обладая большой физической силой, онъ взялъ инженера на руки и вынесъ его изъ пылающей лабораторіи на дворъ. Здѣсь уже собирались кучки любопытныхъ, и растерянно метались кучеръ, лакей и дворникъ инженера. Изъ оконъ и дверей лабораторіи шли смрадные клубы черного дыма.

— Степановъ, Степановъ!—закричалъ Нагорскій, обращаясь къ кучеру.—Ради Бога, скорѣй карету.

И пока кучеръ возился съ затряпкой, кучка назойливыхъ любопытныхъ осаждала Нагорскаго вопросами, интересуясь, что случилось. Нагорскій даже не помнилъ, что онъ отвѣчалъ имъ. У него было одно желаніе поскорѣе уѣхать отсюда.

Карета была вскорѣ подана. При помощи слугъ инженеръ былъ усаженъ въ карету. Нагорскій сѣлъ рядомъ и чинно что крикнулъ:

— Пошелъ!

И когда они выбрались со двора, весь переулокъ былъ затруженъ толпами народа. Вдали слышались звуки рожка и громкій топотъ копытъ приближающейся пожарной команды.

— Куда же ѣхать?—освѣдомился кучеръ.

Нагорскій далъ ему свой адресъ.

XXIV.

Упомощникъ Кармова занималъ квартиру на окраинѣ города. Сюда онъ и рѣшилъ перевезти своего учителя. Всю дорогу онъ пытался привести его въ чувство, но попытки оказались тщет-

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXV.

Болезнь Карамова затянулась, видимо, осложненная сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ.

За это время полиція допрашивала два раза о причинахъ взрыва въ лабораторіи. Онъ далъ объясненія въ томъ смыслѣ, что имъ изобрѣталась машина для разработки горныхъ породъ, и что взрывъ произошелъ благодаря непредвидѣнной случайности, въ результатъ которой погибъ одинъ изъ его помощниковъ, Милитъ.

Въ томъ же духѣ показаль и Нагорскій, добавивъ, что благодаря счастливой случайности онъ избѣжалъ гибели и спасъ инженера.

Въ результатѣ этихъ допросовъ дѣло было предано забвенію.

Немного оправившись, инженеръ Карамовъ рѣшилъ уѣхать въ Москву, поручивъ Нагорскому занять его мѣсто на угольныхъ копяхъ.

Въ Москвѣ инженеръ повелъ уединенный образъ жизни, нигдѣ не появляясь и никого не принимая у себя. Аннѣ кратко сообщилъ, что его дѣло изобрѣтенія временно прерывается, что онъ слишкомъ поспѣшилъ въ увѣренности торжества своей идеи, и поэтому не имѣетъ права на свиданіе съ нею.

Онъ зналъ, какъ это было жестоко для него и Анны, но развѣ онъ имѣлъ право на меньшее? Вѣдь, все же были жертвы, и эти жертвы должны быть искуплены, хотя бы цѣною личныхъ лишеній. Да и можно ли было думать о личномъ счастьѣ въ то время, когда страна попрежнему находилась въ тискахъ гнета и насилія?

Новый царь Николай II ничѣмъ не измѣнилъ своего отношенія къ народу. Онъ такъ же, какъ и его родитель Александръ III, поддерживалъ разъ установленную политику—розги и висѣлицы.

Съ зубовнымъ скрежетомъ читалъ инженеръ Карамовъ слова этого новаго тирана, сказанныя имъ спустя два мѣсяца послѣ смерти своего папаша.

Принимая депутацію отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ въ Петербургѣ для принесенія поздравленій по случаю бракосочетанія съ Алисой Гессенской, названной Александрой Федоровною, достойный отпрыскъ Готорповъ высокомерно и въ высшей степени неумно произнесъ:

— Мы известно, что въ последнее время слышались въ некоторыхъ земскихъ собраніяхъ (ему все было известно, ибо петиціи и продажныя души насамѣдаль вслѣду!) голоса людей, увлекшихся *безмысленными* мечтаніями объ участіи представителей земствъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть все знаютъ, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель...

— Да, — грустно думалъ инженеръ, медленно расхаживая по своему кабинету, — отъ этого идиота добра ждать нельзя. Онъ такъ же будетъ давить народъ, какъ и его предшественникъ...

И онъ, инженеръ Карамовъ, бывшій наканунѣ уничтоженія зла, ничего пока не въ силахъ сдѣлать. И ярость охватывала его сердце.

Въ безсиьной злобѣ онъ сжималъ кулаки и грозилъ сильному врагу, который даже не зналъ объ его существованіи.

Тутъ же рождались новыя мысли:

— Что же самъ народъ молчитъ? Неужели онъ такъ забитъ, что не можетъ возвысить своего голоса?

И ему хотѣлось сдѣлаться огромнымъ, огромнымъ, обладающимъ голосомъ грома, чтобы поднять голову надъ всей придушенной, задавленной страной и крикнуть:

— Народы Россіи! Слушайте внимательно. Васъ обманываютъ. Васъ держатъ въ черномъ тѣлѣ, какъ древнихъ рабовъ. Но никто на это не имѣетъ права. И вы, вмѣсто жажды освобожденія, — вы покорно переносите позорное иго и сами на себя куете цѣпи. Очнитесь! Откройте глаза!.. О, жалкіе слѣпы!..

И въ эти минуты онъ критически разбирался въ своей идеѣ, надъ которой работалъ до катастрофы. Въ состояніи ли какая бы то ни была машина разрушить зло деспотизма до тѣхъ поръ, пока весь народъ не придетъ къ заключенію о необходимости его сверженія.

Онъ, инженеръ Карамовъ, въ концѣ-концовъ уничтожить одного, двухъ, трехъ деспотовъ, но развѣ не встанутъ на его мѣсто другіе, не наведутъ кровавый терроръ на подданныхъ и не заставятъ ихъ поддерживать свой тронъ?

Можетъ быть, нужно работать не въ типинѣ кабинета надъ какой-то фантастической машиной, а окунуться въ гущу народную, будить сознаніе, открывать глаза и указывать всемъ на первопричину зла?

Въ этихъ противорѣчіяхъ и размышленіяхъ проходили долгіе мѣсяцы.

Философствуя на тему о социальныхъ несправедливостяхъ, онъ совершенно пересталъ работать надъ восстановленіемъ своего изобрѣтенія. Въ немъ случился какой-то огромный душевный переломъ. Зрѣла какая-то новая мысль, еще не нашедшая своей формы.

Наступилъ май 1896 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXVI.

Этотъ мѣсяцъ врѣзался въ памяти инженера Карамова, какъ одна изъ позорныхъ страницъ неудачнаго царствованія Николая второго.

«Беселый мѣсяцъ май» послужилъ какъ бы роковымъ прологомъ къ тѣмъ гекатомбамъ труповъ и рѣкамъ крови, которыя въ послѣдующие затѣмъ годы, захлестывая, подмывали тронъ Романовыхъ, пока его не смыли окончательно.

Должно быть, такъ ему было предначертано предопредѣленіемъ!

Дни первой половины мая стояли солнечно-знойные. Во всемъ красочномъ блескѣ оживала природа съ буйной своей растительностью. Тянулись къ солнцу травы на поляхъ, лаская глазъ изумрудной зеленью. Въ бѣлой пѣнѣ цвѣтовъ кокетливо стояли яблони, обѣщая дать сладкіе плоды. Поля пестрѣли цвѣтами.

Въ Москвѣ народъ ждалъ коронаціи. Мѣстная администрація усиленно къ ней готовилась. Новый царь рѣшилъ дать большое торжество для своихъ подданныхъ, со всей щедростью, присущей дому Романовыхъ. Надо же было показать народу, что если онъ еще не такъ опытенъ въ управленіи великой страной, какъ его покойный родитель, зато настолько же щедръ. Онъ заботится не только о благѣ народа, но и объ его удовольствіяхъ и развлеченіяхъ.

Все казенныя и общественныя зданія ослѣпно убивались флагами, гирляндами изъ зелени и цвѣтными лампіонами.

Старушка Москва чистилась, выметая столѣтній мусоръ. Особенно большія приготовленія производились на Ходынкѣ. Это огромное пространство земли, на которомъ съ успѣхомъ можно выстроить грандіозный городъ, теперь застраивалось безчисленными рядами палатокъ и устанавливалось рядами бочекъ съ пивомъ. Въ палаткахъ должны были раздаваться гостинцы для народа и металлическія кружки, съ изображеніемъ чернаго орла въ память священнаго коронованія.

По окрестнымъ городамъ и селамъ были разсланы особыя извѣщенія о предстоящемъ торжествѣ, съ приглашеніемъ населенія пожаловать на этотъ праздникъ.

Благодаря извѣщеніямъ еще наканунѣ камуна на Ходынку начали прибывать жители окрестностей. Шли группами и въ одиночку, пѣшкомъ и подѣзжали на подводахъ. Нѣкоторые прибывали съ запасами продовольствія на недѣлю.

Появились многочисленные странники и странницы, торгующіе книжками, описывающими чудеса угодишковъ, «сегнетскій

тьмой», «слезами Богородицы» и прочими вещами, рассчитанными на темноту и невзыскательность потребителя. Засновали тутъ и тамъ бѣсноватые, кликуши и прочій народъ неопредѣленныхъ профессій, обычно налетающій невѣдомо откуда въ мѣста народныхъ скопленій, какъ-то: вѣстные ходы, базары, торжества и т. п.

Съ утра 13 мая Ходынка представляла собою необъятное море головъ, поднятыхъ кверху оглобелъ и развѣвающихся на нихъ предметовъ несложнаго деревенскаго туалета. Казалось, точно орды Тамерлана раскинулись станомъ подъ стѣнами Бѣлокаменной.

Къ вечеру новыя толпы все стекались и стекались на Ходынку, какъ черныя тучи, со всѣхъ сторонъ горизонта. Вновь прибывающіе располагались тѣмъ какъ могли: или вкраплялись въ старыя группы, уплотняя ихъ, или образуя новыя. Черныя пятна группъ все росли и росли, увеличиваясь отъ притока новыхъ толпъ. Цѣлые батальоны нищихъ прибыли въ мѣсто сбора. Это были загорѣлые, худые люди, безъ малѣйшаго признака жира, крѣпкіе скелеты, обтянутые сухой кожей, истощенныя тѣла, въ которыхъ расходъ матеріала превосходилъ питаніе; слѣпыя съ бѣлыми незрячими яблоками глазъ, расцѣвающіе никому не вѣдомыя свинченныя легенды однообразными мотивами.

Тутъ и тамъ сновали пытанки-гадальницы въ своихъ живописныхъ лохмотьяхъ. Азяпавато одѣтыя въ цвѣтной ситецъ тульскія бабы въ желтыхъ платкахъ, а рязанскія—въ головныхъ высокихъ наколкахъ располагались группами, лѣниво вели бесѣды или закусывали принесенными съ собою лепешками.

И надъ всѣми этими группами испаренія потныхъ человеческихъ тѣлъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ въ количествѣ многихъ сотъ тысячъ, висѣли плотной завѣсой, заставляя собою солнечный свѣтъ...

Въ Москвѣ говорили, что на Ходынку собрались милліоны, и кое-кто пророчилъ, что безъ несчастнаго случая торжество не обойдется.

Полицеймейстеръ Власовскій, обѣзжавшій этотъ импровизированный лагерь, замѣтилъ, что многочисленныя ямы-карьеры, изъ которыхъ брали песокъ, остались незасыпанными. Но вмѣсто того, чтобы распорядиться объ упрядненіи этого дефекта, поѣхалъ съ докладомъ къ губернатору Сергѣю Александровичу.

— Имѣю честь доложить вашему императорскому высочеству, что на Ходынкѣ не засыпаны ямы.

— Ну такъ что же?—спросилъ разсѣянно князь, меньше всего заинтересованный въ какихъ-то ямахъ.

— Какъ бы чего не произошло. Народу очень много прибыло.

— Что же можетъ произойти? Видъ за порядокъ вы ручаетесь, полковникъ.

— Въ этомъ смыслѣ я спокоенъ.

— Вотъ и прекрасно.

— А какъ же относительно засыпки ямъ?

— Ничего, сойдетъ и такъ.

Событія слѣдующаго дня доказали, что такъ не сойдетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXVII.

Ночь на Ходынкѣ проходила въ тревожномъ гулѣ. Подходили новыя толпы, непрерывно вливаясь, какъ изъ невидимого, но мощнаго резервуара, въ старыя. Непрекращающійся шумъ, пѣсни, вскрики и гомонъ висѣли въ прохладномъ воздухѣ короткой лѣтней ночи.

Склонный къ обобщеніямъ, инженеръ Карамовъ, явившійся сюда, чтобы видѣть скопленіе подлинной народной толпы и слышать ея рѣчи, сравнилъ этотъ шумъ съ морскимъ прибоемъ, то повышающимся, то понижающимся въ своемъ ритмѣ.

Нѣкоторыя группы собравшихся разложили костры и сѣдѣли вокругъ нихъ, черныя сзади, красныя спереди, ведя бесѣду, переходящую въ споры или тихія жалобы. А съ южного неба сверкали гирлянды серебряныхъ звѣздъ въ своей безстрастной и задумчивой кротости.

Одинокѣ бродилъ инженеръ Карамовъ между собравшимися группами, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ.

— Тоже баринъ за кружечкой пришелъ, — бросилъ кто-то изъ толпы по адресу Карамова.

Нѣтъ, онъ пришелъ не за кружкой. Его интересовало другое. Какими впечатлѣніями дѣлились эти люди, прибывшіе на царское торжество? Они говорили о землѣ, объ урожаѣ, о нуждѣ, о безкормицѣ, о злыхъ земскихъ начальникахъ и суровыхъ старшинахъ, жестоко выколачивающихъ оброки и подати, назначая въ продажу скотъ и послѣдній домашній скарбъ.

«О, темные люди, — думалъ Карамовъ, — вы привыкли обвинять вашу непосредственную власть, — власть, въ сущности, ничтожную, если бы разбиралась здраво. Эта власть тутъ совершенно не при чемъ. Вся сила въ той, на праздникъ которой вы явились сюда. И которая за всѣ выколачиваемые съ васъ оброки и подати броситъ вамъ по грошевой кружкѣ и по горсти пряниковъ».

Особенно Карамова заинтересовала одна группа, въ центрѣ которой находился страннаго вида человѣкъ, въ затасканномъ монашескомъ подрясникѣ и такой же окуфѣ, изъ-подъ которой буйно лѣзла лохматая грива спутанныхъ волосъ, до которыхъ гребень, видимо, не имѣлъ никакого касательства, равно, какъ и до рыжей бороды, висящей мочалками.

У ногъ страннаго человѣка лежали чѣмъ-то набитая холщевая сумка и длинный посохъ съ вырѣзаннымъ крестомъ на верхнемъ концѣ.

Странный человѣкъ гнусаво, нарастающе, по-волински, на «о», говорилъ, а толпа крестьянъ, мужчанъ и женщинъ, его слушала, стараясь не проронить ни одного слова:

— Вотъ я и говорю, православные, вамъ еще невѣдомо, но я знаю, что у насъ, на Руси, стали появляться люди, которые говорятъ, что не слѣдуетъ бояться Бога и любить царя. Какъ они, православные, заблуждаются! Сиде реку: въ священномъ писаніи сказано: «Бога бойтеся и царя чтите». Кто сіе сказалъ? Сіе сказалъ пророкъ. А кто онъ былъ? Онъ былъ посланникъ Божій. Значить, кто идетъ противъ посланника Божія, тотъ идетъ противъ Бога. Кто тотъ человѣкъ? Ясно—онъ слуга сатаны. А всѣмъ слугамъ сатаны преутоковано мѣсто въ преисподней, гдѣ жаръ и огонь и скрежетъ зубовой. Вотъ гдѣ имъ мѣсто. Горе имъ, православные!..

При этихъ словахъ бабы всхлипывали, а мужики задумчиво чесали затылки и были не въ силахъ разобратъся: вретъ ли странный человѣкъ, или говорить правду.

А странный человѣкъ продолжалъ, вдохновляясь собственнымъ краснорѣчіемъ, производившимъ такое великолѣпное впечатлѣніе на своихъ слушателей:

— Вамъ невѣдомо, православные, но я знаю: они еще учатъ, что всѣ люди равны между собою.

Тутъ голосъ странника возвысился до визгливыхъ нотъ. Онъ схватилъ посохъ и, указывая имъ въ небо, продолжалъ:

— Въ небесной іерархіи—и то не всѣ равны. Есть тамъ святыя великія, а есть тамъ и малые. А звѣздочки Божіи? Развѣ онѣ всѣ равны? Посмотрите, православные: одна большая, а другая совсѣмъ едва замѣтная. То же происходитъ и на землѣ. Все по чину. Царь есть помазанникъ Божій. Онъ замѣститель Бога. За нимъ идутъ министры, губернаторы, полицеймейстеры, исправники, земскіе начальники, урядники, старшины и старосты. Все власть, которая отъ Бога.. А все для чего это устроено?

Странникъ опять поднялъ посохъ къ небу.

— Посмотрите, православные, какой тамъ чудный порядокъ. Сейчасъ горятъ звѣзды, а днемъ будетъ свѣтитъ солнце. Наоборотъ же не бываетъ.

Въ этомъ сумбурномъ стилѣ странникъ долго болталъ всякій вздоръ передъ своей темной аудиторіей.

Инженеръ Карамовъ, слушая эти разглагольствованія, все больше и больше убѣждался, что ораторъ, несомнѣнно, является однимъ изъ винтиковъ механизма, поддерживающаго существующій порядокъ. Онъ заложенъ во главу угла такъ же, какъ армія солдатъ, кадры палачей и шпионовъ, такъ же, какъ Церковь, прикрывающая все зло и благословляющая его своими молитвами.

О, какъ это гнусно. Палачи и шпионы пресѣкаютъ волю физическую, а Церковь, съ ея попами и добровольными странниками и старцами, пресѣкаетъ волю духовную. Круговоротъ тьмы.

Карамовъ отошелъ отъ проповѣдника и сталъ смотрѣть на едва намѣчающуюся полоску алой зари.

Думалъ:

— Взойдетъ ли когда-нибудь такая же алая радость надъ темнатою народною?..

(Продолженіе слѣдуетъ)..

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXVIII.

Съ самаго ранняго утра на Ходынку потянулись густыми массами рабочіе съ московскихъ фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ здѣсь и безъ того переполненное народомъ поле теперь уплотнилось настолько, что приходилось стоять въ такой скученности, что нельзя было освободить руки, не говоря уже о свободѣ передвиженія.

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ,—говорилъ народъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій вождельнаго часа, когда начнется раздача царскихъ подарковъ.

Взоры всѣхъ устремлялись къ завѣтнымъ палаткамъ, на которыхъ уже развѣвались трехцвѣтные флаги. Около нихъ плотники стучали молотками, заканчивая послѣднія работы и приготовленія.

Солнце поднималось все выше и выше, разгораясь, точно кратеръ мощнаго небеснаго вулкана, посылая раскаленную лавину своихъ лучей на землю, на собравшіяся несмѣтныя толпы потныхъ, разомлѣвшихъ людей.

То и дѣло слышались возгласы:

— Пить!.. Пить хочется...

Предпріимчивые торговцы квасомъ и подкрашенной водицей, выдаваемой за фруктовый напитокъ, давно расторговались своими товарами и уже, не стѣсняясь, продавали простую воду по пятаку за стаканъ. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ зноя, увеличивалась жажда, и простая вода бралась на расхватъ чуть ли не по рублю за глотокъ.

Крошечная часть благоразумныхъ ушла изъ этого пекла, но массы, втиснутыя въ средину толпы, словно въ каменные стѣны, волей-неволей должны были изнывать отъ жажды и зноя.

Выбраться изъ кольца толпы не представлялось возможнымъ. Яблоко могло упасть только въ тѣ ямы, которыя остались неза-сыпанными и которыя вначалѣ зіяли темными провалами.

Надъ полемъ стоялъ сплошной гулъ. Казалось, миллиарды шмелевыхъ рсевъ носились въ воздухѣ, не находя пристанища.

Все чаще и чаще раздавались вопросы:

— Скоро ли? Скоро ли?..

Наконецъ, во всѣхъ московскихъ церквахъ загудѣлъ колокольный трезвонъ.

Съ Тайницкой башни проломъ заловили пушки.

Это было знакомъ того, что актъ коронаціи кончился. И раздалось долгожданное истомившимся народомъ слово:

— Выдаютъ...

Толпа, какъ долго сдерживаемый затрудой потокъ, обильно хлынула къ палаткамъ.

Установленный порядокъ, по которому всѣ должны были подходить по очереди къ мѣсту выдачи, брать отсюда узелки съ рогатиками, кружку и съ последней, если кто пожелаетъ, продвигаясь къ бочкамъ съ пивомъ, продолжался всего нѣсколько минутъ.

Вскорѣ кто-то пустилъ слухъ:

— Подарковъ на всѣхъ нехватитъ.

Возможно, слухъ этотъ имѣлъ основаніе, если принять во вниманіе неограниченную толпу и, разумѣется, ограниченное количество подарковъ.

Моментами бранки мандармы, управлявшіе задами лошадей, толпой были отпущены, городовые смяты, и началась та вакханалія, отъ которой у наблюдающаго за этой картиной инженера Карамова захватило духъ и волосы на головѣ зашевелились, какъ развѣваемые вѣтромъ.

Палатки застрепали, точно раздираемыя по дощкамъ.

— Ай! — пронесся пронзительный и короткий дѣтскій крикъ. Наверное, ребенокъ былъ прижатъ къ палаткѣ и слышать, какъ лепешка, найдя здѣсь временную кончину.

— Батюшки, умираю... — пронесся невоинный бабій голосъ. — Родненькіе, прости...

— Помогите...

— Ой, ой!

— Уу... а-а-а...

И воли жадные, воли звѣринныя, воли людей, у которыхъ отнималась жизнь въ то время, когда они меньше всего этого ожидали, все учащались и учащались, пока не превратились въ сплошную реву.

Толпу охватывала паника.

Стихійная сила чисто-звѣриной ярости вливалась въ сердце каждаго, и каждый чѣмъ могъ, руками, ногами, зубами, прокладывая себѣ дорогу впередъ, забывалъ объ остальныхъ. У палатокъ люди буйвально перетрыгали другъ другу горло.

Клубки человѣческихъ тѣлъ катились въ проходахъ между палатокъ. Задніе ряды, нажимая на передніе, вытягивая переднихъ, бросали ихъ прямо на упавшихъ. И бѣжали, давя и калѣча извѣстующихся женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Обезумѣвшая толпа, потерявшая волю, металась точно въ тѣсныхъ стѣнахъ, охваченныхъ пожаромъ, искала выхода, но выхода не было.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. О р д ы н с к а г о,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXIX.

Тѣ злополучныя ямы, которыя остались незасыпанными по халатности полицеймейстера Власовскаго и губернатора, теперь превращались въ жуткія кладбища мертвыхъ, искалѣченныхъ и полуживыхъ людей, лежащихъ въ одной кучи.

Передніе ряды, стоящіе около этихъ ямъ, были, конечно, не въ силахъ выдержать напора заднихъ и подбрасывались сотнями въ ямы, какъ снопы въ чудовищную молотилку, которая ихъ и крушила. Ямы до краевъ наполнялись стонущими, вопящими, посылающими вѣчныя проклятія толпѣ, царю и всему міру людѣмъ.

А по этимъ корчащимся отъ невыносимой боли тѣламъ, какъ по настигу черезъ зыбкое болото, двигались другія массы, другія лавины въ лаптяхъ, въ подбитыхъ гвоздями сапогахъ, превращая въ безформенность лица, выдавливая животы беременнымъ женщинамъ, путаясь въ дымящихся кишкахъ, обатряясь лишней темной кровью.

Казалось, въ людяхъ проснулся дикій переобытный звѣрь, ни съ чѣмъ не считающійся, несущій катастрофу для всѣхъ и самъ плущій навстрѣчу неминуемой гибели и ее находящій.

Солнце посылало раскаленные стрѣлы своихъ лучей, увеличивая въ людяхъ жажду, отнимая воздухъ. Многіе умерли отъ жажды, отъ солнечныхъ ударовъ, многіе были задавлены на смерть, стиснутые стѣнами толпы.

И эти трупы стоя двигались вмѣстѣ съ толпою, какъ живые, съ остеклѣвшими глазами.

На мѣстахъ ямъ образовались горы человѣческихъ тѣлъ. Люди карабкались на нихъ, въ надеждѣ спастись на этихъ возвышеніяхъ. Многіе не выдерживали зрѣлища ужаса, царящаго на всемъ полѣ, и сходили съ ума. Ихъ безумный хохотъ, звѣриный вой и стоны изувѣченныхъ создавали какую-то адскую какофонію, вызывающую кошмарно-паническій страхъ, усиливая впечатлѣніе какого-то страшнаго суда.

Инженеръ Карамовъ видѣлъ, какъ тотъ странникъ, который бесѣдовалъ съ толпою крестьянъ минувшей ночью, былъ выкинутъ толпою на поверхность ея головъ, точно легкое перышко изъ

пучины водоворота, и побивалъ по головамъ людей, какъ по неровнымъ камнямъ мостовой, ладая, спотыкаясь, снова поднимаясь...

Видъ его былъ ужасенъ. Отъ его монашескаго подрясника остался только небольшой клочъ грязной, окровавленной матеріи, висящей на сгибѣ правой руки. Спутанныя лохмы волосъ встали на головѣ дыбомъ, какъ отъ смертельнаго испуга. Сапоги отсутствовали. Длинные волосатые обнаженные ноги были исцарапаны въ кровь, какъ бы искушанныя разъяренными собаками. Онъ споткнулся, упалъ и покатился, точно круглый обрубокъ, подгоняемый буйными порывами вѣтра.

Вскрѣ инженеръ Карамовъ замѣтилъ множество также выкинутыхъ на поверхность людскаго океана обжавшихъ по головамъ, точно обезумѣвшее стадо. Ставниваясь между собою, они, не желая уступить другъ другу дороги, вступали въ драки.

Въ свою очередь, находящіеся внизу зубами хватали ихъ за ноги, стараясь стащить ихъ внизъ, что иногда и удавалось. И люди, только что избѣжавшіе опасности, снова всасывались въ пучину, гдѣ и находили вѣрную смерть.

Нѣчто невообразимое происходило и у бочекъ съ пивомъ. Бочки были перевернуты, днища изъ нихъ выбиты. И люди, утоляя жажду, черпали пиво кто чѣмъ могъ: ведрами, картузами, шапками, сапогами; иные, наклонясь, локали изъ бочекъ, какъ животные. Нѣкоторыхъ ставили въ бочки, и они тамъ захлебывались.

Теплое пиво, въ раскаленной атмосферѣ полудня дѣйствовало, какъ опеломляющій дурманъ. И опьяненная толпа, окончательно потерявшая разсудокъ и чувство какого-либо самосохраненія, лѣзла впередъ, увеличивая дѣвку, вырывая другъ у друга подарки, разнося на щепы палатки, и гибла въ остервенѣніи.

Часа черезъ два Ходынка представляла собою какъ бы огромное поле величайшей битвы, усѣянное трупами труновъ и ползающими изувѣченными, вопящими отъ боли.

Дымилась кровь и носился смрадъ быстро разлагающихся подъ солнцемъ человѣческихъ тѣлъ.

Хохотъ безумныхъ и пьяные крики упившихся пивомъ производили на инженера Карамова душу ледяющее впечатлѣніе.

Тутъ и тамъ въ полѣ появились огромныя фуры, подводы помоекъ, кареты скорой помощи, спѣшно забирающія трупы и увѣчныхъ. Очевидно, московская администрація, осведомленная о страшной катастрофѣ, принимала энергичныя мѣры до пріѣзда сюда царя, чтобы не омрачать взоровъ только что коронованной царской четы видомъ обезображенныхъ тѣлъ, печальнымъ зрѣлищемъ тысячъ людей, пришедшихъ на царское торжество и вмѣсто этого нашедшихъ смерть и увѣчья...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О страшной катастрофѣ на Ходынкѣ вся Москва заговорила раньше, чѣмъ опомнилась ея высшая администрація, упивавшаяся шампанскимъ во дворцѣ.

Изъ устъ въ уста, съ быстротою молніи, разносились жуткіе рассказы о тысячахъ жертвъ. Очевидцы катастрофы, обруженные густыми толпами народа, плача и крестясь, красочно и подробно передавали о всѣхъ ужасахъ, свидѣтелями которыхъ имъ довелось быть. Всецѣло обвинялась администрація, не принявшая надлежащихъ мѣръ. Чистили тупого неврастеника-губернатора и пьяницу Власовскаго.

— Это не къ добру, — говорили народъ. — Это страшное предзнаменованіе.

Въ толпѣ нашлись вѣщія старухи, утверждавшія, что близокъ конецъ свѣта, что слышенъ звукъ трубы архангела.

Кто-то философски доказывалъ, что теперь народная кровь должна хлынуть рѣками, потому что покойный императоръ считался «мпротворцемъ» и всячески сдерживалъ кровопролитіе. Но кровь должна найти выходъ. И она, конечно, шла въ день торжественнаго коронованія новаго царя. Иные, наоборотъ, оставали ту точку зрѣнія, что случившееся печальное событіе поведетъ Россію къ благополучію. Вѣдь, чтобы зданіе стояло долго и было прочно, необходима кровь какого-либо рабочаго, пострадавшаго на постройкѣ этого зданія.

Странникъ, котораго видѣлъ инженеръ Карамонъ бѣгущимъ по головамъ толпы, теперь собралъ около себя большую толпу и среди нея вдохновенно ораторствовалъ, потрясая лохмами волосъ. Онъ былъ одѣтъ въ ничто въ родѣ юбки и засаленную куртку, появившуюся на его плечахъ невѣдомо откуда.

Несмотря на пережитую передрыгъ, голосъ его звучалъ прежнимъ аллобломъ, какъ у человѣка убѣжденнаго въ своей правотѣ:

— Вамъ невѣдомо, православные, но я знаю... Много народу погибло сегодня. Охъ, много. Но кто погибъ? Погибъ тотъ, кто не вѣрилъ въ Бога... Кто не чтилъ царя, а пришелъ за тѣмъ, чтобы схватить кружку, чтобы упиться пивомъ. Въ священномъ писаніи сказано: «не упивайтесь виномъ, въ немъ бо есть блудъ...» Вотъ кто погибъ, православные. Но кто вѣрилъ въ Бога и чтилъ царя, — тотъ спасенъ. Изъ нихъ первый есмь азъ, грѣшный рабъ. Въ самомъ началѣ бѣдствія я сказалъ: «Господи, истреби всѣхъ нечестивыхъ и спаси прославляющихъ тебя»... И Онъ истребилъ нечестивыхъ...

Странникъ водилъ руки къ небу и широчая ими продолжалъ:

— Вамъ невѣдомо, православные, но я знаю. Бровь этихъ погибшихъ есть столпъ и утвержденіе ко благу нашего батюшки-царя.

Въ концѣ-концовъ, московская администрація, извѣщенная о жуткой ходынской катастрофѣ начала принимать всѣ мѣры, чтобы вѣсть объ этомъ не получила широкаго распространенія въ окрестностяхъ. Боязнь народныхъ волненій заставила всѣ участки быть наготовѣ, закрыть телефоны и дать надлежащія предписанія телеграфу.

Наложенные, какъ дрова, трупы задавленныхъ повезли въ больницы и пріемные покои въ каретахъ скорой помощи и въ пролеткахъ извозчиковъ съ закрытыми верхами.

Царю въ мягкихъ формахъ донесли, что на мѣстѣ народнаго торжества, по случаю огромнаго стеченія публики и тропической жары, было нѣсколько солнечныхъ ударовъ, а отъ охватившей неизвѣстно по какой причинѣ паники, — нѣсколько человѣкъ искалчено въ давкѣ.

Торжественный завтракъ елико возможно затягивался, съ тѣлюю выиграть время, для того, чтобы новый царь, изъявившій желаніе присутствовать лично на праздникѣ народномъ, не могъ видѣть истинныхъ размѣровъ происшедшей катастрофы.

Случилось то, что всегда, на протяженіи длиннаго свитка исторіи, случалось съ царями. Они обманывали свой народъ, а ихъ обманывали ихъ придворные холопы...

Но на этотъ разъ, несмотря на рабское усердіе клеветовъ, имъ все-таки не удалось скрыть всей правды.

День склонялся къ вечеру, когда пышная царская свита и карета царя съ царицей двинулись отъ пришественного дворца по направленію къ Ходынкѣ.

По обѣимъ сторонамъ разукрашенной флагами, гирляндами и матеріями улицы, плотными шпалерами стояли толпы народа, обильно разбавленные шпиками и охранниками. Эти толпы громкими криками «ура» сопровождали провѣдь своего повелителя. Сильнѣй всѣхъ, конечно, старались шпиками; обнаруживая народную преданность обожаемому монарху и его супругѣ.

Государь, покрутивая лѣвой рукой рыжій усъ, правой непрерывно отдавалъ честь народу и военнымъ чинамъ; государыня кивала головой, какъ заведенная кукла и улыбалась съ важно-стью коронованной повелительницы этихъ темныхъ массъ.

Впереди кортежа стоя въ открытомъ ландо скакалъ полицеймейстеръ Власовскій, съ иконостасомъ своихъ регалій на широкой груди. Онъ какъ бы расчищалъ путь, въ расчиствѣ котораго собственно не было никакой надобности.

И вдругъ...

Когда царская свита приближалась къ церкви Василія Кесарійскаго, навстрѣчу показалось нѣсколько подводъ съ пробани и трупами, мнохо прикрытыми рогожами. Слѣдомъ за ними мостовая обогрялась кровью и жидкой сукровицей, разлагающихся тѣлъ. Власовскій заоралъ на процессію, но было поздно.

При видѣ этой картины, царица брезгливо сморщилась и обратилась къ Николаю по-нѣмецки:

— Васъ истъ дасъ?

Царь спокойно отвѣтилъ:

— Ахъ, это тѣ несчастные, которые умерли отъ солнечнаго удара...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Полиція совершенно неосновательно ожидала могущихъ произойти народныхъ волнений или безпорядковъ. Какъ было, такъ все и осталось. Народъ абсолютно ничѣмъ не реагировалъ на кровавый пиръ, заданный на Ходынкѣ. Никто, конечно, не похлопотался утереть слезы многихъ осиротѣвшихъ семей, лишенныхъ безвременно погибшихъ отцовъ, матерей и близкихъ родственниковъ.

Слѣды и страданій.

Въ ближайшіе дни Москва, правда, не переставала говорить о страшной катастрофѣ, но это не мешало ей въ течение цѣлой недѣли украшаться флагами, а по вечерамъ зажигать роскошную иллюминацію. Народъ толпами ходилъ по улицамъ и подолгу простаивалъ около иллюминированныхъ зданій...

XXXI.

Инженеръ Карамовъ въ эти дни жилъ на Софійской набережной въ своей одинокой квартирѣ. По вечерамъ въ окна лился фантастическій видъ Кремля.

Его дворцы, храмы, старыя башни и стѣны, унизанные цвѣтными лампіонами, представляли собою дивную страничку изъ «Тысячи и одной ночи».

Распахнувъ окно, инженеръ часами смотрѣлъ на иллюминацію, прислушиваясь къ бою часовъ на Спасской башнѣ, къ гомону шумливой, восхищенной толпы, фланирующей по обѣимъ сторонамъ набережныхъ.

Неизбывно-безотчетная грусть охватывала душу Карамова. Сильная жажда видѣть Анну и сына овладевала имъ.

Какъ было бы хорошо, если бы они находились здѣсь, вмѣстѣ съ нимъ. Онъ обнялъ бы ихъ крѣпко, крѣпко. Они смотрѣли бы на небо, испещренное миллиардами серебряныхъ звѣздъ, на гирлянды цвѣтныхъ лампіоновъ, усыпавшихъ старыя башни и отражающихся въ причудливыхъ сочетаніяхъ на тихихъ струяхъ Москвы-рѣки.

Но нѣтъ, какой-то ложный стыдъ заставлялъ гнать отъ себя эти человѣческія желанія. Самъ себѣ онъ казался обманщикомъ, не сдержавшимъ слова и разбившимъ даже собственную мечту.

И въ эти минуты та смутная мысль, которая зрѣла въ немъ послѣ болѣзни, послѣ того перелома, теперь выливалась въ окончательныя и опредѣленныя формы, такія четкія и рельефныя...

Вѣдь, изобрѣтая «Всевидающую» онъ, несомнѣнно, стремился къ благу для всего человѣчества. Онъ считалъ свою идею единственно приемлею и способною очистить дорогу для новой жизни.

Какъ фанатикъ, онъ не думалъ объ иныхъ путяхъ, могущихъ привести къ той же цѣли. Но за время болѣзни у него открылись глаза шире. Внутреннее чутье показало ему, что есть и другія возможности.

Карамовъ зналъ, что въ Россіи имѣются люди точно такъ же добивающіеся блага народнаго. Предметомъ ихъ дѣятельности является пропаганда. За свои идеи они идутъ въ ссылку, на каторгу и безропотно глядятъ въ лицо всепримиряющей смерти. И ничего не страшатся.

Возможно, что они избрали путь длинный, но зато вѣрный.

Весь міръ еще погрузенъ во тьму, но они усматриваютъ на горизонтѣ проблески алой зари. Сквозь темныя тучи они видятъ звѣзду путеводную, какъ древніе волхвы. Ахъ, они вѣрятъ, что эта звѣзда приведетъ ихъ къ поставленной цѣли.

Туда къ этимъ людямъ, пылкимъ фантазерамъ, новымъ пророкамъ. На крестъ, на муки, на страданія! Въ бой!

Пусть еще торжествуетъ зло и грубый произволъ поетъ свою побѣдную пѣсню. Какъ все въ мірѣ, кончится и она, оборвавшись точно гнилой канатъ.

Онъ, инженеръ Карамовъ, долженъ сдѣлаться борцомъ за народную свободу и народное право. Чтобы не было рабовъ, онъ долженъ самъ пойти къ нимъ, дѣлить съ ними ихъ горькую участь. А если придется пострадать—будетъ страдать больше всѣхъ. Такъ должно быть.

Все что есть на свѣтѣ злого, опирается на троны тьмы. О, эти троны должны быть уничтожены «Карфагенъ необходимо разрушить». Но разрушить не физическимъ его сверженіемъ, какъ онъ мыслить раньше, работая надъ «Всевидающей»,—она потребуетъ послѣ,—а работой надъ проясненіемъ и углубленіемъ сознанія тѣхъ массъ, которыя поддерживаютъ кѣмъ-то установленный рабскій строй, которыя даже изъ своей среды даютъ палачей для казни лицъ этому строю не сочувствующихъ. Вотъ куда должна быть направлена энергія всѣхъ мыслящихъ людей.

Карамовъ почувствовалъ, какъ огонь новой вѣры зажегся въ его груди, какъ вливались мощныя волны новой силы.

— Работать, работать, работать!..

Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ письмо своему вѣрному помощнику Нагорскому:

— Другъ мой, — такъ заканчивалъ онъ свое посланіе. — Я вновь воскресаю для большого дѣла. Если тебѣ дороги тѣ идеалы, ради которыхъ мы трудились когда-то,—бросай копѣи и немедленно прѣвзжай въ Москву, въ сердце Россіи, здѣсь мы найдемъ призмѣніе нашей энергіи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXXII.

Вскорѣ Нагорскій отвѣтилъ краткой телеграммой.

— Вду.

А черезъ нѣсколько дней Карамовъ, встрѣтивъ на вокзалѣ своего вѣрнаго помощника, обнималъ его, какъ родного сына.

Нагорскій за время разлуки значительно возмужалъ, загорѣлъ и вся его фигура, точно выкованная изъ одного куска стали, полыхала цвѣтущимъ здоровьемъ и силой. «Настоящая черноземная сила»,—думалъ про него инженеръ.

Карамовъ привезъ его къ себѣ на квартиру. Немедленно распорядился подать кофе.

— Ну, что дѣлается на косяхъ?—спросилъ онъ у гостя, когда они присѣли къ столу.

Нагорскій печально махнулъ рукой:

— Очень, очень скверно.

Далѣе онъ разсказалъ, что порядки въ шахтахъ за время отсутствія Карамова стали значительно строже. Шахтеровъ всячески угнетаютъ. Плата понизилась до минимума, а рабочий день удлинился. За каждый пустякъ привлекаютъ къ строгой отвѣтственности. Штрафы процвѣтаютъ. При этомъ не раздается ни одного звука протеста. Народъ забить окончательно. Онъ влачитъ жалкое полуголодное существованіе, ютится въ грязныхъ сырыхъ подвалахъ, боясь пикнуть. Между тѣмъ, компанія набиваетъ карманы золотомъ. Несправедливость торжествуетъ во всѣхъ ея видахъ. А среди рабочихъ развивается безумное пьянство. Пропивается буквально все. Въ дни получекъ можно наблюдать тяжелыя сцены. Голодные жены рабочихъ съ кучами дѣтей стоятъ около конторы, въ надеждѣ вырвать у мужей хотя нѣсколько жалкихъ грошей на пропитаніе. Иногда нѣкоторымъ это удается, зато другія вмѣсто денегъ получаютъ побои и побитыя со слезами бредутъ въ свои лачуги, гдѣ и вымещаютъ свои обиды на несчастныхъ дѣтяхъ. Царитъ какой-то сплошной ужасъ. И конца ему не видно.

— Неужели среди шахтеровъ не ведется никакой пропаганды?—спросилъ инженеръ Карамовъ, внимательно слушавшій Нагорнаго.

Онъ отвѣтилъ:

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Владѣльцемъ корчмы былъ Митричъ, очень тучный и очень лѣнивый человѣкъ. Онъ торговалъ чаемъ, закусками и всѣмъ тѣмъ, что входило въ кругъ спроса его невзыскательной публики.

Корчма его находилась на большой проѣзжей дорогѣ. Это была почти квадратная комната, съ низко нависшими потолками съ цѣлымъ узоромъ закопченной паутины по угламъ.

Лѣтній день склонялся къ вечеру.

Сквозь два окна корчмы открывался прекрасный видъ на далекіе лѣса, подернутые розовой мглой заката. На поля бросались вечернія тѣни.

За длиннымъ буфетомъ, прижатымъ къ стѣнѣ, сидѣлъ самъ Митричъ, сонно клюя носомъ.

Въ корчмѣ почти никого не было.

Только одинъ столикъ занималъ страннаго вида человѣкъ, облаченный въ монашескій подрясникъ. Странный человѣкъ не спѣша пилъ чай, закусывалъ черствыми баранками и гнусаво мурлыкалъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо вѣдохомъ и плакахомъ».

Кончивъ пѣніе странникъ обратился къ дремлющему хозяину: — А что, Митричъ, не слыхалъ, часомъ, еще не разгромлены усадьбы князей Науломскихъ? Ась?..

Хозяинъ сладко зѣвнулъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не слыхалъ. Тебѣ чать лучше знать. Вѣдь, ты вездѣ шатался. Дѣло твое такое.

Странникъ погладилъ взлохмаченную бороду.

— Не удосужился я побывать у нихъ. Не случилось. А надо бы, Господа знатные и добрые. Пусть Господь Богъ подастъ имъ доброе здоровье. Я молюсь за нихъ ежедневно.

Митричъ отвѣтилъ саркастически:

— У тебя добрые и хорошіе—которые подаютъ такимъ, какъ ты—пройдохамъ. Нельзя тебѣ не молиться.

Онъ нѣсколько помолчалъ и затѣмъ добавилъ:

— А вотъ наши мужички совсѣмъ другого мѣнія о князѣ. Онъ, слышь, гнетъ ихъ втрипогребла и даже внимать не хочетъ о сбавкѣ аренды.

Странникъ, проникнутый чувствомъ уваженія къ князьямъ Науломскихъ, медоточиво отвѣтилъ:

— На всѣхъ не угодишь, Митричъ. И то сказать, сильные міра сего любятъ смиреніе. Ты приди къ нимъ, поклонись пониже, вотъ тогда они и пойдутъ на уступки.

Онъ обмакнулъ баранку въ чай, далъ ей разбухнуть и, когда она вздулась, какъ сосиска въ кипяткѣ, положилъ ее въ ротъ, прожевалъ и поучительно продолжалъ:

— А что дѣлають наши мужичи, Митричъ? Въместо того, чтобы просить, они стали нахально требовать. Ну, князь, конечно, обозлился. Онъ не привыкъ къ нахальству мужичья. Онъ—благородный.

Путь владѣлецъ корчмы перебилъ странника:

— Недолго ужъ твоимъ князьямъ злиться осталось. Почитай каждую ночь дается имъ острака. Иногда я выйду на крыльцо ночью, посмотрю: точно кровью полыхаетъ небо. А все жгутъ имѣнья помещиковъ. И думаю: пора принять имъ огненное крещеніе.

Странникъ вздохнулъ:

— Охо, хо-хо. Совсѣмъ забылъ народъ Бога. Прѣхи.

Онъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Продолжалъ:

— Намедни тоже. Видѣлъ я, какъ жгли усадьбу Мышкиныхъ. Всѣ зданія пылали, ровно факелы. Весь хлѣбушко сожгли. Скотина бессловесная сторуѣла. Жутко такъ ревѣла въ огнѣ. Управляющаго убили. Прямо страсти Господни... А что изъ этого выйдетъ?

Странникъ зарядилъ носъ табакомъ.

— Охъ, великое нечестіе совершается на землѣ... великое.:

Митричъ отозвался:

— Да, много крови прольется теперь. Чья только возьметъ?

Странникъ согласился:

— Охъ, много крови прольется, Митричъ... А почему? Да все потому, что забылъ народъ Бога... Властей не сталъ признавать: Бѣсу душу свою продалъ. Какой-то, слышь, свободы захотѣлъ...: А зачѣмъ?

— Брось, брось,—перебилъ разглагольствованія странника, хозяинъ корчмы,—пора, вѣдь, захотѣть. Уже сколько лѣтъ народъ ровно скотъ работалъ безъ отдыха и томился въ неволѣ... Можетъ быть теперь сумѣетъ освободиться...: Я старый человекъ, врать не буду.

— Не къ добру все это, Митричъ, не къ добру. Въ священномъ писаніи сказано: «Не борись съ человекомъ сильнымъ». Не зря же это сказано. До насъ жили люди умные, разсудительные.

Митричъ, какъ-будто оцѣлся, слушая убѣдительныя слова странника.

— Посмотримъ, отецъ Григорій, посмотримъ. Конечно, наше дѣло—сторона... Молодежь, вѣдь, для себя хлопочетъ. Она не желаетъ жить такъ, какъ жили мы. Мы всего боялись, предовоѣмъ дрожали. Какая это была жизнь! Можно прямо сказать: собачья жизнь... Что ты на это скажешь, Григорій?

— Скажу то, что ты самъ предался лукавому, — отвѣтилъ странникъ.

— Почему?

Странникъ Григорій хотѣлъ произнести цѣлую рѣчь, но въ это время въ дверяхъ послышался шумъ. Въ корчму входило нѣсколько человекъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

II.

Въ корчму вошло нѣсколько человѣкъ, затормозившихъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, высокій малый въ черной рубашкѣ, перехваченной широкимъ кожанымъ поясомъ, обратился къ хозяину съ привѣтомъ:

— Здорово, старина, какъ поживаешь?

— Здравствуй, другъ,—отозвался хозяинъ.—Свершило по-малости. Что жъ дѣлать? Старое старится, молодое растетъ. Что-то васъ давно не было видно?

Молодой крестьянинъ улыбнулся, обнаживъ два ряда прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ:

Зажлопотались, старина, захлопотались. Теперь работы намъ по горло. Чтобы добыть землю и волю нужно потрудиться. Не правда ли? Вотъ мы и дѣйствуемъ.

Странникъ, внимательно оглядѣвшій всю группу вошедшихъ, обратился къ молодому крестьянину съ ехиднымъ вопросомъ:

— Значитъ, смуту сѣешь въ народѣ, сынокъ?

— Да, какъ тебѣ сказать, монахъ,—отвѣтилъ тотъ,—если хочешь, сѣю смуту.

Странникъ иронически покачалъ головою:

— Что жъ, дѣло доброе,—заговорилъ онъ.—Но помни, сынокъ, что сѣющий въ зръ пожеветъ бурю. Такъ сказано въ священномъ писаніи. Не зря же тамъ это сказано. Да.

— Эхъ, монахъ, монахъ, ты читаешь одно писаніе, а мы читаемъ другое. Такъ вотъ въ нашемъ писаніи сказано: «человѣкъ живетъ только однажды. Жизнь его коротка. И, значитъ, ею нужно пользоваться разумно. Лишнія страданія необходимо отбросить. Они не отъ Бога, а отъ людей, которые хотятъ жить чужимъ трудомъ»...

— Такъ, такъ, сынокъ, говоришь ты красиво, да толку мало. Хорошо поешь, гдѣ-то сядешь.

— Цѣль придется, монахъ, тамъ и сядемъ, но все-таки добудемъ народу свободу.

Въ разговоръ странника съ молодымъ крестьяниномъ вмѣшался хозяинъ корчмы. Онъ, видимо, держалъ руку послѣдняго.

— Такъ, такъ, что въ самомъ дѣлѣ? Здѣсь на землѣ мы страдаемъ да облизываемся на другихъ... Паны, вонъ, сулятъ бѣднымъ радостное житіе на небѣ, а ученые люди говорятъ, что и неба-то никакого нѣтъ. Одна атмосфера. Какъ тутъ разобратся... а понять все надо. Пора понять.

— Все это отъ лукаваго, Митричъ,—загнусилъ Григорій.—Отъ лукаваго, голубчикъ. Онъ сѣетъ смуту въ народѣ! А вотъ эти люди ему помогаютъ... Народъ нашъ темень, всему вѣрить...

— Брось, монахъ, глупости тородить,—перебилъ разглагольствованія странника молодой агитаторъ.—Еще никому неизвѣстно, что отъ лукаваго. Съ двоимъ лукавымъ, вѣдь, никто не бесѣ-

давать. Может быть, все то, что говоришь ты и есть отъ лукаваго.

Странникъ недовольно поднялся съ мѣста и подошелъ къ буфету.

— До свиданья, Митричъ. Ухожу. Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Такъ сказалъ пророкъ Давидъ.

См. 1-й псалмъ. — 1-й псалмъ. — 1-й псалмъ.

— Что это за фигура?—спросилъ молодой агитаторъ у хозяина.

— Да такъ бездѣльникъ. Былъ воромъ и пьяницей. Теперь притворяется юродивымъ. Мерочить головы бабъ, мужиковъ. Таскается по всемъ монастырямъ и тѣмъ шатается.

— Не опасенъ?

— Не думаю. А, впрочемъ, путь его знаетъ. Чужая душа—потемки.

— Ну, старина, на тебя-то, вѣдь, можно положиться?—освѣдомился агитаторъ.

— Какъ на могилу.

— Вотъ хорошо. Сегодня у тебя назначено собраніе. Будутъ крестьяне и нѣсколько рабочихъ. Придетъ самъ Карамовъ.

При упоминаніи объ этомъ имени лицо хозяина расцвѣло въ улыбку.

— А развѣ онъ въ нашихъ краяхъ?—спросилъ Митричъ.

— Дня три тому назадъ прѣхалъ вмѣстѣ съ Нагорскимъ. Вотъ это, старина, человекъ! Огонь. А говорить какъ, заслушаешься. Точно музыка поетъ въ душѣ. Сегодня все придутъ его послушать.

Хозяинъ, точно припомнивъ что, погладилъ сѣдую бороду и промолвилъ:

— Да, я зналъ его ребенкомъ. Бѣдовый былъ мальчишка, умный. Ему бывало частенько говорили: «ну, малый, смотри, будешь ты или министромъ, или попадешь на каторгу».

— Последнее случилось раньше,—усмѣхнулся молодой агитаторъ.—Но, Митричъ, для орла не бываетъ преградъ. Съ каторги онъ удралъ и теперь снова началъ работать въ пользу народа...

Хозяинъ, понизивъ голосъ, спросилъ.

— Ну, а дѣла-то ваши, какъ двигаются?

— Идутъ отлично. А, главное, мы вѣримъ въ успѣхъ.

Митричъ снова погладилъ бороду и съ добродушной улыбкой пошутилъ:

— Иная вѣра можетъ и обмануть, милочъ. Я тоже вѣрилъ въ жену, какъ въ Бога, а она взяла да и обѣжала... Такъ-то...

— Ахъ, старый воронъ. И ты закаркалъ. Повѣрь, старина, что нельзя ставить на рѣкѣ заруды во время половодья. Плотина все равно будетъ сорвана. А развѣ ураганъ не ломаетъ вѣстовыя деревья съ корнемъ?

— Да, я, конечно, къ слову. Я старый человекъ, но и онѣ хочется вѣрить. Давай вамъ Богъ успѣха...

— А ты давай намъ чаю.

Хозяинъ засуетился за буфетомъ, гремя чашками.

Въ корчмѣ начинало темнѣть.

Подавъ чай хозяинъ подошелъ къ окну и замѣтилъ:

— Какое зарево занялось на небѣ. Опять должно быть горить чья-либо экономія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III.

Въ то время, когда происходилъ этотъ разговоръ въ корчмѣ, два спутника шагали по лѣсной тропинкѣ.

Вечеръ давно наступилъ и деревья тонули въ полумракѣ.

Гдѣ-то вдалекѣ, въ просвѣтахъ между деревьями, открывающійся горизонтъ обаялся заревомъ. Казалось, какой-то гигантъ, обмакнувъ свою исполинскую ладонь въ океанъ крови, намазывалъ ею сочно-красныя мазки.

Задумчиво шедшій впереди Карамовъ замѣтилъ, указывая на зарево:

— Вотъ горитъ имѣніе князей Наулумскихъ. Хорошее было имѣніе.

Нагорскій, точно чувствуя скорбь своего учителя по разрушенію культуры и желая его успокоить, произнесъ:

— Стоитъ ли объ этомъ жалѣть, Вадимъ Викентьевичъ. Въ огнѣ очищенія и конецъ для него будетъ такъ же красиво, какъ это дивное зарево.

Карамовъ промолчалъ.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ обратился къ Нагорскому съ необычнымъ для него приказаніемъ:

— Другъ мой, ты иди туда одинъ.

— Почему?—встрепенулся Нагорскій,—а вы?

— Я останусь здѣсь.

Тонъ Карамова былъ категориченъ. Нагорскій зналъ, что дальнѣйшіе разспросы ни къ чему не приведутъ. И онъ покорно зашагалъ дальше.

Карамовъ одиноко усѣлся подъ деревомъ. Крутомъ лѣсная тишина, мягко волнующая душу. Деревья стояли тихо, даже не шевеля вѣтвями.

И ему казалось, точно во всемъ мірѣ только одинъ онъ. Тамъ гдѣ-то страдаютъ и волнуются люди, ищутъ чего-то, добиваются. А здѣсь спокойно стоятъ деревья, ничего не ждутъ, ни о чемъ не беспокоятся. Для нихъ день, какъ вѣкъ, и цѣлыя вѣка почти какъ день. И только онъ одинъ среди этой лѣсной тишины, онъ одинъ съ волнующейся душой, чего-то хочетъ, чего-то добивается. Ахъ, не самобманъ ли все это собственнаго воображенія? Не есть ли это все въ немъ и онъ во всемъ?..

И лѣсъ, и звѣзды, и красное зарево?

Карамовъ потряхнулъ головой.

— Что онъ бредитъ? Неужели такъ извѣщены его нервы, что онъ предается какимъ-то философскимъ размышленіямъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но какъ ни старался Карамовъ взять себя въ руки, непрошенные мысли толпой вихрились въ его головѣ..

Вспомнились послѣднiе, минувшiе годы. Тяжелый путь проповѣдника новой жизни. Тщетныя попытки развѣять тьму народную. Скитанiя, преслѣдованiе полицiей. Часто приходилось утѣдѣться голодному затравленному звѣрю, обложенному сварами злыхъ собакъ.

И, наконецъ, мрачная, сырая тюрьма, въ которой протекали скорбные дни заключеннаго. Ссылка, бѣгство и снова свобода, опять работа для блага дорогой родины.

Личная жизнь была забыта.

Карамовъ ни о себѣ не давалъ знать Аннѣ, ни отъ нея не получалъ вѣстей.

Гдѣ она? Что съ нею?

Иногда бывали минуты, когда мучительно хотѣлось увидѣть любимую. Но прочь плалъ это желанiе. Вѣдь, онъ еще ничего не сдѣлалъ такого, что бы стать великимъ, что бы имѣть право на любовь гордой женщины. Но все же образъ ея, какъ золотой лучъ солнца мерцалъ сквозь темныя тучи жизни. О, неповорный пепельный локонъ, буйно выющiйся надъ розовой раковиной уха! Можетъ быть, теперь цѣлуетъ ее кто-либо другой, нашептывая слова любви.

И сердце Карамова уныненно билось. Въ груди клокоталъ вулканъ страданiй.

И вотъ теперь, въ лѣсу на зеленомъ коврѣ мха, опять овладѣваютъ имъ тѣ же настроенiя. Но нѣтъ. Онъ будетъ твердъ, какъ гранитная скала. Пусть сердце замкнется въ стальную броню, не позволяющую постороннему чувству взять его въ сантиментальный плѣнъ. Онъ—борецъ, и борьба должна быть единственной программой его дѣятельности.

Спрашивалъ себя:

— Что сдѣлано до сихъ поръ?

И много и мало. Много потому, что толща народной тьмы начала давать бреши. Сквозь нее видны золотыя зори, предвѣстницы радостнаго утра. Мало потому, что дѣло подвигается слишкомъ медленно. И по временамъ охватывало сомнѣнiе:

— Хватитъ ли его жизни до конца пути?

Должно хватить!—шлухъ воскликнулъ Карамовъ, поднимаясь съ мѣста.

Въ послѣднiй разъ онъ впиталъ въ себя лѣсную тишь и точно шабразился свѣжихъ силъ отъ прикосновенiя къ землѣ зашагалъ въ ту сторону, въ которую ушелъ Нагорскiй.

Кровавое варево заката все еще полыхало на горизонтѣ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Не успѣли собравшіеся въ корчмѣ выпить по чашкѣ чаю, какъ сюда явился Нагорскій.

— Здравствуйте, товарищи,—произнесъ онъ, пожимая руки присутствующимъ.—Извиняюсь за опозданіе.

Вы одинъ?—спросилъ молодой агитаторъ.—А гдѣ же товарищъ Карамовъ? Не случилось ли съ нимъ несчастье.

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ Нагорскій.—Очевидно, онъ нѣсколько утомился, присѣлъ отдохнуть въ лѣсу и скоро явится сюда.

Завязался общій разговоръ. Въ корчмѣ стало темно. Только блики жарена прешетали на окнахъ золотисто-красными пятнами. Митричъ вышелъ изъ-за буфета, зажегъ керосиновую лампу и завѣсилъ окно.

Нагорскій, подражая въ краснорѣчіи своему учителю доказывалъ, что движеніе разрастается, что волна освободительнаго порыва докапывается до мрачныхъ утесовъ окаменѣлыхъ правды и, конечно, сброситъ ихъ въ море забвенія.

— Близокъ часъ, когда по мановенію нашей руки должно остановиться все. Мы скажемъ рабочимъ станкамъ: «стой», и они замрутъ. Мы прикажемъ десяткамъ тысячъ вагоновъ: «ни съ мѣста» и они остановятся среди лѣсовъ и полей. Мы повелимъ свѣту: «не свѣти». И всѣ города погрузятся во тьму. Вотъ въ чемъ наша сила, товарищи.

— Вѣрно, вѣрно!—восторженно отзывались слушатели. И даже равнодушный ко всему Митричъ внимательно слушалъ оратора, широко открывъ глаза, поглаживая бороду.

Нагорскій продолжалъ:

— Наша прозная армія способна все разметать на пути своемъ. Она будетъ тѣмъ девятымъ валомъ, который вынесетъ Россію на берегъ царства правды, свободы и равенства.

Между тѣмъ, Карамовъ задумчиво шагалъ по лѣсной тропинкѣ. Въ головѣ роились мысли и звучали тѣ огненные слова, которыя онъ сейчасъ произнесетъ предъ ожидающими его людьми. И они разнесутъ ихъ по всѣмъ угламъ необъятной родины. Эти слова, какъ факелы во тьмѣ ночи будутъ освѣщать дорогу заблуждающимся и непонимающимъ.

Когда онъ вышелъ изъ лѣсу туда, гдѣ черта его оканчивалась дорога, издали слышались пронзительные крики:

— Помогите, помогите!

Карамовъ поднялъ голову.

Прямо на него изъ мгли поля неслась тройка, запряженная въ экипажъ. Въ экипажъ сидѣли двѣ женщины въ бѣломъ. Вылетѣвшій съ козелъ кучеръ, не выпуская вожжей, волочился по землѣ, тщетно пытаясь удержать возбѣсившихся лошадей.

Тройка неслась къ оврагу. Еще моментъ и всѣ должны были погибнуть.

Карамовъ въ два прыжка кинулся къ бѣшеннымъ животнымъ и грузно повисъ на поводьяхъ. Лошади приподнялись на дыбы и остановились, какъ вкопанныя.

Одна изъ женщинъ тотчасъ же выскочила изъ экипажа. Другая оставалась сидѣть, уткнувшись головою въ козлы.

Поднявшійся съ земли кучеръ, весь окровавленный, горячо благодарилъ Карамова за спасеніе. Лошадей кто-то напугалъ на большой дорогѣ и онѣ ринулись къ оврагу.

— Если бы не вы, господинъ, не собрать бы намъ своихъ гостей.

Затѣмъ онъ началъ успокаивать лошадей. Карамовъ подошелъ къ экипажу. Замѣтилъ, что молодая женщина была безъ сознания, видимо отъ сильного испуга. Стоявшая рядомъ съ экипажемъ другая женщина, дрожавшая какъ въ лихорадкѣ, обратилась къ нему съ просьбой.

— Господинъ, помогите моей барынѣ. Она лишилась чувствъ.

Карамовъ взялъ на руки больную и понесъ ее по направлению къ корчмѣ, приказавъ служанкѣ слѣдовать за нимъ.

Молодая, изящная женщина покоилась на его сильныхъ рукахъ и онъ даже не чувствовалъ ея тяжести, точно несъ маленькую птичку. Такъ же когда-то онъ носилъ Анну, убаюкивая ее и цѣлуя.

И снова власть воспоминаній захватила Карамова. Развѣ онъ не ощущалъ бы послѣдствій, чтобы вотъ сейчасъ на его рукахъ была любимая, а не посторонняя женщина. У этой такъ же тонкія правильныя черты лица. Одухотворенная красота, воспитанная шѣками праздныхъ людей, въ то время, какъ остальной народъ тнулъ спину въ рабствѣ, шепельные волосы съ вьющимися локонами. Но довольно!..

Войдя въ корчму, Карамовъ обратился къ Мигричу:

— Хозяинъ, дайте мѣсто этой скенцинѣ. Она безъ памяти.

Всѣ присутствующіе во главѣ съ Нагоронимъ засуетились. Быстро сдвинули нѣсколько табуретовъ, хозяинъ притащилъ матрацъ и подушку. Больная была положена на эту импровизированную постель.

— Воды, скорѣй, воды, — распорядился Карамовъ.

Служанка безпомощно опустилась на скамью и сидѣла неподвижная и бѣдная, какъ изваяніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ
П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V.

Очнувшись, молодая женщина открыла глаза и, озирая незнакомую, довольно подозрительную обстановку, спросила:

— Гдѣ я нахожусь?

Карамовъ подошелъ къ ней и вѣжливо отвѣтилъ:

— Вы у людей совсѣмъ не вашего круга, сударыня, но не пугайтесь, ничего дурного съ вами не случится.

Теперь онъ разсмотрѣлъ ее болѣе внимательно. Удивительное сходство съ Анной снова поразило его. А можетъ быть, ему такъ показалось?

— Скажите, что со мною?—Опять заговорила молодая женщина.

— Легкій обморокъ, сударыня. Отъ испуга. Скоро все пройдетъ. И вы можете продолжать вашъ путь. Ваши лошади и экипажъ дѣлы...

— Ахъ, да, припоминаю. Это вы остановили моихъ лошадей на краю обрыва и тѣмъ спасли меня отъ вѣрной гибели?

Карамовъ отвѣтилъ равнодушно:

— Случайно помогъ избѣжать несчастія. Не больше. Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое.

— Но все же вы мой спаситель. Какъ мнѣ благодарить васъ.

— Не стоитъ, сударыня,—очень сухо возразилъ Карамовъ.

И добавилъ, какъ бы съ сожалѣніемъ:

— Собственно мой поступокъ почти противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ.

— Почему же?—заинтересовалась молодая женщина.

— И—врагъ богатыхъ. Отсюда вы можете сдѣлать выводъ.

— Понимаю. Но почему же вы врагъ богатыхъ?

— Ахъ эта тема заведетъ насъ слишкомъ далеко,—почти раздражительно отвѣтилъ Карамовъ,—а у меня совершенно нѣтъ свободнаго времени для отвлеченныхъ разговоровъ. Теперь вамъ моя помощь не нужна. До свиданья, сударыня. Товарищи,—обратился онъ къ присутствующимъ,—идите къ мѣстѣ Андроникова. Я догоню васъ. Здѣсь собрались намъ помѣшанные.

Толпа крестьянъ и рабочихъ вмѣстѣ съ Нагорскимъ вышла изъ корчмы...

Молодая женщина долго разсматривала красивое энергичное лицо Карамова. Затѣмъ сказала умоляющее:

— Спаситель мой, подождите. Скажите мнѣ: кто вы? Я все-таки должна отблагодарить васъ.

— Это лишнее,—сухо отвѣтилъ Карамовъ,—не могу же я отъ васъ принять подачку. Въ этомъ я не нуждаюсь.

— Благодарность никогда не бываетъ лишней,—горячо возразила молодая женщина.—Кромѣ того, благодарность можетъ

выражаться не только въ пожаткахъ,—добавила она...

— Какъ это поучительно,—пожалъ плечами Карамовъ, берясь за шляпу.

— Сядьте,—почти повелительно попросила она.

Противъ своей воли Карамовъ сѣлъ. Лучистый блескъ ея глазъ (дѣйствовалъ какъ гипнозъ. Ахъ, вѣдь, этотъ блескъ такъ напоминаетъ давно знакомое, родное, милое...

— Я васъ слушаю.

— Вы называете себя врагомъ богатыхъ. Я, правда, богатая, но я не считую васъ своимъ врагомъ...

Карамовъ саркастически улыбнулся.

— Еще бы вы считали меня врагомъ. Вѣдь, я ваша спасительница. Кроме того, нельзя забывать, что богатые любятъ покровитель тѣхъ, кто оказываетъ имъ личную услугу. Обычно ихъ не замѣчаютъ.

— Затѣмъ вы говорите дерзости?—воскликнула молодая женщина, любящая Карамовымъ,—лицо наше интеллигентно, у васъ совсѣмъ, совсѣмъ добрые глаза—признакъ прекрасной души. Но развѣ же вы взяли такой злой тонъ. Что я вамъ сдѣлала?

— Ровно ничего, въ частности.

Онъ всталъ и попытался уйти.

Но ея повелительный взглядъ снова приводилъ его къ мѣсту. Она продолжала:

— Несмотря на ваши дерзости я почему-то не сержусь на васъ. Но, конечно, не потому, что вы спасли мою жизнь. О! нѣтъ, повѣрьте. Я смотрю на васъ и чувствую, что у васъ чѣмъ-то сильно поломлена душа и оттого злой осадокъ горечи отражается въ вашихъ словахъ. Но вы, вѣдь, добрый человѣкъ, не правда ли?

— Возможно, сударыня. Но я полагаю, что вамъ пора продолжать вашъ путь...

Карамовъ прибавилъ почти насмѣшливо:

— Врядъ ли эта обстановка удовлетворяетъ вашъ изысканный вкусъ.

Молодая женщина вспыхнула, но видимо сдержала себя и спокойно заговорила:

— Однако, какой у васъ злой языкъ. Но не воображайте, что я огорчаюсь. Разумѣется, я сейчасъ уйду. Прошу васъ только объ одномъ. Отрѣшнитесь отъ предрассудковъ, навѣянныхъ не знаю чѣмъ, снизойдите къ просьбѣ женщины: скажите кто вы? Умоляю васъ.

И она молитвенно протянула къ нему руки. Лучистыя звѣзды ея глазъ впились въ лицо Карамова. О, этотъ блескъ!

Тѣмъ колебаніямъ пробѣжали по чертамъ его лица. Рѣшительно тряхнувъ головою, какъ бы отгоняя постороннее чувство, начинающее овладѣвать имъ, онъ спросилъ:

— Что скажете имя? Пустой звукъ. Дороги наши разные, и конечно, мы никогда больше не встрѣтимся. Имя мое вы забудете завтра, и я вашимъ не хочу интересоваться.

Онъ нервно зашатавъ по шортамъ, шокруывая усы. Затѣмъ началъ говорить изволнованно...

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Голосъ его зазвучалъ прежними металлическими нотами, хотя молодая женщина чувствовала въ немъ надрывъ. Рѣчь Карамова казалась ей не то проповѣдью, не то покаянной угрозой. И она внимательно слушала его, въ то же время не переставая любоваться открытымъ и смѣлымъ лицомъ оратора:

— Скажу вамъ откровенно: моя борьба закалила меня въ ненависти къ богатымъ. Она, какъ огнемъ ада выжгла въ душѣ моей все доброе къ нимъ чувства. И въ сердцѣ моемъ осталась одна жажда мести. О, и жестока будетъ моя месть... Смотрите...

Онъ подошелъ къ окну и отдернулъ занавѣску. Въ корчму заглянуло кровавое зарево, заливающее горизонтъ. Гигантскіе языки огня лизали темную глубину неба.

— Смотрите,—продолжалъ Карамовъ,—вотъ это зарево отъ пылающихъ усадебъ—только первые цвѣты моей мести за угнетеніе народа. А дальше безумный вихрь огня пройдетъ по землѣ и смететъ все нажитое отъ угнетенія. Я призову грозу, все ураганы міра и разрушу цѣпи тьмы, сковавшія свободный духъ народа.

Онъ замолкъ и снова прошелся по корчмѣ.

— Ваша рѣчь ужасна,—заговорила молодая женщина.—Но мнѣ больше нравится сочетаніе словъ, чѣмъ заключенный въ нихъ смыслъ.

— Смыслъ тотъ,—возразилъ Карамовъ,—что земля должна быть выметена начисто отъ мусора вѣковъ, мѣшающаго жить по-человѣчески миллионамъ людей. Паразиты и насильники должны исчезнуть. И весь строй, поддерживающій рабство, долженъ быть уничтоженъ.

— Какъ это смѣло!—воскликнула молодая женщина.—Мнѣ ваша смѣлость нравится. Но хватитъ ли у васъ силъ на этотъ подвигъ?

Она скинула его глубокимъ взглядомъ своихъ лучистыхъ глазъ. На мгновеніе глаза ихъ встрѣтились. И Карамову показалось, что предъ нимъ стоитъ Анна. Но не увѣренная въ его силахъ, а сомнѣвающая, но все же полная сочувствія и нѣжности. Невидимая нить простянулась между ними. Взглядъ ея точно купался въ ея взглядѣ и, купаясь, говорилъ: «ты герой. Я люблю героевъ». И грустный взглядъ Карамова какъ бы сливаясь съ ея взглядомъ, отвѣтилъ: «ахъ ты кароминаешь мнѣ золотой сонъ юности. Я готовъ унестись предъ тобою ницъ»...

Онъ постарался отогнать отъ себя это навѣжденіе и произнесъ совсѣмъ сухо:

— Однако, вамъ пора, сударыня, лечь...

Онъ постарался отогнать отъ себя это навѣжденіе и пропавшую визитную карточку, протянула ее Карамову со словами:

— Возьмите это на память о нашей необычной встрече. Может быть, когданибудь придется встретиться. И знаете, что я не буду для вас врагом.

Карамовъ, не читая, сунул карточку въ карманъ.

— Прощайте!

И она вмѣстѣ съ камеристкой вышла изъ корчмы. Еще разъ взглянула на него, но ничего не сказала...

VII.

Послѣ ея ухода въ душѣ Карамова образовалась какая-то пустота, точно пришелъ кто большой и сильный и вынулъ ея прежнее содержаніе.

Онъ присѣлъ около стола и опустилъ голову на ладони рукъ. Гримасы страданія бороздили черты его лица.

— Что со мною?—спрашивалъ онъ самъ себя.—Во мнѣ какъ будто шевелится червь раскаянія за нелюбезность съ этой дамой?... Ея глаза сверлятъ мой мозгъ милліонами горящихъ стрѣлъ. А очертаніе лица ея, напоминая прошлое, сжимаетъ сердце сладкой болью... Что такое?

Онъ порывисто сорвался съ мѣста и снова нервно за шагаль по корчмѣ.

Чортъ возьми, Карамовъ! Ты ли это, холодный и уравновѣженный? Ты ли, забывшій о личной жизни, ты ли, идущій на подвигъ большой и смѣлый? Удобный моментъ нашелъ для сантиментальныхъ трезвѣ!

Онъ вынулъ визитную карточку молодой женщины и прочиталъ:

— Княгиня Лидія Борисовна Наумовская.

Карамовъ въ ужасѣ воскликнулъ:

— Проклятая иронія судьбы! Я спасъ жену врага всего народа и чуть ли къ ней равнодушенъ... Точно молнія, сверкнувшая и внезапно спалила крылья и надвое расколола мою волю. Влилась какая-то отравѣ въ сердце и тысяча невѣдомыхъ доселѣ струнъ вдругъ зазвенѣли въ разладѣ съ моимъ разсудкомъ. О, ужасъ.

Онъ подошелъ къ окну и залюбовался все еще продолжающимъ полыхать заревомъ.

Думалъ:

— Вотъ мой разсудокъ говоритъ мнѣ: пылайте въ красномъ пламени цвѣтущіе уюты всѣхъ угнетателей народа. И пусть въ нѣбеса, какъ дымъ, летятъ ваши сокровища. Но, ахъ, зачѣмъ же загорается въ моей душѣ другой пожаръ? Зачѣмъ же черная змѣя сомнѣнія вползаетъ въ грудь, нашептываетъ мнѣ слова о томъ, что мой разсудокъ не правъ? Но нѣтъ онъ не будетъ малодушнымъ. Прочь тлупости. Онъ—мечъ въ рукахъ народа и долженъ высоко держать знамя возстанія.

Пусть лешомъ забвенія покроется его мимолетное чувство. Личной жизни у вождей не должно быть. Да, это такъ.

Въ это время дверь корчмы отворилась. Просунулась голова странника. Вслѣдъ за нимъ вошли два чужаки.

Странникъ указывая на Карамова торжественно заговорилъ:

— Вотъ этотъ человѣкъ и есть первѣйшій смутьянъ... Измите плевель изъ пшеницы.—такъ сказано въ писаніи...

Карамовъ насторожился...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Въ головѣ его промелькнула тревожная мысль: «неужели меня выдали?» Но тутъ же успокоилъ себя: «все равно, взять его не удастся. Онъ достаточно хорошо вооруженъ, чтобы справиться съ двумя стражниками. Не изъ такихъ опасностей онъ выходитъ цѣлымъ и невредимымъ. Теперь же, когда такъ нужна его личная работа, онъ долженъ быть свободнымъ. Да, такъ и будетъ!».

Одинъ изъ стражниковъ обратился къ Карамову съ грубымъ вопросомъ:

— Ты что за человѣкъ?

Въ тонѣ его голоса звучали ноты власти имущаго человѣка.

— Зачѣмъ вамъ нужно знать это?— возразилъ Карамовъ, сердито сверкнувъ глазами. Отъ этого взгляда стражникъ какъ-то опѣшилъ, очевидно, подумавъ: «Можетъ быть, предо мной важная птица».

Онъ сбавилъ тонъ и, указывая на монаха, протворилъ:

— Вотъ этотъ человѣкъ заявляетъ, что ты народъ мутный.

— Такъ,—произнесъ Карамовъ.—Позвольте вамъ задать одинъ вопросъ: вы изъ чего будете? Конечно, изъ крестьянъ?

— Такъ точно изъ крестьянъ,—отвѣтилъ стражникъ.

— Для чего вы сюда присланы?

— Такъ что для безпорядку.

Карамовъ усмѣхнулся:

— Совершенно вѣрно: для безпорядка. И я вполне увѣренъ въ томъ, что не будь васъ, безпорядковъ не произошло бы.

Карамовъ снова широко сверкнулъ глазами и повысивъ голосъ продолжалъ:

— Какъ вамъ, господа, не стыдно. Вы изъ тѣхъ же крестьянъ, но идете съ пистолетами и ружьями на своихъ братьевъ. Неужели ваша совѣсть спитъ и краска стыда не заливаетъ вашихъ лицъ? Кому вы служите? Богу? Чорту?

Стражникъ смущенно отвѣтилъ:

— Мы служимъ его императорскому величеству государю императору.

— А вы знаете, что такое царь?

— Такъ точно, знаю. Царь есть помазанникъ Божій.

— Нѣтъ, онъ не помазанникъ Божій,—возразилъ Карамовъ.— Онъ кровавый палачъ своихъ подданныхъ. Онъ большой помѣ-

идишь ли повелитель рабовъ. Онъ насильникъ и угнетатель. Не можетъ быть помазанникомъ Божиимъ тотъ, кто съ перваго дня своего царствования купается въ крови. Поймите это. И если въ васъ еще не угасла искра совѣсти, откажитесь отъ вашей гнусной обязанности быть оружіемъ въ рукахъ кроваваго тирана. За кровь невинныхъ вамъ придется жестоко расплачиваться...

Тутъ Карамовъ перебилъ странника. Обращаясь къ стражнику онъ сказалъ:

— Ты, служивый, напрасно слушаешь рѣчи бунтовщика... Бери его безъ разговоровъ и возьми къ начальству.

Загипнотизированный было словами Карамова, стражникъ, какъ бы спохватившись, сказалъ властно:

— Такъ что мы должны представить тебя для выясненія личности. Пожалуйста.

И онъ, сделавъ шагъ по направленію къ Карамову.

— Прочь! — презно крикнулъ Карамовъ, выхватывая револьверъ. — Разступитесь опричники, не заслоняйте отъ меня фигуры подлаго доносчика. Я долженъ пристрѣлать его, какъ собаку.

Стражники, не ожидая такого оборота, испуганно шарахнулись къ дверямъ.

Въ коридорѣ крикнулъ выстрѣлъ...

Монахъ со страху упалъ на полъ. Пуля пролетѣла мимо. Пользуясь замешательствомъ, Карамовъ выпрыгнулъ въ окно и быстро скрылся во тьмѣ полей...

Изъ коридора донеслись крики, свистки, визгъ монаха, но было уже поздно.

Карамовъ успѣлъ не только замедлить шагъ. Узенькая дорожка, еле замѣтной сѣрой змѣйкой вилась подъ ногами. Сквозь темный узоръ перепутавшихся вѣтокъ виднѣлись крохотныя глазки серебристыхъ звѣздочекъ, пригорюнившихся разбросанныхъ по темно-синему плащу неба. И снова тѣсная липина охватила душу Карамова. Онъ опустился на мягкій коверъ мха и задумался.

Теперь мысли его вращались около начатаго имъ дѣла возстанія. Крестьяне охотно слушаютъ его проповѣди, во всемъ съ нимъ соглашаются. Но трусость, воспитанная вѣками рабства, еще не даетъ размаха для широкаго крестьянскаго движенія. Близъ стражниковъ и свистъ казацкихъ ногатокъ все еще пугаютъ народъ и мѣшаетъ ему встать какъ одинъ человѣкъ на защиту своихъ правъ.

Кое-гдѣ, какъ оазисъ среди безмолвной пустыни, вспыхиваютъ бунты. Но плохо организованная масса быстро сдвигаетъ свои позиціи болѣе дисциплинированнымъ и хорошо вооруженнымъ царскимъ слугамъ. И рабы бьютъ рабовъ, поддерживая мощь кроваваго трона.

Но, какъ слѣпой фанатикъ, Карамовъ вѣрилъ, что свѣтъ все же остается свѣтомъ, хотя слѣпые и не видятъ его. Будетъ день, когда все поймутъ, что болѣе жить такъ нельзя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА X.

— Миръ и благодать отъ Господа да почиетъ на васъ сильныя мира сего,—почти нараспѣвъ произнесъ вошедшій въ кабинетъ старецъ, отвѣщая сановникамъ низкіе поклоны.—Привѣствукъ васъ, милаки, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Одѣтъ былъ старецъ въ суконную подевку, смазные салюти и рѣзовую рубашку, подпоясанную краснымъ поясомъ.

—Здравствуй, отецъ честной. Садись,—указалъ князь Науломскій на кресло.

— Недостойнъ быдо я сидѣть въ такомъ высокомъ обществѣ,—промолвилъ старецъ, но все же сѣлъ и даже положилъ ногу на ногу. Затѣмъ расправилъ бороду и, помолчавъ немного, глубокомысленно началъ изрекать:

— Все преходяще въ жизни сей, все суета суеть, какъ сказано въ писаніи.

Сановники смотрѣли на него, точно на невиданную диковину. Слушали, стараясь не проронить ни одного слова, выходящаго изъ устъ «прозорливца».

— Былъ мнѣ знакъ,—продолжалъ онъ.—И я почувствовалъ, что вы угнетены. Бѣса ваши души мутить.

Старецъ ударилъ по столу волосатымъ своимъ кулакомъ.

— А бѣса слушать не надо. Да...

Князь Науломскій сочувственно кивнулъ головою. Его примѣру последовалъ оба сановника.

— Я пришелъ къ вамъ и все будетъ по хорошему, по честному. Вамъ, милаки, не слѣдъ печаловаться.

Старецъ уперся своимъ свинцовымъ взглядомъ въ лицо князя Науломскаго.

— А тебѣ, князь, стоитъ повелѣть и все будетъ по твоему. Слушай меня.

— Скажи намъ, отецъ честной,—обратился графъ Билинскій съ старцу,—ты часто бываешь въ народѣ?

— Я выросъ съ народушкомъ.

— Чего желаетъ народъ?

Старецъ снова расправилъ бороду.

— О народушкѣ помыслить надо,—уклонился отъ прямого отвѣта Григорій,—перво на перво онъ знаетъ и вѣрять, что власть надъ нимъ поставлена отъ Бога... Онъ покорный, народушко то...

— А затѣмъ же онъ бунтуетъ?—спросилъ суровый князь Мышкинъ, хмурия сѣдую бровь.

— Смутьяны ходятъ въ народѣ. Черту душу продали. Вотъ отъ нихъ вся пакость. Наказать ихъ надо, наказать. Вотъ тогда и стянуть грѣхъ нечестивыхъ,—даже взвизгнувъ Григорій и шипя ударилъ кулакомъ по столу, точно гвоздь гонзилъ.

— Значитъ, надо усилить кару?—спросилъ князь Мышкинъ, хватаясь за извѣстную свою мысль, какъ бы чувствуя поддержку прозорливца.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

— Вѣстихо, розги учать уму-разуму, — съ апломбомъ отозвался тотъ. — Зубы гриппника сокрушу, такъ сказано въ писаніи... Наказаніе бываетъ полезно.

— А если мы дадимъ народу то, что онъ проситъ, — поставилъ вопросъ графъ Билпскій.

— Не время, графъ, не время. Не дѣлось народушко. Глушь еще. Сѣрь.

Не найдши опоры въ старца, графъ поморщился отъ его фамиллярности и постарался перевести разговоръ на другую тему.

— Скажи кто же мучитъ народъ?

— Волки въ овечьей шкурѣ, вотъ кто, — отвѣтилъ старецъ. Эти люди говорятъ, что Бога нѣтъ, что властямъ не слѣдуетъ повиноваться.

— Намедни одинъ такой гусь, — продолжалъ старецъ, — чуть не убилъ меня изъ револьвера. Но милосердный Господь не допустилъ меня погибнуть отъ руки злодѣя. Видно, жизнь моя еще нужна для Россіи. Да.

Григорій обратился къ Наумовскому:

— Ты бы, князь, насчетъ чаю распорядился.

Когда чай былъ поданъ, Григорій взялъ стаканъ и, обжигаясь, сталъ жадно пить, причмокивая и потѣя.

Сановники почтительно смотрѣли на старца. Они знали, что явился онъ не просто и ждали отъ него большихъ новостей и даже откровеній. Въ придворныхъ кругахъ Григорій входилъ въ моду. Его часто можно было встрѣчать въ салонахъ великосвѣтскихъ дамъ. Къ нему благоволила даже сама царица. Вплоть до нѣкоторой степени, что сановники предъ нимъ заискивали. Блестящая глупь, окруженная трою, желая быть замѣченной кѣмъ нужно, разносила славу Григорію какъ прозорливца, предсказателя и цѣлителя. Его безсвязный бредъ почитался за верхъ мистицизма, свойственный только избраннымъ натурамъ. Въ полунестерической средѣ онъ дѣйствовалъ какъ чудесникъ, чудесно излѣчивая простыми прикосновеніемъ, вливая бальзамъ успокоенія въ омятенныя души, казалось бы самыхъ могущественныхъ на видъ властелиновъ земли русской. Ходили слухи о его «банныхъ радѣніяхъ» съ дамами и неупотребствѣхъ, но близость его ко двору заглушала голоса самыхъ строгихъ ригористовъ. Изъ устъ въ уста передавалось общепринятое мнѣніе, что цари скорѣ пойдутъ противъ всей страны, но старца не дадутъ въ обиду. Скорѣ повѣсятъ вѣрныхъ слугъ родины, но прозорливца не унизятъ. Пользуясь своимъ положеніемъ фаворита хитрый тюменскій воръ гнулъ свою линію. Вначалѣ онъ заискивалъ и лебезилъ передъ сановниками, а затѣмъ, когда вошелъ въ силу и хоръ развратно-истеричныхъ салонныхъ дамъ провозгласилъ его «Богомъ-Савасомъ» — игралъ министрами, какъ пѣшками.

Кончивъ чаепитіе, старецъ опрокинулъ на блюдце стаканъ и, сдѣлавъ таинственное лицо, заговорилъ:

— Ну, теперь, милости, скажу вамъ новость. Слушайте. Сановники насторожились.

— Былъ я сегодня у папы и мамы...

Такъ Григорій называлъ царя и царицу.

— И былъ у насъ совѣтъ насчетъ всего.

— Расскажите отецъ Григорій, расскажите...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Князь Наулоскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ большой задумчивости, курия сигару.

Лучи заходящаго солнца золотили купола церквей, видные черезъ большія окна, и блѣдно-пурпуровыми полосами проникали въ кабинетъ.

Князь былъ очень разстроенъ. Только сегодня онъ получилъ сообщеніе о разгромѣ его имѣнія. Свѣдѣнія о начавшемся аграрномъ движеніи среди крестьянъ доносились, какъ раскаты грозы отовсюду. Въ столицахъ слухи, конечно, преувеличивались до чудовищныхъ размѣровъ.

Говорили о поголовномъ избіеніи помѣщиковъ, о неповиновеніи властямъ и прочихъ ужасахъ, которыхъ еще не было.

Тревога проникала въ сердце князя, взысканнаго милостями царя за свою реакціонность и преданность самодержавію. Черныя сомнѣнія, какъ вѣщія птицы, витали вокругъ, трепетали крыльями жуткихъ разсказовъ и какъ бы пророчили темное будущее.

Поддавшись чувству отчаянія, князь смотрѣлъ на лучи заходящаго солнца и думалъ:

— Быть можетъ, эти лучи послѣдніе въ нашей властной жизни. Они погаснутъ и пропадетъ какъ дымъ наша вѣковая власть надъ народомъ, тогда конецъ всему.

Онъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по кабинету. Началъ успокаивать себя: нѣтъ, тому не быть. Не нужно предаваться мрачнымъ размышленіямъ. Вѣдь, еще не пробилъ часъ отчаянія. Нельзя же сломить въ одно мгновеніе то, что создавалось долгими годами. Брененосецъ нашей власти немало видѣлъ бурь, но съ честью выходилъ изъ тяжкихъ испытаній. Прочь уныніе.

Въ кабинетъ вошелъ камердинеръ и подалъ новую телеграмму.

— Имѣніе сожжено. Едва избѣжала смерти. Лидія.

Онъ снова задумался.

— Да, дѣло принимаетъ скверный оборотъ... Бѣдная Лидія, на такъ любила наше имѣніе... Но чортъ возьми. Надо же принимать мѣры. Кругомъ царитъ анархія, а мы сидимъ сложа руки и смотримъ на безумство черни. Конечно, отъ этого дѣла успокоенія не наступитъ.

Опять вошелъ камердинеръ и доложилъ:

— Князь Мышкинъ и графъ Билинскій.

— Проси,—сказалъ Наулоскій.

Вошли два вышешенныхъ сановника.

— Привѣтствую васъ господа—протянулъ руки вошедшимъ князь.

— И братья по несчастью,—добавилъ, улыбаясь, графъ Билинскій.

— Какъ такъ?

— Очень просто, мое и князя имѣнія тоже разгромлены.

— Конечно, это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что происхо-

дить въ данное время,—важно промолвилъ князь Мышкинъ, опускаясь въ кресло.—А происходить возмутительныя вещи.

Онъ поставилъ на полъ свой блестящій цилиндръ и бросилъ въ него бѣлыя свои перчатки.

— Что же, господа, дѣлать?—спросилъ князь Наумовскій.— Движеніе растетъ. Оно съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе грандіозныя размѣры. Разумѣется, начавшійся пожаръ, необходимо потушить теперь же, иначе будетъ поздно. Но какъ? Скажите, господа.

— Репрессіи усилить,—авторитетно заявилъ князь Мышкинъ.— Нашъ народъ повинуется только палкѣ. Это средство было дѣйствительно во все вѣка. Поменьше нѣжностей съ народомъ, побольше казней, ссылокъ, тюремъ. Все это, какъ холодный душъ, отрезвить бунтовщиковъ и сдѣлаетъ ихъ покорными нашей волѣ. Вотъ мое искреннее мнѣніе...

Князь Наумовскій возразилъ:

— А не старо ли это, мой князь? Вы знаете, что палка имѣетъ два конца? Не можетъ ли одинъ конецъ ее упасть на насъ? И то сказать, что было пригодно въ прошломъ, теперь врядъ ли будетъ приемлемо. Можетъ быть, пока мы эту точку зрѣнія отбросимъ? Что скажете вы, графъ?

Графъ Билинскій ловко вставилъ монокль въ глазъ. Лицо его приняло каменное выраженіе. И нельзя было понять шутить онъ или говорить серьезно.

— Чтобы лѣчить болѣзнь, именуемую аграрнымъ движеніемъ,—началъ онъ,—необходимо, господа, знать ея причины. Что требуетъ народъ? Земли. Почему? Потому что земли у него слишкомъ ограниченное количество. «Куренка, скажемъ, и того некуда выпустить»,—какъ писалъ Толстой. Чѣмъ боленъ народъ? Рабствомъ и отсутствіемъ матеріальныхъ благъ. Отсюда выводъ: народу надлежитъ дать земли и уравнять его въ правахъ.

— Ну, это не лѣкарство, графъ,—перебилъ сановника князь Наумовскій.—Такое ваше средство очень рискованно.

— Простите, графъ,—недовольно замѣтилъ князь Мышкинъ,—вы рассуждаете, какъ социалистъ. Вы, конечно, шутите.

Коварная улыбка промелькнула по каменному лицу графа Билинскаго.

— Простите меня, господа,—продолжалъ онъ,—прежде, чѣмъ критиковать мой взглядъ, мнѣ кажется, надлежитъ выслушать выводъ изъ моихъ предложеній. Я думаю, что когда огонь охватываетъ какое-либо жилище зданіе, не время говорить и спорить о томъ, кому принадлежитъ это зданіе. Необходимо всѣхъ призвать къ работѣ и поскорѣй локализовать стихію. Когда огонь прекратится—тогда владѣлецъ зданія самъ найдется.

— Туманно, графъ, очень туманно,—скептически произнесъ князь Наумовскій.

— Мысль моя, господа, сводится къ тому,—продолжалъ графъ.—Надлежитъ пообѣщать. Отъ обѣщаній мы не убудемъ. Народъ же охотно вѣритъ обѣщаніямъ. Но, вѣдь, обѣщать—не значитъ исполнить. Согласны? Другого выхода изъ создавшагося положенія пока не существуетъ. Пока власть еще въ нашихъ рукахъ, нельзя, даже преступно, не примѣнить мой планъ...

Въ это время вошелъ камердинеръ.

— Старецъ Григорій хочетъ видѣть князя.

— Прозорливецъ,—въ одинъ голосъ воскликнули князь Мышкинъ и графъ Билинскій.—Интересно, что онъ скажетъ...

— Прости,—продолжалъ Наумовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крובהавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА XI.

— Вы тутъ сидите да размышляете, какъ горю помочь,—началь старецъ.—наша и мама намереніи тоже замечались. Дѣло то сурьезноз. Папа совсѣмъ голову потерялъ. Но мама—женщина умная, сейчасъ ко мнѣ: «Какъ ты думаешь, Григорій, если мы попросимъ ерманскаго царя помочь намъ?...

— Ну, ну?—заинтересованно векинули брови сановники. У графа Билинскаго даже монокль выскочилъ изъ глаза. Онъ снова быстро вставилъ его въ глазъ и лицо его опять приняло каменное выраженіе какъ у идола.

— Тутъ я имъ подалъ совѣтъ добрый,—продолжалъ старецъ.—Я говорю царя ерманскаго пока трогать не слѣдъ. Онъ, молъ, намъ потомъ пригодится. Да... Перво на перво, говорю, нужно противъ бунтовщиковъ направить казаковъ, съ нагайками. А вторыхъ, устроить войну...

— Войну?—удивился князь Наулоскій, перебивая рѣчь старца,—но съ кѣмъ же?

Григорій хитро прищурился.

— Вотъ то то, милаки, съ кѣмъ. Вы не знаете, а Григорій знаетъ. Онъ все знаетъ... Къ примѣру сказать, войну нужно начать съ желторылымъ япошкой.

— Но позвольте,—возразилъ графъ Билинскій,—у насъ съ Японіей самыя лучшія отношенія. Никакихъ недоразумѣній нѣтъ. Какъ же такъ ни съ того, ни съ сего начинать войну. Кромѣ того, самъ царь еще недавно призывалъ Европу ко всеобщему миру. Тамъ-то образомъ выходить, что онъ явится первымъ нарушителемъ своихъ благородныхъ порывовъ?

— Эхъ, графикъ, графикъ,—укоризненно покачалъ головою старецъ.—Мало, видно, ты смыслишь въ этомъ дѣлѣ. Мы такъ все обстригаемъ, что будетъ похоже на то, что на насъ нападаютъ, а мы должны защищаться.

— Но какъ это сдѣлать?

— Есть рѣка Яла...

— Знаю. На нашей восточно-сибирской границѣ: Ну и что же?

— А то, что на этой на рѣкѣ орудуютъ Абаза и Алексѣевъ. Вотъ съ нихъ и будетъ заковыка... Эге...

— Ничего не понимаю,—развелъ руками графъ Билинскій:

— Ну такъ сейчасъ поймешь. Япошки на эту рѣку тоже зарятся. Вотъ ихъ нужно раздражить. Понялъ?

— И паря съ этимъ планомъ согласился?—спросилъ молчаливый доселѣ князь Мышкинъ.—Неужели?

— Да—отвѣтилъ Григорій.

Затѣмъ онъ подвѣлъ къверху указательный палецъ и предостерегъ.

— Но вы у меня смотрите: что бы ни было...

(Продолженіе слѣдуетъ):

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА XI.

Григорій поднялся съ мѣста.

— Ну, прощайте,—сказалъ онъ, поочередно пожимая руки сановникамъ.—Мотрите,—снова предупредилъ онъ—пока, значить, молчокъ... Сейчасъ поѣду къ Вите. Съ нимъ у меня должна быть важная бесѣда...

И застегнувъ свою подевку на всѣ крючки, онъ вышелъ из кабинета, подпрыгивая и вихляясь, словно танцующій козель.

— Н-да,—задумчиво произнесъ послѣ ухода старца князь Наулоскій—мужикъ сѣрь, да умъ у него, какъ говорилъ писатель Лѣсковъ, не чертъ съѣлъ. Недаромъ мнѣ сообщилъ о немъ Сергѣй Юльевичъ много интереснаго.

— Что же именно?—поинтересовался князь Мышкинъ.

— Это, говорить, сила стихійная. Личность боговдохновенная. Доти до царя и приблизиться къ нему не каждый сумѣетъ. Тутъ потребны титаническія способности. Къ его, говорить, словамъ надлежитъ сугубо прислушиваться. А, вѣдь, Сергѣй Юльевичъ человекъ проницательный. И если онъ такъ говоритъ о старцѣ, то, значить, дѣйствительно, старецъ заслуживаетъ вниманія.

— По моему онъ просто пройдоха,—скептически замѣтилъ графъ Билинскій. И помолчавъ немного, оправилъ монокль, заговорилъ:

— Но все же съ его мнѣніемъ я согласенъ. Въ немногихъ словахъ онъ проникъ въ самую суть государственной мудрости. Если все сойдемъ благополучно, нашъ монархъ долженъ быть ему благодарнымъ. Согласитесь, господа, что его мнѣніе имѣетъ свой безпорный резонъ. Народъ требуетъ реформъ, и преобразованій. Крестьянство волнуется, объятае каждой земли и раздѣла помещичьихъ эконсмій. Какъ быть? Если дать реформы—рухнетъ идея самодержавія. Надѣлать землею крестьянъ—будетъ обиженъ господствующій классъ. Такимъ образомъ, единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія является война. Она задержитъ всѣ возжелѣнія и отвлечетъ народъ въ сторону отъ его, скажу даже, законныхъ требованій. Война, несомнѣнно, кончится благоприятно для насъ. Ну, что представляетъ изъ себя Японія. Это ничтожная моська, которую нашъ слонъ раздавитъ однимъ движеніемъ хобота. Война, конечно, будетъ побѣдоносной и это надолго задержитъ народное движеніе. Итакъ, господа, мнѣніе старца надлежитъ поддерживать всемѣрно.

— Итакъ, война?—спросилъ князь Наулоскій.

— Война, война!—отозвались князь Мышкинъ и графъ Билинскій.

Ахъ, эти люди, съ холодными сердцами карьеристовъ, привыкшіе смотрѣть на страну какъ на источникъ обильныхъ доходовъ и удовольствій, а на народъ—какъ на безотвѣтныхъ рабовъ. Они не подозревали въ какую бездну ужаса ввергнетъ война Россію, какъ опозоритъ въ глазахъ всего міра. Они безъ зазрѣнія совѣсти, съ холодной гримасой вадменности могли послать на убой сотни тысячъ простыхъ людей. Для нихъ ничего не значили чужія страданія, кровь и слезы, голодъ и разореніе семей. Но кровь и слезы не проходятъ даромъ никому. Чаша мірового страданія, переполнившись, выливается на головы тѣхъ, кто эти страданія вызываетъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жррбавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА XII.

Тяжелый плащъ дупной лѣтней ночи повисъ надъ широкими просторами полей. По небу стремительно бѣжали разорванные клочки облаковъ. Они казалось, безпорядочной толпой уносились вверхъ, возвращались вновь и смыкались въ темныя тучи, предвѣщая грозу. Время отъ времени на горизонтѣ серебряно-матовымъ свѣтомъ вспыхивали зарницы. И тогда на мгновенье открывались дали полей, окаймленные чернымъ бордюромъ окрестныхъ лѣсовъ. Гдѣ то очень далеко слабыми вспышками мигало зарево, точно забытый костеръ въ степи.

— Въ поляхъ было тихо и безлюдно.

Только одинокая фигура въ крестьянской рубахѣ и черной широкополой шляпѣ маячила въ мракѣ. Это былъ инженеръ Карамовъ, сильно пробиравшійся къ опушкѣ лѣса. Обычно, отъ совершалъ свои путешествія по ночамъ, чтобы не попасть на глаза полицейскимъ въцѣкамъ, въ изобиліи присланнымъ царскимъ правительствомъ въ районы, охваченные аграрнымъ движеніемъ. Пребываніе Карамова въ этихъ мѣстахъ было выслѣжено. За нимъ гонялись по цѣтамъ, какъ за краснымъ звѣремъ. Но онъ всегда ловко ускользалъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Шпики рвали и мезали, производили безчисленные аресты невинныхъ, но Карамова поймать не могли.

Приблизясь къ опушкѣ онъ тихо свистнулъ. Въ отвѣтъ изъ-за деревьевъ раздался такой же свистъ и вскорѣ на опушкѣ показалась фигура человека.

— Это вы, товарищъ, Вадимъ?

— Я, товарищъ, — отозвался Карамовъ, — Всѣ въ сборѣ?

— Въ лѣсушка набралось человекъ сорокъ. Ждутъ васъ. Идемте.

По узенькой тропинкѣ, едва замѣтно выходящей между деревьями, они двинулись въ глубокую тишину и мракъ лѣса.

— Все благополучно, товарищъ? — спросилъ Карамовъ.

— Вполнѣ. Нами приняты всѣ мѣры предосторожности — начать докладывать спутникъ. — На опушкахъ выставлены дозоры. Чуть что — дадутъ знать. Человѣкъ двадцать нашихъ вооружены револьверами. У товарища Нагорскаго имѣется даже бомба... За эти дни крестьяне разгромили еще три экономіи. Скоро движеніе охватитъ весь районъ. Помѣщики бѣгутъ, бросая свои хозяйства на произволъ судьбы. Вообще дѣло налаживается успешно.

— Я слышала, — замѣтила Карамовъ, — что при разгромѣ имѣній князя Наумовскаго, крестьяне вели себя дурно.

— Да, — согласился спутникъ. — Былъ взломанъ винный погребъ и многіе перебившись безобразничали. Убивали скотъ и грабили все, что попадало подъ руку.

— Очень, очень скверно, — произнесъ инженеръ съ прустью. Онъ зналъ, что подобныя дѣянія пьяныхъ крестьянъ дискредитируютъ все движеніе. Между тѣмъ, оно должно быть чистымъ, какъ кристалль. Только при такомъ условіи можно рассчитывать на успѣхъ. Ахъ, пьянство всегда губило и будетъ губить русскаго человѣка — думалъ Карамовъ. — Старый противившій строй самодержавія, произвола и насилія держится на темнотѣ, невежествѣ и народномъ шьянствѣ. Правители страны это прекрасно учитываютъ и заливаетъ Россію водкой, вмѣсто просвѣщенія всаждая кабаки. Хотя поны, эти агенты самодержавія и произносятся по праздникамъ проповѣди противъ пьянства, но само правительство палецъ о палецъ не ударитъ для его искорененія. Это для него не выгодно.

Карамовъ былъ вполнѣ увѣренъ, что если народъ сумеетъ освободиться отъ властныхъ чаръ «зеленаго змія», то царству Николая и его сатраповъ наступитъ неизбѣжно гибельный конецъ.

— Вотъ мы и пришли, — произнесъ спутникъ инженера. Они подошли къ маленькой избушкѣ дѣсянка, темнымъ силуэтомъ вырисовывающейся за деревьями. Окна были завѣшаны. Изнутри доносился сдержанный шумъ многихъ голосовъ. Нѣсколько человѣкъ сидѣло на крылечкѣ, очевидно за неимѣніемъ мѣста въ избушкѣ.

— Здравствуйте, товарищи, — поздоровался Карамовъ и открылъ двери...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хробабый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Трепетный свѣтъ ночника тускло освѣщалъ внутренность лѣсной сторожки—тѣсной прокопченной комнаты и собравшуются здѣсь толпу молодыхъ и пожилыхъ крестьянъ.

По временамъ красноватое пламя ночника вспыхивало болѣе ярко и тогда изъ полумрака, точно вырывались лохматые головы, взлохоченныя бороды, волосатые груди, видѣющіеся изъ разстегнутыхъ воротовъ и мускулистые руки землеробовъ. Собравшіеся располагались на лавкахъ, на подоконникахъ, сидѣли на полу, обхвативъ руками колѣни ногъ, обутыхъ въ лапти.

Въ переднемъ углу, за столомъ, около горящаго ночника сидѣлъ Нагорскій. По внѣшности онъ ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ. Густо заросшій буйной растительностью борода, одѣтый въ пестрядинную крестьянскую рубаху, опрубѣвшій и загорѣвшій, онъ производилъ впечатлѣніе крѣпкаго мужика-пахаря, весь свой вѣкъ бродящаго за сохой. И только пенсне на носу выдавало его принадлежность къ интеллигентному классу.

При появленіи Карамова собравшіеся привѣтствовали его радостными возгласами. Въ мѣстахъ, охваченныхъ аграрнымъ движеніемъ, инженеръ пользовался огромной популярностью. Одно его появленіе ободряло крестьянъ, вливая въ сердца ихъ бодрость и вѣру въ успѣхъ задуманнаго дѣла. Въ свою очередь и полиція снѣжно мобилизовала все свои силы для уловленія опаснаго агитатора.

Карамовъ сѣлъ рядомъ съ Нагорскимъ, положивъ на столъ широкополую свою шляпу. Онъ замѣтно постарѣлъ. Въ усахъ появились серебряныя нити сѣдины. Но взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ попрежнему былъ полонъ огня и рѣшимости. И только складка на лбу говорила о пережитыхъ невзгодахъ и о какой-то затаенной думѣ.

— Вотъ я и опять съ вами товарищи,—заговорилъ Карамовъ.—Я пришелъ сказать вамъ, что время словъ проходить. Впередѣ большая—отвѣтственная работа. Намъ нужно дѣйствовать... Но наши дѣйствія...—Тутъ голосъ Карамова зазвучалъ упрекомъ:—Должны выражаться не въ тѣхъ разнузданныхъ неслухахъ, которые имѣли мѣсто во время разгромовъ нѣкоторыхъ экономій.

— Это провокаторы работали — замѣтилъ высокій чернобородый крестьянинъ, съ густо нависшими бровями. Онъ точно оправдывался—нашъ братъ мужикъ темень еще и падохъ до водки.

— Между тѣмъ, намъ надлежитъ заниматься не потрохами,—продолжалъ Карамовъ,—а сливаться въ тѣсныя организаціи. И только тогда, когда мы сорганизуемся—можемъ продиктовать нашу волю. Только тогда земля можетъ перейти въ руки трудящихся. И падутъ произволъ и насиліе.

Карамовъ началъ было подробно развивать свой планъ на социальное устройство жизни будущаго, но въ это время въ лѣсу раздался тревожный свистъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крѣпавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Всѣ насторожились.

Вскорѣ дверь сторожки растворилась и на порогѣ ея появился блѣдный взволнованный крестьянинъ, очевидно, изъ тѣхъ дозорныхъ, что были разставлены на опушкѣ лѣса.

— Товарищи, — торопливо заговаривалъ онъ, — сюда ѣдутъ казаки... Лѣсъ окруженъ: Спасайтесь...

Находящіеся въ сторожкѣ, за исключеніемъ Карамова и Нагорскаго, вскочили со своихъ мѣстъ. Поднялась суматоха. Нѣсколько чезовѣкъ, наиболѣе трусливыхъ, направились къ выходу.

— Насъ предали! Къ оружію, товарищи! — крикнулъ Нагорскій. Въ рукахъ его блеснулъ стволъ револьвера и появился увелокъ съ бомбой.

Видя суматоху, Карамовъ спокойно обратился къ присутствующимъ:

— Товарищи, прежде всего, сохраняйте порядокъ. Бояться нечего. Когда-нибудь намъ придется же встрѣтиться лицомъ къ лицу съ царскими опричниками. Мы докажемъ, что можемъ не только говорить, но и дѣйствовать. Пусть вооруженные выйдутъ впередъ. И если имъ придется умереть, то смерть ихъ зачтется какъ жертва за свободу.

Эти слова вождя подѣйствовали успокоительно.

Оставшіеся въ сторожкѣ спокойно по одному началъ выходить наружу. Здѣсь уже собрались разрозненные кучки, чутко прислушивающіяся къ далекому стуку лошадиныхъ копытъ и хрусту ломаемыхъ сучьевъ.

— Тихо, — скомандовалъ Карамовъ. — Погибнемъ, но не сдадимся. За мной.

И толпа крестьянъ имъ предводительствуемая начала отступать въ глубину лѣса.

Нагорскій осторожно держа въ одной рукѣ свертокъ съ бомбой полѣзъ на дерево.

— Это зачѣмъ? — спросилъ Карамовъ.

— Хочу какъ слѣдуетъ угостить тѣхъ, кто намъ мѣшаетъ, — отвѣтилъ вѣрный ученикъ.

Все стихло.

Къ сторожкѣ приближался отрядъ вооруженныхъ казаковъ. Впереди, видимо, показывая дорогу, шагали два конника, держа наготовѣ револьверы.

Подойдя къ сторожкѣ, отрядъ остановился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жррвавый трокъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XIII.

Наблюдавшій съ дерева за дѣйствіями отряда, Нагорскій видѣлъ, какъ двѣ темныя фигуры шниковъ нырнули въ сторожку. Изъ открытой двери вырвались тонкіе лучики свѣта потайныхъ фонарей. Вернувшись черезъ минуту къ офицеру шники доложили, что въ сторожкѣ никого нѣтъ.

— Но я увѣренъ,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—что тамъ только-что происходило собраніе... Много рваной бумаги и окурковъ. И вообще...

— Чортъ знаетъ, что такое,—недовольно буркнулъ офицеръ,—изволь тутъ путаться (по лѣсу. Я говорилъ...

Офицеръ не успѣлъ закончить фразы, какъ въ этотъ моментъ изъ глубины лѣса грянулъ револьверный выстрѣлъ, за нимъ—другой, третій и, наконецъ, громоыхалъ дружный залпъ.

Въ рядахъ всадниковъ произошелъ переполохъ. Раненная въ голову, лошадь офицера встала на дыбы, сбросивъ его на землю. Послышались стоны и ругательства раненыхъ. Казаки, ища спасенія отъ пуль вплотную сбились у сторожки.

— Теперь пора!—произнесъ Нагорскій.—Не надо давать имъ опомниться...

Онъ ловко взобрался на самый верхній сукъ дерева и, прицѣлившись бросилъ бомбу въ самую гущу казаковъ.

Громовый взрывъ страшнымъ эхомъ прокатился по лѣсу. Казалось, горы камней, все круша на своемъ пути, посыпались въ бездну. Вслѣдъ за тѣмъ, красный столбъ огня разорвалъ пополамъ лѣсную предразсвѣтную мглу.

Нагорскій замѣтилъ, какъ полетѣли вверхъ балки крыши и загораясь рухнули стѣны, а около нихъ корчились въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ слуги (произвола и насилія. Сразу упало нѣсколько лошадей, придавивъ своей тяжестью всадниковъ.

Оставшіеся въ живыхъ шки паникѣ бросились въ разсыпную.

Одинъ изъ шниковъ съ окровавленнымъ лицомъ метался между деревьевъ, безцѣльно стрѣляя изъ револьвера. Онъ выпускалъ пули до тѣхъ поръ, пока не получилъ въ лобъ отвѣтную пулю. И шникъ, нелѣпо замахнувъ руками, упалъ наземь.

Выстрѣлы со стороны революціонеровъ становились все рѣже и рѣже и, наконецъ, смолкли...

Нагорскій осторожно спускался съ дерева...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
Романъ П. Ордынскаго.
XIV.

Послѣ постигшей царскихъ слугъ неудачи въ лѣсу, событія приняла для злосчастныхъ крестьянъ грозный характеръ.

Моментально въ Петербургъ полетѣли безконечныя телеграммы съ изложеніемъ происходящихъ событій. При чемъ эти событія преувеличивались и раздувались до колоссальныхъ размѣровъ. Это требовалось администраціи района, которая вполне правильно учитывала, что если движеніе подавить не удастся, то она не будетъ виновата, если же удастся—получить награды и повышенія по службѣ.

Изъ Петербурга предписывалось:

— Пресѣчь движеніе самыми рѣшительными мѣрами. Кары налагать по усмотрѣнію губернаторовъ...

И вакханалія этого «усмотрѣнія» началась. Мужички села Вошилова не забудутъ чинимыхъ надъ ними экзекуцій.

Въ это село раннимъ лѣтнимъ утромъ во главѣ банды казачковъ прибылъ губернаторъ. Это былъ преданный самодержавію, какъ собака, свирѣпый, бездушный бюрократъ изъ молодыхъ карьеристовъ, кои упрочивали свое положеніе суровыми репрессіями надъ крестьянами и на костяхъ замученныхъ воздвигали себѣ лѣстницы для прохожденія къ высокимъ постамъ и жирнымъ окладамъ.

Прѣхавъ въ село онъ вызвалъ сельскаго старосту. И тогда послѣдній предсталъ предъ грозныя очи начальства, губернаторъ, кичась своими регаліями, заоралъ:

— Ты что же, сукинъ сынъ, за чѣмъ смотришь? Тутъ у тебя бунтъ происходитъ, а ты и ухомъ не ведешь, ты для чего поставленъ? Говори, мерзавецъ? А?

Дрожащій какъ осиновый листъ и поблѣднѣвшій, точис писчая бумага, староста залепеталъ, чувствуя, какъ у него подгибаются колѣни:

— Я, я... ваше превосходительство...

— Молчать,—гаркнулъ сатрапъ. Онъ выхватилъ у рядомъ стоявшаго казака ногойку и ею изъ всѣхъ силъ ударилъ по лицу старосты. Брызнула кровь и тоненькими алыми струйками покатилась по сѣдой бородѣ.

— Сейчасъ же собрать сюда всѣхъ бунтовщиковъ. Живо...

Награжденный нѣсколькими ударами ногойки въ спину, староста заковылялъ по селу. Около каждаго окна онъ останавливался, стучалъ палкой о рамы и срывающимся голосомъ отдавалъ распоряженіе:

— На сходъ...

Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣшанныхъ крестьянъ смекнули, что за «сходъ» собирается и пытались задами улизнуть въ лѣсъ. Но кругомъ деревни предусмотрительно были разставлены казаки, которые ловили бѣглецовъ и доставляли на средину села.

Безбоязненно шли только старики, которые чувствовали свою правоту. Но это не спасло ихъ отъ расправы.

Солнце поднималось все выше и выше, посылая свои раскаленные лучи-стрѣлы на измученную землю. И съ повышеніемъ температуры все болѣе и болѣе свирѣпѣлъ губернаторъ. Гарцуя на своемъ конѣ въ кольцо казачьяго отряда онъ ожидалъ когда будутъ собраны все крестьяне. У него былъ надутый, напыщенный видъ властелина, готового только карать, но не миловать. Онъ особенно храбрился, чувствуя всю полноту власти и видя безоружныхъ мужиковъ, сбившихся въ кучу, точно стадо, и дрожащихъ въ предчувствіи кровавой расправы.

И когда все были собраны онъ грозно крикнулъ:

— Шашки долой, негодяи!..

Обнажились лохматые головы, заблестѣли на солнцѣ, какъ бильярдные шары, лысины древнихъ стариковъ.

— На колѣни, сболочи!..

Мужики, какъ одинъ человекъ, упали на колѣни въ ширь улицы. Замелькали въ воздухѣ загрубѣвшія въ работѣ руки, осыпая себя крестнымъ знаменемъ.

Послышались жалостныя причитанія:

— Не потубите. Явите Божескую милость.

— Молчать! Всехъ заporю. Пусть выходятъ впередъ зачинщики. Живо.

— Нѣтъ у насъ смутьяновъ, батюшка,—пролетѣлъ дряхлый старикъ съ слезящимися глазами.

— Не разговаривать!

Губернаторъ подвѣлъ ногойку и хлестнулъ ею старика прямо по лицу.

И снова обратился къ землеробамъ:

— Если сію минуту не выдадите зачинщиковъ—всѣхъ забью до смерти.

Среди мужиковъ пронесся сдержанный гулъ. Точно листья деревьевъ зашумѣли подъ вѣтромъ. Изъ толпы выпирались нѣсколько человекъ.

— Староста, записывай...

Трясущимися руками староста началъ заносить имена провинившихся въ тетрадку.

— Минута! Мгновѣнье...

— Взять—командовалъ губернаторъ.

И дюжие казаки подхватили подъ руки бѣднаго Никиту и отводили въ сторонку.

— Пяхомъ Ермиловъ.

— Назаръ Носовъ.

И когда «провинившихся» набралось достаточно, губернаторъ отдалъ приказаніе:

— Розогъ.

Моментально откуда-то появились цѣлые пучки свѣже нарѣванныхъ прутьевъ.

Нѣкоторые изъ выданныхъ глядѣли и божились, что они не при чемъ, что они и не думали бунтовать, но кровавый сатрапъ не хотѣлъ слушать никакихъ резоновъ.

— Снять съ нихъ штаны!..

И началась дикая расправа надъ беззащитными.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюкъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XIV.

Дикая экзекуція началась съ злосчастнаго Никиты Ежова, котораго толпа выдала въ самомъ началѣ. Съ него сняли штаны, закинули на голову рубаху и крѣпко привязали веревками къ широкой скамейкѣ, игравшей роль «скобы».

Гибкіе ивовые прутья были сплетены въ толстые жгуты. Два палача встали другъ противъ друга и взмахнули розгами, злобѣще засвиставшими, разсѣкая воздухъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на свои браслетные кавалерійскіе часы, желая руководствоваться временемъ, а не количествомъ ударовъ. Отдалъ команду:

— Начиная...

Равномѣрные и жгучіе удары съ плеча начали падать на обнаженное тѣло истязуемаго.

— У-ой—раздался хрипло-пронзительный, чисто звѣринный вопль, заставившій содрогнуться всю толпу сбитыхъ въ кучу крестьянъ.

Вскорѣ все тѣло несчастнаго превратилось въ кусокъ изрѣзаннаго мяса, отъ котораго отрывались клочья окровавленной кожи...

Стоны все усиливались и усиливались и, достигнувъ крайняго предѣла страданія и боли, наконецъ, смолкли.

Никита лишился сознанія.

Губернаторъ бросилъ взглядъ на часы.

— Довольно...

Избитаго человѣка отвязали, сняли со скамьи и оттащили въ сторону, не позаботясь прикрыть его наготу. Моментаально цѣлые ряды мулъ облѣпили изъязвленное окровавленное тѣло страдальца.

— Слѣдующій—отдалъ приказъ губернаторъ, любясь циферблатомъ часовъ.

Въ этотъ моментъ къ нему, сквозь ряды крестьянъ пробилась жена Никиты. Волосы ея были растрепаны, глаза горѣли огнемъ ненависти и мести. Остановившись около царскаго сатрапа она истощеннымъ голосомъ закричала:

— Кровопивецъ! Гдѣ такое правило, чтобы такъ бить. Будь ты проклятъ.

— Взять эту бабу и сейчасъ же выпоротъ—буркнулъ губернаторъ.

Женщина забилась въ сильныхъ рукахъ палачей, кусалась и все стремилась выпарахатъ имъ глаза. Но съ ней они быстро справились, прикрутивъ веревками къ скамьѣ.

— Прикажете заголить?—спросилъ одинъ изъ палачей, дѣлая подъ козырекъ.

— Обязательно.

Обнажилась крупная загорѣлая спина и крѣпкая полная нога.

Ее били жестоко и беспощадно, чтобы угодить губернатору. Но женщина, стиснувъ зубы, не издавала ни одного звука и губернаторъ, предполагая, что ее сѣкли не особенно больно, распорядился усилить удары.

Палачи не заставили повторять приказаніе. Розги яростно

засвитали. Но несмотря на то, что тѣло женщины превратилось въ безформенную массу,—она попрежнему молчала.

— Терпѣливая, сволочь—тихую думались казаки.

И когда ее отвязали и бросили рядомъ съ безчувственнымъ Никитой, она вдругъ вскочила на ноги, снова подбѣжала къ губернатору, отхаркнула и плюнула прямо въ напыщенное, выхоленное лицо истязателя. Губернаторъ передернулъ усами, вытеръ слезы бѣлоснѣжнымъ своимъ платкомъ и зычно заревѣлъ, точно раненый звѣрь:

— Всѣхъ выпоротъ поголовно.

Женщина, какъ подкошенный стебель, безъ чувствъ упала въ горячую пыль улицы.

— Больше скамей и розгъ—оралъ губернаторъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Жаркій день склонялся къ вечеру.

Въ багрово-красныя тучи опускалось солнце, точно погружалось въ кровавую ванну. Повѣяло легкой прохладой. Но безумная расправа царскихъ палачей надъ беззащитными крестьянами все еще продолжалась. Пороли безъ разбора правыхъ и виноватыхъ, какъ приказалъ губернаторъ. Пороли на скамейкахъ и прямо на землѣ. При чемъ за недостаткомъ казачьихъ рукъ самихъ крестьянъ заставляли держать за ноги другъ друга.

Вопли и стоны наказываемыхъ, пронзительный визгъ дѣтей, наблюдавшихъ за расправой надъ ихъ родителями, висѣли надъ горемычнымъ селомъ въ продолженіе всего дня. Горы окровавленныхъ розогъ валялись всюду...

Почти подвѣя губернаторъ самъ руководить поркой, но затѣмъ утомился и предалъ дальнѣйшее веденіе дѣла казакамъ, которые и наказывали «по вдохновенію». А губернаторъ присѣлъ на скамейку подъ тѣнью дерева, наблюдая за экзекуціей.

Презрительно-свирѣпая гримаса не сходила съ его лица.

Онъ какъ бы упивался вѣченной ему властью надъ темными безотвѣтными рабами. Въ мучительныхъ столахъ истязуемыхъ ему слышались другіе звуки. То были звуки восторженныхъ похвалъ, безконечныхъ благодарностей, которыя выпадутъ на его долю, когда онъ послѣ «усмиренія» вернется въ свою резиденцію... Онъ думалъ о тѣхъ наградахъ и новыхъ регаліяхъ, которыя не преманутъ украсить свободныя мѣста на его мундирѣ по велѣнію изъ Петрограда.

И онъ самодовольно посматривалъ на свою грудь, какъ бы уже зрѣлъ на ней сверкающіе звѣзды и кресты... Петербургъ любитъ энергичныхъ, преданныхъ трону людей и возвышаетъ всѣхъ, кто сурово, топираетъ «змѣя крамолы». Но жалкій рабъ престола не зналъ, что кровь и слезы не проходятъ даромъ. За всѣ злодѣянія приходитъ расплата, какъ опредѣленная неизбежность, какъ возмездіе за черное злодѣяніе!..

Когда совсѣмъ стемнѣло губернаторъ приказалъ оставшихся невыпоротыхъ мужиковъ отправить въ волость и посадить въ холодную тюрьму по его распоряженію. Мужикамъ связали руки и ногали ихъ, какъ стадо, изъ родного села.

Часть казаковъ освободившись двинулись съ гиканьемъ и пѣснями, точно шли съ большой побѣды надъ врагомъ.

Далѣе впереди ѣхалъ губернаторъ, предаваясь сладостнымъ мечтамъ объ ожидающихъ его повышеніяхъ на административной лѣстницѣ...

Отрядъ вобрался въ лѣсъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ХУ.

Почти цѣлый день въ окрестномъ лѣсу блуждали Карамовъ и Нагорскій. Это было единственное мѣсто, гдѣ они могли считать себя въ безопасности. По деревьямъ, селамъ и большимъ дорогамъ, всюду рыскали шпики и стражники и показывался на людяхъ было рискованно.

О прибытіи карательной экспедиціи въ село Воинково ихъ уведомили трактирщикъ Митричъ, сообщившій кстали, что и другія села ждетъ та же печальная участь. О совершающейся расправѣ они узнали по доносившимся воплямъ...

Оба товарища были вооружены: Карамовъ револьверомъ, а Нагорскій несъ за плечами винтовку, найденную имъ въ ту памятную ночь въ лѣсу, когда онъ такъ удачно угостилъ царскихъ опричникровъ бомбой.

Теперь Нагорскій горѣлъ местию къ прибывшему для кровавой расправы губернатору. Въ тѣ минуты, когда доносившіеся изъ села вопли уносились, онъ весь сжимался, какъ стальная спираль; глаза его метали молніи гнѣва, онъ яростно потрясалъ кулаками и опрыкисто произносилъ:

— Карьеру дѣлаешь, прохвостъ... Подожди же... побави я тебѣ карьеру... Попадешь... Нѣтъ, не уйдешь...

— Хладнокровіе, другъ мой, хладнокровіе,—спокойно замѣтилъ Карамовъ.

— Ахъ, Вадимъ Викентьевичъ!—воскликнулъ Нагорскій—какое можетъ быть хладнокровіе? Если бы вы знали, какъ душа моя горитъ местию... Вотъ ужъ сколько времени мы работаемъ, но цѣль попрежнему все еще такъ далека. И временами мнѣ кажется, что она не только не приближается, а наоборотъ, отходитъ все дальше и дальше, точно огонекъ въ степи или миражъ пустыни. Мы напрягаемъ всю силу воли, несемъ титаническій трудъ. Мы новые Атланты, взявшіе на плечи свои бремя человѣчества! Но на пути нашемъ возникаютъ все новыя и новыя препятствія. Нашимъ усиліямъ противостоятся грубая сила. Нашей дробной работѣ—правильно организованная армія разбойниковъ, предателей и убійцъ. Разумъ народа затемняется. И насъ страстотерпцевъ за народъ выставляютъ разбойниками... Можно ли ко всему этому относиться хладнокровно?..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Карамовъ молча слушалъ изліянія своего ученика и, когда тотъ кончилъ, заговорилъ спокойно, вкладывая въ интонацію своего голоса всю обаятельную убѣдительность. Нужно было влить цѣлительный бальзамъ въ смятенную отъ неудачъ душу.

— Все это вѣрно, другъ мой. И можетъ быть, большія препятствія возникнутъ на пути нашемъ. Но все же мы чувствуемъ огонь правды въ достиженіи нашей цѣли. И знаемъ, что за темными тучами открываются лучезарные горизонты. Пусть суровъ и тернистъ предстоящій путь, но развѣ мы должны останавливаться на полдорогѣ? Мы предчувствуемъ грядущій свѣтъ освобожденія и повинуемся персту угадующему. Мы слышимъ внутренній голосъ, быть можетъ, то голосъ Бога, который насъ призываетъ:

— Идите, странники, все впередъ и впередъ...

Карамовъ помолчалъ немного и затѣмъ продолжалъ:

— Возможно, что такихъ мечтателей, какъ мы, немного; но во всѣхъ насъ горятъ искры грядущихъ пожаровъ, зрѣютъ сѣмена освобожденія. Намъ трудно, намъ тяжело, но всякомыя, другъ мой, золотыя, слова поэта: «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды». Посмотри!

Онъ поднялъ руку кверху. На темномъ плащѣ неба въ просвѣтахъ перепутавшихся вѣтвей видѣлись ослѣпительные брилліанты звѣздъ.

— Когда-то по небеснымъ свѣтиламъ, — продолжалъ Карамовъ, — мореплаватели правильно вели корабли и приходили къ цѣли. Мы, мечтатели — какъ звѣзды, указывающія путь заблуждающемуся человечеству...

Карамовъ не успѣлъ кончить рѣчи, какъ сзади послышался хрустъ вѣтвей и стукъ лошадиныхъ копытъ.

Оба спутника, точно по молчаливому уговору, свернули съ дороги и залегли въ кусты. Нагорскій приложилъ къ плечу свою винтовку и напругая зрѣніе сталъ цѣлиться въ одинокаго всадника медленно ѣдущаго по дорогѣ. То былъ губернаторъ. Нагорскій узналъ его по бѣлому кителю и по громыхиванію аксельбантомъ.

— Однимъ «побѣдителемъ» будетъ меньше, — злобно прошепталъ Нагорскій, плотнѣй прижимая къ плечу ружье.

Когда губернаторъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ, лѣсную тишину прорѣзалъ звукъ выстрѣла, гулко прокатившійся среди деревьевъ. Тяжело вострепелась сонная птица и точно шалыя закружились надъ своими гнѣздами.

Карамовъ видѣлъ, какъ грузно упалъ съ коня на дорогу сраженный пулей губернаторъ. Лошадь его бѣшено понеслась впередъ.

Къ мѣсту происшествія галопомъ неслись казаки, что-то крича и ругаясь.

Карамовъ и Нагорскій безшумно и незамѣтно скрылись въ деревьяхъ. Лѣсная тьма не выдала ихъ тайны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XVI.

Убийство губернатора ни сколько не смѣтило царскихъ палачей. Они проявляли себя все новыми и новыми кровавыми набѣгами на беззащитныхъ крестьянъ. Воиловская экзекуція явилась какъ бы образцомъ, по которому и производились карательныя расправы... Такимъ образомъ, вспыхнувшее возстаніе было задушено и залито кровью.

Почти совершенно разочарованный въ лучшихъ своихъ надеждахъ Карамовъ снова уѣхалъ въ Москву, чтобы въ мѣстѣ съ Нагорскими примкнуть къ революціоннымъ организаціямъ, которыя начали здѣсь образовываться.

Наступила мрачная пора осени.

По вечерамъ въ глухихъ, отдаленныхъ отъ центра переулкахъ было темно и тихо. Рѣдкіе горѣли фонари и низенькіе дома тонули въ полумракѣ. Зато ярко и фантастично было на главныхъ улицахъ, залитыхъ милліонами электрическихъ солнцъ. Разноцвѣтными огнями свѣтились витрины въ богатыхъ магазинахъ. Привѣтливо мигали выѣски кинематографовъ. Огромныя свѣтовые рекламы назойливо рассказывали о модахъ, часахъ, мылахъ, предметахъ роскоши и о прочихъ нужныхъ и ненужныхъ вещахъ культурнаго человѣка.

Среди шумнаго базара людской толпы лавировали автомобили. По блестящимъ рельсамъ плавно пробѣгали вагоны трамвая, отсвѣчивая злыми синими вспышками. Безконечной вереницей тянулись экипажи.

Искристо бурлилась и пѣлилась жизнь большого города и былъ своеобразенъ ея неумолкаемый шумъ.

На свѣжаго человѣка Москва производила впечатлѣніе колоссальнаго чудовища, загадочнаго сфинкса. И ея непрерывная лѣсеня, сотканная изъ звуковъ желѣза и камня, резины и стали, автомобильныхъ гудковъ и вскриковъ, дѣйствовала пугающе-жуткимъ образомъ. Казалось, огромный какой-то механизмъ перемаливалъ здѣсь жизнь людей и животныхъ жестоко и безпощадно.

Поднявъ воротникъ пальто, нахлобучивъ на лобъ шляпу, закинувъ руки въ карманы, Карамовъ съ самаго утра безцѣльно

бродилъ по городскимъ улицамъ, всякій разъ инстинктивно вздрагивая при каждомъ рѣзкомъ звукѣ.

Ему казалось, что всѣ эти многочисленныя улицы, дома-небоскребы, автомобили, экипажи, шумливая толпа—одно неотвратимое несчастье, которое протягиваетъ къ нему свою хищную лапу, съ цѣлью схватить его за горло и задушить въ безжалостныхъ своихъ объятіяхъ.

Среди грандіознаго потока людей, встрѣчныхъ лицъ и обгоняющихъ спинъ Карамовъ чувствовалъ себя какимъ-то затеряннымъ и страшно одинокимъ. Тоскливое настроеніе отравило его сердце и дѣлала больно. Въ душѣ шѣли ноты печали и разочарованія.

На Страстной площади, гдѣ движеніе было особенно сильно и городской наблюдающій за порядкомъ едва успѣвалъ дѣлать распоряженіе, Карамовъ пріостановился, задержанный проѣздомъ экипажей. Въ это время чья-то рука опустилась на плечо Карамова.

— Добрый вечеръ, Вадимъ Викентьевичъ.

Карамовъ оглянулся.

Передъ нимъ, улыбаясь, стоялъ директоръ угольныхъ копей Платонъ Сергѣевичъ Ропотовъ. Онъ былъ въ сѣромъ англійскомъ пальто, въ блестящемъ цилиндрѣ.

— Гора съ горой не сходятся—заговорилъ онъ дружески пожимая руку Карамова—какими судьбами здѣсь?.. Давно?..

— Всего нѣсколько дней,—отвѣтилъ Карамовъ.

Они пошли рядомъ.

— Очень, очень давно о васъ не было ни слуху, ни духу—продолжалъ Ропотовъ—гдѣ же вы пропадали?

— Въ медвѣжьихъ углахъ. Въ глуши...—уклонился отъ прямого отвѣта Карамовъ.

— И чѣмъ вы тамъ были заняты?

— Хандрой.

— Очень милое занятіе—усмѣхнулся директоръ. И взглянувъ въ лицо своего спутника добавилъ:

— Но кажется вы и до сихъ поръ занимаетесь тѣмъ же? У васъ совершенно больной видъ... Вамъ нужно встряхнуться. Ыдемте. Меня въ одномъ мѣсяцѣ ждетъ компанія милыхъ людей... Ознаменуемъ нашу случайную встрѣчу.

— Пожалуй,—согласился Карамовъ.

Директоръ позвалъ извозчика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XVI.

— Однако, Вадимъ Викентьевичъ, что же съ вами?—спросилъ Ропотовъ, когда она сѣли въ пролетку извозчика.—У васъ какой-то, собственно говоря, панихидный видъ.

— Право не знаю,—уклонился Карамовъ,—можетъ быть, отъ одиночества.

— Но развѣ вы разошлись съ супругой?

— Не разошлись, но давно потеряли другъ друга изъ виду—со вздохомъ ствѣтилъ Карамовъ.—И вотъ теперь я совершенно одинокъ. Недавно прѣхалъ сюда. Брожу безцѣльно по улицамъ, смотрю на всю эту городскую суету и думаю: въ этой каменной громадѣ живутъ милліоны людей, но нѣтъ ни одного близкаго человѣка. Всѣ—чужіе. И для меня, желающаго отдохнуть душою, нѣтъ уюта... А это очень тяжело.

— Да, у васъ хандра самая настоящая—замѣтилъ Ропотовъ, закуривая папиросу.—Скажите: вы такъ-таки вѣ не знаете, гдѣ находится Анна Игнатьевна?

— Совершенно не знаю. Живу отшельникомъ.

Онъ снова вздохнулъ, вспомнивъ дорогія черты... О, пепельный локонъ буйно вьющійся надъ розовою раковинкой уха. Гдѣ ты?! На мгновенье мелькнулъ и другой образъ, встрѣченный когда-то лѣтней ночью въ полѣ, когда кровавое зарево полыхало на горизонтѣ. Онъ тоже не забытъ. И все еще свѣтитъ загадочной звѣздой сквозь мракъ одиночества на тернистой дорогѣ его жизни. На пути безъ счастья и безъ любви.

Всѣ эти мысли мгновенно промелькнули въ головѣ инженера и ему сдѣлалось жалко себя.

Тѣмъ временемъ, извозчикъ по приказанію Ропотова остановился у подъѣзда дорогого ресторана.

— Вотъ мы и прѣхали,—сказалъ директоръ, разгружаясь съ пролетки.—Идемте.

Въ опроминомъ залѣ ресторана ослѣпительно горѣли хрустальные люстры. Было нарядно и шумно. Струнный румынскій оркестръ исполнялъ, что-то восточно-вечернее. Казалось, бѣлая дѣвушка стояла на берегу моря и пѣла тоскливую пѣсню вслѣдъ уходящему кораблю.

Давно отвыкшій отъ культурнаго общества, отъ дорогихъ ресторановъ Карамовъ почувствовалъ себя, какъ во снѣ. Ропотовъ знакомилъ его съ какой-то компаніей мужчинъ, всѣ лица которыхъ сливались въ одно.

Шуршаніе шелковаго платья мимо проходившей дамы вывело его изъ разсѣянной задумчивости. Что-то знакомое показалось ему въ фигурѣ этой дамы, за которой слѣдовали два томсканно одѣтыхъ господина.

«Она,—подумалъ Карамовъ,—но не Анна, а та другая»...

(Продолженіе слѣдуетъ),

Кровавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XVII.

Молодая дама, не замѣтивъ устремленнаго на нее взгляда, прошла мимо и скрылась за дверями кабинета.

— На кого вы такъ воззрились, Вадимъ Викентьевичъ?— спросилъ Ропотовъ.

Карамовъ оглянулся. Провелъ рукой по лицу, и отвѣтилъ:

— Извиняюсь, господа, мнѣ показалось, что прошедшая мимо насъ дама, мнѣ знакомая.

Сидѣвшій въ компаніи съ Ропотовымъ, тучный господинъ, фамилія котораго была Туземскій, и профессія,—адвокатъ, замѣтилъ:

— Это княгиня Надломская. Вы ее знаете?

— Встрѣтилъ однажды,—произнесъ Карамовъ.—Но зачѣмъ она здѣсь?

— О, это оригинальная особа!—воскликнулъ Туземскій,—причемъ ея красота граничитъ съ ея цѣломудріемъ.

Туземскій началъ рассказывать о княгинѣ. Отпивая изъ бокала вино, онъ говорилъ:

— Она разошлась съ мужемъ. Этотъ бюрократъ былъ, видимо, не въ ея вкусъ. Теперь она ведетъ разсѣянный образъ жизни, имѣетъ много поклонниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не пользуется у нея никакимъ преимуществомъ. Она ихъ водитъ, какъ голодныхъ псовъ мимо мясной лавки на цѣпочкѣ, вооруженная хлыстомъ нравственности. По ея словамъ, она однажды встрѣтила идеаль мужчину, который хотя и не отвѣтилъ на ея призывы любви, но зато оставилъ въ душѣ ея сильное впечатлѣніе. Очевидно, она задалась сумасбродной мыслью разыскать его и принадлежать только ему. Вы знаете, господа, домъ баронессы Фовъ-Дервизъ.

— Я слышалъ объ этомъ домѣ,—отвѣтилъ Ропотовъ.

— Нѣкоторыми ригористами,—продолжалъ Туземскій,—посѣщеніе дома баронессы считается предосудительнымъ.—Тамъ совершается то, что коробитъ чувство такъ-называемой нравственности. И дамы, ее посѣщающія, нерѣдко украшаютъ своихъ супруговъ весьма вѣтвистыми рогами. Но княгиня, бывая здѣсь очень часто, остается попрежнему въ ореолѣ незапятнанной нравственности. Скажите, развѣ это не оригинальная женщина?

Карамовъ внимательно слушалъ разглагольствованія адвоката и въ душѣ его вспыхивало какое-то предчувствіе.

Вспоминался разговоръ съ княгиней въ корчмѣ, въ то время, когда она очнулась отъ обморока и впервые остановила на немъ свое вниманіе, какъ на спасителя.

Вспоминался ея обжигающій, притягивающій взглядъ, который какъ бы говорилъ тогда же: «ты мнѣ нравишься».

Карамовъ молчалъ. Пилъ вино. Слушалъ музыку. И мысли его снова блуждали далеко.

Постепенно, подъ вліяніемъ хмеля, розовой туманъ завлаживалъ сознаніе. Голоса говорившихъ и спорившихъ сливались въ одну гамму и гудѣли точно огромный хоръ шмелей, пролетающихъ въ воздухѣ.

И только милое лицо въ ореолѣ свѣтлыхъ косъ горѣло, какъ золотая звѣзда, горѣло въ туманной дали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

— А хотѣлъ бы я побывать въ домѣ баронессы,—вдругъ донеслась до слуха Карамова фраза директора.

— Что жъ,—отвѣтилъ Туземскій,— мы можемъ поѣхать къ ней хоть сегодня. Согласны?

Роспотовъ обратился съ вопросомъ къ Карамову:

— Вадимъ Викентьевичъ, ѣдемъ.

И Карамовъ, подчиняясь какой-то необъяснимой волѣ, согласился. Можетъ быть, вѣрилъ въ то, что его ожидаетъ желанная встрѣча.

Они сѣли въ экипажъ и отправились.

По дорогѣ адвокатъ Туземскій расписывалъ прелести пребыванія у баронессы:

— У нея бываетъ весь цвѣтъ административнаго, капиталистическаго и художественнаго міровъ. Для интимныхъ друзей баронессы нѣтъ ни въ чемъ отказа. Князья, графы, крушныя фабриканты и банкиры могутъ требовать любыхъ развлеченій и наслажденій. Но кромѣ этого она пользуется популярностью, какъ благотворительница, устраивая пріюты, богадѣльни, различные спектакли и концерты съ благотворительной цѣлью. Конечно буднымъ отъ всѣхъ этихъ операций,—усмѣхнулся Туземскій—достается развѣ только оборотистая улыбка. Но все же слава баронессы гремитъ... Она велика и знаменита въ своемъ родѣ.

Помолчавъ немного, адвокатъ продолжалъ:

— Да, господа, только при существующемъ строѣ возможны такіа волшебныя учрежденія, гдѣ можно съ исчерпывающей полнотой выпить чашу наслажденія.

Онъ снова усмѣхнулся:

— При демократическомъ строѣ все это должно отойти въ область преданій. Гнусный это будетъ строй.

Последняя фраза хлестнула Карамова, какъ бичомъ:

— Позвольте,—вскипѣлъ онъ,—значитъ, вы оправдываете строй насилія и рабства? Оправдываете всю ту грязь, которую прикрываетъ трѡхъ?

— Конечно,—пожалъ плечами адвокатъ.—Безъ насилія нѣтъ порядка. А когда нѣтъ порядка,—получается анархія. Я же не поклонникъ анархіи.

— Значитъ, вы считаете, что все, что совершается, такъ и должно быть? А вся пролитая кровь народа развѣ не возопіетъ къ небу?

— Ахъ, Господи,—недовольную сдѣлавъ гримасу Туземскій,— да намъ-то какое до этого дѣло. Пусть вопіетъ...

— Вы—цыникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хрובהый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

— Вотъ съ этимъ я согласенъ. Я—цыникъ и не желаю быть инымъ. Въ молодости я былъ идеалистомъ. Но понявъ тюрьмы и ссылки пересталъ вѣрить въ идеалы. Отдать все свои идеалы на растерзаніе молодежи. Пусть она ими позабавится. Я считаю все идеалы игрушками, которыми могутъ играть только дѣти. Мы серьезные люди должны устраивать только свою личную жизнь...

— Какъ это эгоистично...

— Очень эгоистично. Но и вся-то жизнь построена на эгоизмѣ... Когда я былъ молодъ и жертвовалъ собою я тоже руководствовался только чувствомъ эгоизма, считая, что моя любовь къ народу вознесетъ меня на пьедесталъ вождя или пророка.

Туземскій долго еще говорилъ на эту тему, но Карамовъ его почти не слушалъ. Онъ лишь задавалъ себѣ тревожный вопросъ:

— Неужели такихъ, какъ онъ, мучениковъ за идею, такъ мало и свѣтильники нами зажженные должны погаснуть, какъ искры, вкрапленные въ сырой туманъ?

Тѣмъ временемъ экипажъ остановился у роскошнаго палацо въ стилѣ «модернъ» съ причудливымъ подъѣздомъ, освѣщеннымъ круглымъ зеленымъ фонаремъ.

Огромнаго роста аранъ-швейцаръ, въ богатой ливреѣ восточнаго рисунка, распахнулъ массивныя двери и молча поклонился вошедшимъ гостямъ.

— Мистеръ Броджеръ здѣсь?—спросилъ Туземскій.

— Есть,—отвѣтилъ аранъ, обнаживъ свои бѣлые зубы.

По лестницѣ, убранной тропическими растеніями и дорогими коврами, гости поднялись наверхъ.

Здѣсь ихъ встрѣтилъ красивый мальчикъ въ черной бархатной курткѣ, расшитой золотомъ, и въ такихъ же панталонахъ.

Въ рукахъ онъ держалъ серебряный подносъ, предназначенный для визитныхъ карточекъ, которыя и были положены гостями на подносъ.

— Теперь придется обождать нѣсколько минутъ, — замѣтилъ Туземскій.—Сядемте, господа.

Онъ указалъ на кушетку около пальмъ, проговоривъ:

— При впускѣ гостей здѣсь царить самый строгій этикетъ.

Ровно черезъ двѣ минуты снова появилась фигура красиваго мальчика.

— Мистеръ Броджеръ проситъ пожаловать въ кабинетъ.

Просторный кабинетъ секретаря баронессы утопалъ въ зеленомъ полумракѣ. Всюду видѣлись мягкіе ковры фантастическихъ рисунковъ. Чучела различныхъ птицъ, охотничьи ружья и книжки, оправленные въ серебро и золото, были развѣшены по стѣнамъ. Огромный письменный столъ, заваленный различными бездѣлушками искусной работы, стоялъ противъ большого венеціанскаго окна. Полосатая шкура леопарда была небрежно брошена около высокаго кресла, формой своей напоминающаго грифа.

Въ кабинетѣ было тихо.

Затѣмъ гдѣ-то послышались шаги. Безшумно раздвинулась тяжелая бархатная портьера и самъ мистеръ Броджеръ вошелъ въ кабинетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Кровавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Это былъ высокій, вылощенный господинъ, англійской складки, тщательно выбритый. Отпечатокъ ледяного спокойствія лежалъ на его нѣсколько утомленномъ лицѣ. Казалось, это лицо никогда не озарялось улыбкой.

Онъ протянулъ руку Туземскому.

— Добро пожаловать, — сказала онъ съ замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ.

— Позвольте, мистеръ, представить вамъ моихъ друзей.

Туземскій назвалъ фамиліи.

— Очень радъ, очень радъ.

И на бритомъ лицѣ секретаря появилось нѣчто въ родѣ улыбки. Было похоже на то, будто улыбнулась лошадь.

— Баронесса очень рада вашему прибытію. Прошу васъ джентльмены слѣдовать за мною.

Гости прошли вслѣдъ за секретаремъ въ огромный залъ съ бѣлыми мраморными колоннами, въ глубинѣ котораго виднѣлась открытая сцена. Залъ былъ освѣщенъ таинственнымъ свѣтомъ, который проникалъ съ потолка изъ невидимыхъ лампочекъ.

На стульяхъ, въ креслахъ, на диванахъ и кушеткахъ, безпорядочно разбросанныхъ по залу, среди широколиственныхъ красавицъ-пальмъ и другихъ тропическихъ растений располагались многочисленные гости обоихъ половъ, взирающіе въ мистическомъ самоуглубленіи на открытую сцену, залитую краснымъ свѣтомъ, точно кровью.

Этотъ свѣтъ напомнилъ Карамову зарево отъ пылающихъ дворянскихъ усадебъ. И онъ подумалъ: «придетъ время и такой свѣтъ озаритъ всѣ мѣста Россіи».

На сценѣ нѣсколько артистовъ въ однихъ розовыхъ трико танцовали какой-то неизвѣстный Карамову танецъ. Они то бѣшено кружились, взявшись за руки, то припадали на колѣни, то сплетались въ одинъ комокъ и катались по коврамъ сцены подъ звуки скрипки и акомпанированіе барабана.

Всякій разъ, когда танцующіе падали ницъ, барабанъ издавалъ глухіе звуки, а сверху на нихъ сыпались каскады золотыхъ искръ.

Зрители сидѣли тихо и какъ будто равнодушно предавались зрѣлищу. Только время отъ времени съ своихъ мѣстъ поднимались парочки и безшумно удалялись за портьеры.

— Что это за люди? — думалъ Карамовъ. — Развратники или сумасшедшіе. Или, можетъ быть, онъ спитъ и видитъ все это во снѣ?

Между тѣмъ, картины на сценѣ смѣнялись новыми картинами. И все то, что придумано было извращенной фантазіей богатыхъ распутниковъ, здѣсь съ выпуклымъ реализмомъ проходило предъ его негодующимъ и усталымъ взоромъ.

Онъ видѣлъ, какъ публика смаковала каждую картину, награждая исполнителей восторженными аплодисментами.

— Бедламъ, Бедламъ, — шепталъ онъ, чувствуя, какъ у него кружится голова отъ зрѣлища безобразій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хробавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Въ какомъ-то липкомъ туманѣ онъ сидѣлъ въ креслѣ и едва слышалъ, какъ адвокатъ Туземскій обратился къ нему съ вопросомъ:

— Видѣли ли вы что-нибудь подобное, Вадимъ Викентьевичъ?

Нѣтъ, онъ ни разу въ жизни не видалъ ничего подобнаго. И даже не имѣетъ желанія видѣть это въ другой разъ. Противно и мерзко. Гдѣ-то гибнуть люди, а здѣсь происходитъ дикая оргія сытыхъ, безчувственныхъ людей, жгущихъ жизнь свою въ распутствѣ.

Въ это время красный шелковый занавѣсъ началъ сдвигаться и закрывать артистовъ отъ зрителей.

Гулъ голосовъ зашумѣлъ въ залѣ. Зрители обмѣнивались впечатлѣніями и аплодировали, и громче всѣхъ аплодировалъ адвокатъ Туземскій.

— Аплодируете, а чему?—спросилъ Карамовъ.—Скажите вамъ не противно было созерцать всю эту мерзость?

Туземскій пожалъ плечами съ такимъ видомъ, какъ-будто ему приходилось отвѣчать на самый нелѣпый вопросъ:

— Напротивъ,—сказалъ онъ,—я нахожу во всемъ этомъ огромное эстетическое наслажденіе. Все, что можетъ дать наша кратковременная жизнь, я получаю здѣсь въ усиленной дозѣ. Я такъ сказать вкушаю квинтъ-эссенцію земного бытія. Повѣрьте, что безъ этого жизнь была бы скучна, какъ бесплодная пустыня и суха, какъ проповѣдь о добродѣтели.

Лицо его вдругъ расплылось въ довольную улыбку. Онъ продолжалъ:

— Въ одной изъ большихъ комнатъ въ домѣ баронессы устроенъ мраморный бассейнъ. Въ немъ бьютъ фонтаны и купаются красавицы-нимфы. И вотъ вы, милостивый государь, вообразите себѣ упруго-розовые дѣвичьи тѣла, ихъ жемчужныя груди въ серебряныхъ струяхъ воды. О, баронесса—богиня, придумавшая такія развлеченія для насъ грѣшныхъ, и мы боготворимъ баронессу,—патетически заключилъ онъ.

Въ это время раздался мелодичный голосъ баронессы:

— Кто мое имя поминаетъ всеу?

Она шла подъ руку съ дамой, на лицо которой была спущена густая вуаль.

Баронесса, средняго роста брюнетка, съ роскошно развитымъ бюстомъ и гибкой таліей, затянутой въ черный шелкъ платья, олицетворяла собою женственность въ полномъ смыслѣ этого слова. Ей было лѣтъ тридцать, но она выглядѣла значительно моложе.

— Азъ, недостойный червь, баронесса, упомянулъ ваше имя съ благоговѣніемъ,—запаясничалъ Туземскій.—Добрый вамъ вечеръ, во-первыхъ, благодарность за доставленное удовольствіе, во-вторыхъ, и позвольте представить моихъ друзей, въ третьихъ.

Баронесса приблизила къ глазамъ своимъ лорнетъ и свободную руку протянула для поцѣлуя.

— Въ свою очередь позвольте вамъ представить,—заговорила она,—мою лучшую подругу... Лидію Борисовну...

Спутница баронессы откинула съ лица вуаль.

Передъ Карамовымъ стояла княгиня Науломская, съ блѣднымъ лицомъ, съ расширенными зрачками глазъ.

— Это вы,—прошептала она, подавая миниатюрную свою ручку инженеру, который тоже съ блѣднымъ лицомъ смотрѣлъ на нее.

— Да, я,—тихо отвѣтилъ онъ.

— Представьте, у меня было предчувствіе, что въ концѣ-концовъ я встрѣчу васъ,—такъ же тихо продолжала она.

— А я васъ видѣлъ сегодня.

— Гдѣ же?

Онъ назвалъ ресторанъ.

— И вы не хотѣли остановить меня? Неужели вы такой же злой, какимъ помните были тогда? И такъ же ненавидите богатыхъ?

— Последнее осталось при мнѣ. Но первое не совсѣмъ.

— Значитъ, я тогда угадала, что у васъ надломлена душа, а самъ вы человѣкъ добрый.

— Не знаю...

Она взяла его подъ руку.

— Идемте и будемъ говорить долго, долго. Я такъ рада, что встрѣтила васъ.

Она посмотрѣла въ глаза Карамова. Зажигательный токъ протянулся отъ взгляда къ взгляду.

Она провела его въ будуаръ баронессы. Здѣсь царилъ розовый полумракъ, мягкими штрихами обрисовывая находившіеся предметы и обстановку. Ароматъ какихъ-то сильныхъ духовъ ударилъ въ голову Карамова.

— Сядемъ здѣсь,—указала княгиня на кушетку.

Въ голосѣ ея звучала неподдѣльная нѣжность:

— Ахъ, если бы вы знали, спаситель мой, какъ я давно мечтала о встрѣчѣ съ вами... Я истомилась. Вы простите меня за откровенность. Мнѣ стыдно признаваться въ этомъ первой, но я не въ силахъ больше скрывать.

Лицо ея приближалось къ его лицу. Горячее ея дыханіе ощутилъ Карамовъ на своихъ щекахъ. Глаза ея горѣли, какъ агаты и, казалось, обжигали его огнемъ страсти. Отъ пышной короны пеньельныхъ волосъ струился ароматъ. Она вся трепетала.

И было все для Карамова такъ странно и необычно, точно происходило во снѣ.

— Развѣ вы не хотите поцѣловать меня,—страстнымъ шопотомъ продолжала Наумовская.—Посмотрите на меня: развѣ я не молода и не красива?

Она быстро поднялась съ мѣста. Порывисто прошла по будуару. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ рѣшительно рванула свое платье. Шелкъ и кружева полетѣли на полъ.

И обнаженная, дивно прекрасная въ таинственной розовой мглѣ, она остановилась передъ изумленнымъ инженеромъ.

Огонь истомы прошелъ по его тѣлу.

— Лидія!..

Онъ забывъ все на свѣтѣ, нѣжно взялъ молодую женщину за талию и бережно, какъ хрупкую фигурку, спустилъ на кушетку.

— Милый.

Она обхватила голову Карамова.

И чувствуя, какъ летитъ въ какую-то бездну, Карамовъ улавливалъ страстный шопотъ опьяненной страстью женщины.

— Ты мой... вѣдь, мой (: милый...)

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ХУШ.

Недолго продолжалась золотая сказка новой любви Карамова. Внезапно, точно очнувшись отъ кошмара, онъ почувствовалъ въ душѣ своей угрызеніе совѣсти. Спрашивалъ себя:

— Развѣ онъ можетъ наслаждаться личнымъ счастьемъ въ то время, когда весь русскій народъ, вся сермяжная Русь несетъ великій крестъ страданія? Развѣ онъ въ правѣ пить изъ чаши личного наслажденія, когда для народа готовится новый обманъ?

Этотъ обманъ заключался въ томъ, что царь Николай, подъ давленіемъ своихъ клеветовъ, забывъ свои мирные порывы, уготовлялъ войну съ Японіей. Война съ маленькой націей нужна была для того, чтобы въ огнѣ и крови утопить стремленіе народа къ правдѣ и справедливости.

Въ этой мысли былъ убѣжденъ Карамовъ. И особенно убѣдился тогда, когда появился манифестъ объ объявленіи войны.

Манифестъ носилъ явно провокаціонный характеръ.

«Милостію Божіей Николай II Императоръ Всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій и проч. и проч. и проч.» объявлялъ своимъ вѣрноподданнымъ, что на Россію предательски напали Японцы и что вѣрноподданные должны защищать царя и отечество...

И вѣрноподданные начали отрываться отъ своихъ мирныхъ занятій и посылаться, какъ скотъ на убой, на поля Мунчжуріи...

Однажды при свиданіи съ Наулѡмской, Карамовъ сказалъ ей:

— Лида, прощай...

— Ты меня разлюбилъ?—тревожно спросила молодая женщина и голосъ ея дрогнулъ.

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ Карамовъ. Онъ не разлюбилъ ее. Онъ ее любитъ такъ же сильно, какъ и свою Анну. Но долгъ совѣсти призываетъ его туда, гдѣ ему надлежитъ быть.

— И я пойду съ тобой, хоть на край свѣта, — горячо промолвила Лидія.

Онъ нѣжно взялъ ее на руки, какъ ребенка. Когда-то такъ носилъ онъ Анну.

— Милая, я отправляюсь туда, гдѣ царитъ опасности. На тернистый путь подвига. На борьбу за правду. Ты же хрупкая и нѣжная, ты упадешь среди дороги и будешь только помѣхой. Если ты меня любишь...

— Я люблю тебя, не уходи...

— Если любишь, останься здѣсь... И можетъ быть, встрѣтишь Анну, передай ей, что ты и она слились для меня въ одинъ дорогой образъ. Скажи, что, гдѣ бы я ни былъ, память о васъ не умретъ въ моемъ сердцѣ. Прощай.

Она почувствовала ту же непреклонность, какъ въ ея спасеніе отъ смерти и, умная, не стала спорить.

Онъ ушелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XIX.

Глухая окраина города тонула во мракъ. Рѣдко разставленные керосиновые фонари дали скупою свѣтъ. Было тихо. По временамъ раздавался вой собаки и снова все усмолкало.

Карамовъ и Нагорскій шли шѣшкомъ, осторожно пробираясь по занесенному снѣгомъ тротуару.

Нагорскій рассказывалъ новости изъ прочитанныхъ газетъ.

— Наши войска опять понесли поражение. Сколько жертвъ! Маленькая нація задаетъ великой націи огромную встрепку.

— И неудивительно, — отзывался Карамовъ. — Россія, отданная во власть хитниковъ, была совершенно не подготовлена къ войнѣ. Вѣдь, всѣ вооруженія и крѣпости были только на бумагѣ. Воровство процвѣтало и продолжаетъ процвѣтать.

— А тронъ продолжаетъ купаться въ крови, — всгавилъ Нагорскій.

— Но эта кровь смоетъ его, — замѣтилъ инженеръ. — Развѣ мы не чувствуемъ, какъ волны народнаго гнѣва разливаются въ народъ. Довѣріе къ царю и его правительству падаетъ съ каждымъ днемъ. Близится часъ великаго мятежа, который будетъ страшенъ для этого тирана.

Они остановились около небольшого деревяннаго флигеля, утѣпавшаго въ массѣ заснѣженныхъ деревьевъ.

Нагорскій нѣсколько разъ стукнулъ въ калитку. Со двора послышался голосъ:

— Кто стучитъ?

— Я, отъ Ивана Ивановича, — отвѣтилъ Нагорскій. Это былъ условный пароль.

Калитка распахнулась. Рослый дѣтина въ огромной черкесской папахѣ, кожанной курткѣ и высокихъ сапогахъ показался при входѣ.

— Это вы, товарищи? Здравствуйте.

— Здравствуй, Томъ. Всѣ ли въ сборѣ?

— Почти всѣ. Здѣсь и Огановъ. Онъ только на дняхъ вернулся изъ Швейцаріи... Ждемъ Маузера. Боимся, что его арестовали. Вѣдь, у него несчастье.

— Что такое?

— Вчера былъ обыскъ. Въ квартирѣ засада.

— Дѣло скверное.

— Да. Мы положительно удивлены. Такъ была конспиративно обставлена квартира.

— Нѣтъ ли среди насъ провокатора?

Томъ пожалъ плечами:

— Даже и подумать не на кого.

Черезъ мрачный длинный дворъ они прошли въ другой небольшой флигелекъ, спрятаанный въ самой гущѣ деревьевъ и въ сугробахъ снѣга.

Флигелекъ казался необитаемымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ХІХ.

Небольшая комната, куда вошли Карамовъ съ Нагорскимъ освѣщалась одной керосиновой лампой подъ зеленымъ бумажнымъ колпакомъ. За столомъ, стоящимъ посрединѣ комнаты, сидѣло нѣсколько человѣкъ революціонеровъ, среди которыхъ находилась молодая дѣвушка, съ коротко остриженными волосами, въ синей блузкѣ, перехваченной по талии пояснымъ бушлатомъ. Это была товарищъ Маркова, юная энтузіастка посвятившая себя служенію народу.

Товарищъ Смурскій, расположившись на полуобоманномъ стулѣ, вертелъ въ рукахъ перья и тоячо говорилъ о русской литературѣ. По его мнѣнію выходило, что всѣ русскіе классики были невѣжественными барами. Они писали только о любви, были оторваны отъ земли и потому народъ не внималъ ихъ писаніямъ, продолжая пребывать въ невѣжествѣ и рабствѣ. Поэтому пользы отъ нихъ не замѣчалось.

— Позвольте, товарищъ—вспыхнула, какъ порохъ молодая дѣвушка—откровенно русскихъ писателей вы несете большую ересь. Развѣ не писали о народѣ, не плакали о немъ Пушкинъ, Писаревъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Достоевскій, Успенскій, Левъ Толстой, Гаршинъ и многіе, многіе другіе? Меня положительно возмущаютъ ваши выводы... Это разсужденіе профана.

Она была очаровательна въ эту минуту. Глазки ослѣбли огонькомъ энтузіазма, щеки рдѣли, точно персики на солнцѣ.

Смурскій возражалъ, но ихъ споръ былъ прерванъ Огиновымъ, смуглымъ, взлохмоченнымъ субъектомъ, похожимъ на дыгана.

Карамовъ слышалъ о немъ, какъ объ одномъ изъ впервичныхъ вождей революціи, но теперь встрѣтись съ нимъ лицомъ къ лицу выносилъ почему то непріятное впечатлѣніе. Онъ ждалъ, что скажетъ этотъ прославленный вождь революціи.

— Бросьте спорить товарищи,—заговорилъ Огиновъ—о литературѣ поболтать у насъ еще будетъ время. На очереди болѣе серьезное дѣло, къ которому мы и должны перейти.

Выдержавъ нѣкоторую науку онъ продолжалъ:

— Центральнѣйшій комитетъ вынесъ опредѣленное рѣшеніе относительно террористическихъ актовъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы завербовать сторонниковъ этого рѣшенія. Думаю, что среди васъ, товарищи, найдутся желающіе расчистить путь къ свободѣ народа, убравъ нѣкоторыхъ столбовъ реакціи. Кто согласенъ?

— Первой пойду я—воскликнула товарищъ Маркова.—Я желаю умереть за народъ!

Первымъ молодой дѣвушки былъ встрѣченъ возгласами одобренія. Къ ея рѣшенію присоединились и еще нѣсколько человѣкъ.

Тогда съ мѣста поднялся Карамовъ. Онъ инстинктивно чувствовалъ несвоевременность этого призыва и сиромѣтность согласія. Въ концѣ концовъ всѣ террористическіе акты не достигали цѣли, ибо на мѣсто одного, убитаго сатрана появляются десять другихъ болѣе жестокихъ и кровавыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Въ свое время, вѣдь, и онъ отдалъ дань этой ошибкѣ.

— Товарищи,—медленно и спокойно заговорилъ онъ. — Я не буду разубѣждать васъ въ вашихъ порывахъ и намѣреніяхъ, хотя и нахожу ихъ нѣсколько непродуманными. Я буду говорить о другомъ. Позвольте мнѣ юмѣтить слѣдующее. Мы знаемъ, что несмотря на всѣ кровопролитія, какія производилъ и производитъ Николай второй, въ толцѣ народа еще не угасла окончательно идея вѣры въ царя. И вотъ находятся люди, которые стремятся эту идею использовать. Въ Петербургѣ появился нѣкій попъ Гапонъ, который въ своихъ проповѣдяхъ стоитъ на точкѣ зрѣнія сближенія царя съ народомъ. Я полагаю, что Гапонъ—агентъ правительства...

— Ничего подобнаго—возразилъ Огиновъ—это просто фанатикъ. Съ нимъ не стоитъ даже считаться.

— Такъ или иначе,—продолжалъ Карамовъ,—но только народъ ему вѣритъ слѣпо и за нимъ идетъ. Гапонъ предполагаетъ пойти съ народомъ ко двору, чтобы просить царя о правдѣ. Мнѣ сдается, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ. Я даже боюсь катастрофы. Царь страшится народа и, конечно, не допуститъ его до себя. И намъ, товарищи, необходимо разбить затѣю Гапона.

— Это дѣло насъ не касается, товарищъ—перебилъ инженеръ Огиновъ—въ нашу сферу не входитъ обязанность разубѣждать какихъ-то фанатиковъ. У насъ есть предписаніе центрального комитета и мы должны ему подчиниться. Ваше предложеніе я снимаю,—добавилъ онъ безапелляціонно.

Спорить было бесполезно и Карамовъ сѣлъ. Но искра недовѣрія къ Огинову помимо его воли все разгоралась и разгоралась.

Предчувствія гикогда не обманывали инженера. Встрѣтившись съ Огиновымъ впервые, онъ увидѣлъ въ немъ не идейнаго борца за народъ, а человѣка себѣ на умъ. Онъ напомнилъ ему профессора Горизонтова, благодаря которому Карамовъ едва не лишился свободы. «Съ этимъ человѣкомъ нужно быть осторожнымъ»—рѣшилъ Карамовъ и сталъ избѣгать встрѣчи съ Огиновымъ. Факты не замедлили сказаться. Черезъ нѣсколько дней была арестована товарищъ Маркова и заточены почти всѣ, изъявившіе желаніе принимать участіе въ подготовленіи террористическихъ актовъ.

И не имѣя прямыхъ доказательствъ вины Огинова, инженеръ былъ увѣренъ что это дѣло рукъ «своя».

Своимъ соображеніемъ онъ подѣлился съ Нагорскимъ:

— Я увѣренъ,—сказалъ Карамовъ,—что Огиновъ—провокакторъ.

— У васъ есть данныя?

— Нѣтъ. Но я полагаю, что не ошибаюсь.

— Опять разочарованіе!—воскликнулъ Нагорскій.—Что же это такое? Нельзя работать?

— Да, мой другъ, въ этой компаніи намъ работать нельзя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Охранка раскидываетъ свои щупальцы всюду. Ничто не проходитъ мимо ея вниманія. Я удивляюсь тому обстоятельству, что она до сихъ поръ не арестовала всѣхъ революціонеровъ. Очевидно, ею руководитъ какое либо высшее соображеніе. Ну, хотя бы такое, что ея агенты стремятся сдѣлать карьеру на революціонномъ движеніи. И намъ нужно принять свои мѣры... — сказалъ Карамовъ.

— Какія же?

— Мы будемъ работать самостоятельно, не сливаясь ни съ одной организаціей. Помните, такъ работали тогда, когда защищали шахтеровъ. Ёдемъ въ Петербургъ. У меня разсѣли кое-какіе планы.

Нагорскій согласился, и они немедленно выѣхали въ Петербургъ.

Это было въ началѣ января.

Среди петербургскихъ рабочихъ достигала своего зенита слава Гопа. Онъ устраивалъ непрерывныя собранія, на которыхъ говорилъ зажигательныя рѣчи.

Ряди любопытства Карамовъ отправился на одно изъ такихъ собраній.

Нужно было видѣть то шашроеніе тружениковъ, когда говорили этотъ неизвѣстно откуда вынырнувшій попицъ.

— Дѣти, дѣти,—съ дрожью въ голосѣ проповѣдывалъ Гапонъ, поднимая руки вверхъ, какъ бы для благословенія.—Вамъ живется трудно, вамъ живется тяжело. Вы ютитесь въ сырыхъ и холодныхъ подвалахъ. Дѣти ваши разуты и раздѣты. Они мрутъ, какъ мухи. Тяжкій крестъ возложенъ на наши плечи.

— Бѣрно,—гудѣла толпа,—правильно...

— Но посмотрите на нашихъ хозяевъ,—продолжалъ Гапонъ.— Они находятся въ роскошныхъ палатахъ. Пьютъ и ѣдятъ за серебрѣ и золотѣ, носятъ шелки и бархата. Гдѣ же правда?

— Нѣтъ правды, отецъ ухала толпа рабочихъ.

— Но она должна быть!—Голосъ Гапона перешелъ въ визжащія ноты.—Должна быть. И она есть...

Помолчавъ немного онъ продолжалъ:

— Говорятъ, что до Бога высоко, а до царя далеко. Это неправда. Богъ уколо насъ, цѣ бы мы ни были. И царь близко. И вотъ мы пойдемъ къ нему, упадемъ на колѣни и будемъ просить, чтобы онъ пожалѣлъ насъ. Такъ ли, дѣти мои?

— Такъ, такъ. Правильно! Веди насъ.

— Мы возьмемъ царскіе портреты, иконы и хоругви, одѣнемся въ праздничныя платья, заберемъ дѣтей своихъ и пойдемъ ко двору. Пусть царь-батюшка посмотритъ на насъ...

— Пойдемъ, пойдемъ! Завтра же!..

Рѣчи Гапона падали на благодарную почву. Онѣ будили въ народѣ ту закоренѣлую вѣру въ царей, которая съ незапамятныхъ временъ была передана отцами и дѣдами и горѣла въ сердцахъ простыхъ людей неугасимой лампадой.

Рабочіе плакали, слыша слова о своемъ тягостномъ житіи бытіи. Ихъ охватывалъ всхрипный восторгъ, когда въ нихъ раздвигалась вѣра въ милость и справедливость царя.

— Дѣти, дѣти,—съ грустью думалъ Карамовъ,—милые, добрые люди! Что бы можно сдѣлать съ вами; если бы чувство справедливости жило въ сердцахъ царей. Вы прошли бы всеобщую, установили царство Божіе на землѣ—только онизойди царь къ вашимъ, маленькимъ, ничтожнымъ, просьбамъ, не угаси искру вѣры! Но нѣтъ, ты жалкій деспотъ не способенъ на такой шагъ. Ты огорчился жесткой лживыхъ прислѣшниковъ и смиренная мольба народа не достигнетъ до твоего уха.

И тутъ же мысль Карамова мѣняла направленіе: Что жъ? Можетъ быть это и лучше. Но скорѣй мѣрь, скорѣй угаснетъ пламя вѣры и скорѣй народъ пойметъ, что тотъ идолъ, которому онъ поклоняется недостойнъ поклоненія. Въ сердцахъ вспыхнетъ великій мятежъ. Онъ буинымъ ураганомъ пройдетъ по лицу русской земли и смететъ тронъ жрѡбаваго и жалкаго глушца!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хрובהый трокъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Послѣ Гаюна трибуну занялъ какой-то студентъ, который говорилъ, что изъ предложенія священника ничего не выйдетъ.

— Полиція не допуститъ скопленія народа на улицахъ, а тѣмъ болѣе у дворца. Она будетъ стрѣлять.

— Вздоръ—отозвался Гаюнъ, сверкая черными выразительными глазами.—Развѣ можно стрѣлять въ безоружныхъ? Развѣ можно стрѣлять въ иконы и хоругви?

— И въ дѣтей!—добавилъ кто-то изъ толпы.

— Пусть стрѣляютъ—загудѣла толпа.

— Мы всѣ пойдемъ.

XXI.

Идея фанатика или провокатора захватила рабочихъ, какъ пламя пожара охватываетъ постройку изъ сухого дерева. Пресѣчь эту мысль, прорывавшуюся, какъ вихрь изъ глубины темныхъ душъ было невозможно. Рѣчи противоположнаго характера успѣха не имѣли.

Населеніе рабочихъ кварталовъ, какъ одинъ человекъ, рѣшило утромъ девятого января двинуться ко двору. Никто и слышать не хотѣлъ, что царь станетъ препятствовать этому свиданію.

— Царь отецъ. Мы его дѣти. Неужели мы для него не дороги, какъ онъ дорогъ для насъ. Онъ пойметъ насъ. Безуміе думать иначе.

О рѣшеніи рабочихъ узналъ весь Петербургъ. Жители вспокоились. Одни спѣшно выбирались изъ города, другіе запирались въ своихъ квартирахъ.

Всѣ ожидали ужасныхъ событій. Тѣмъ болѣе, что было замѣтно лихорадочное приготовленіе полиціи.

Нѣкоторые изъ общественныхъ дѣятелей бросились къ министрамъ.

— Не проливайте крови. Народъ настроенъ мирно. Все его желаніе заключается въ стремленіи видѣть царя. Не больше.

Но министры были другого мнѣнія. Свиданіе народа съ царемъ не входило въ ихъ планы. Чтобы народъ говорилъ съ царемъ?

Слишкомъ много чести.

И эти добровольные ходатаи были арестованы и отправлены въ Петропавловскую крѣпость, чтобы не вмѣшивались не въ свое дѣло.

Въ два часа ночи къ Витте забѣжалъ старецъ Григорій. Онъ былъ очень взволнованъ. Говорилъ отрывисто. Стучалъ кулакомъ по столу:

— Вотъ што, Сергѣй Юльичъ,—скажу табѣ не допускай... Да. Эта готовится бунтъ. Тутъ жида и скубенты орудуютъ. Да... Мотри же...

— Что же, стрѣлять?—спросилъ Витте.

— Безъ всякихъ разговоровъ... Да... Стрѣлай...

— Но общественное мнѣніе,—закнулся было Витте.

— Какое тамъ еще мнѣніе? Плюнь... Ты знаешь чѣмъ это скопище пахнетъ?.. А тѣмъ, что народъ сѣръ и глупъ. Сейчасъ онъ молится на царя, а черезъ минуту можетъ дать ему по шакѣ. Повѣрь, другъ... Такъ я палѣ и мамѣ сказалъ. Они говорятъ, чтобы этого безобразія не было. Понялъ?

Витте, конечно, понялъ. Старецъ входилъ въ силу. Въ столицѣ начинали шогваривать о близкихъ отношеніяхъ старца къ царю. Спорить съ фаворитомъ не представлялось возможнымъ, чтобы не павлечь на себя гнѣвъ проходимца.

И Витте отдасть соответствующія распоряженія.

Народъ, конечно, не зналъ объ этомъ распоряженіи. А если кто и зналъ, то не вѣрилъ.

Развѣ можно стрѣлять въ иконы? Разстрѣливать женщинъ и дѣтей...

Рано-рано поднялись рабочіе съ жесткихъ своихъ постелей, многимъ на которыя не суждено было вернуться.

Огромныя толпы народа потянулись съ окраинъ къ центру. Шли одѣтыми по-праздничному, неся въ рукахъ иконы; царскіе портреты и дѣтей своихъ.

Надъ головами колыхались церковныя хоругви, блестя золотомъ на солнцѣ. День былъ морозный и ясный.

Пошъ Гапонъ, въ новой рясѣ, съ крестомъ въ рукахъ, шагаль впереди точно предводитель миролюбивой арміи, идущей на сліяніе съ царемъ—отцомъ народа.

Въ глазахъ толпы горѣла вѣра въ близкое торжество справедливости. Народъ издали смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на величественный зимній дворецъ, гордо красующійся надъ красавицей—Невою.

Дворецъ—мечта униженныхъ и обездоленныхъ. Отъ него должны исходить лучи милосердія. Здѣсь наконецъ откроются двери правды. Отсюда народъ увидитъ новый свѣтъ. И упадетъ стѣна, отдѣляющая народъ отъ его повелителя.

Вотъ вотъ на балконѣ появится надежда-государь и скажетъ ласково и кротко:

— Я—вашъ отецъ, а вы мои дѣти. Вы хотите правды? Я преклоняюсь передъ вашимъ желаніемъ. Дорогой моему сердцу народъ, ты изстрадался и истомился. И отнынѣ я склоняю ухо къ тебѣ и желаю выслушать твои мольбы и облегчить твои страданія...

Многочисленныя толпы шли медленно и спокойно, ни у кого не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что ихъ чаяніе, ихъ слѣпая вѣра потерпѣть неожиданное и кровавое крушеніе. За что же?..

Но кровь народная была начертана на знамени тирана. Его тронъ только погружался въ потоки крови. Онъ долженъ кунаться въ ней!..

При приближеніи къ центру, густыя массы народа неожиданно столкнулись съ вооруженными нарядами полиціи.

Послышался знакомый и суровый окрикъ царскихъ палачей:

— Стой! Куда прете, дьяволы?

Изъ толпы слышались негодующіе голоса:

— Нечего ихъ слушать. Они боятся, что мы расскажемъ о нихъ царю всю правду.

— Впередъ, товарищи!

— Стой, стой, говорятъ!..—Площадная ругань пронизала воздухъ. Злобная щетина штыковъ злобно сверкнула на солнцѣ. Захлопали затворки винтовокъ. Зазумѣлись въ воздухѣ нагайки.

Часть толпы дрогнула. Нѣкоторые пошли въ обходъ. Другіе, болѣе храбрые, прорвали полицейскую цѣпь и двинулись дальше, увлекая за собой малодушныхъ.

Въ центрѣ вновь соединились и такъ же стройно съ пѣніемъ гимновъ и молитвъ направились къ дворцу.

Вотъ уже близко и дворецъ.

Но что же такое?

На почтительномъ разстояніи отъ дворца новой цѣлью стояли солдаты и полиція, съ видомъ рѣшительнаго отпора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Толпа приостановилась, пораженная неслыханнымъ прелестіемъ. Выше поднялись золотыя хоругви, точно убедительно подтверждая все широкіе натуки. Женщины припугнули дѣтей, какъ бы говоря:

— Пустяки. Не могутъ наши малышки драться! Испугали вы осмѣлитесь въ нихъ сдѣлать?

— Разойдись!

Толпа стояла. Тогда раздалась команда.

— Рота, или!

— Изъ черныхъ оловянныхъ ручкой блеснувши красные огни. Прогрѣвъ залъ, осыпавшій народъ дождемъ пуль. Другой, третій. Послышались крики, вояли, стоны раненыхъ. Бѣлый овѣтъ мостовой обогрѣлся алой кровью и въ чужь не повинныхъ жертвъ. Искры ухаживали и ухаживали.

— Трахъ, трахъ, трахъ...

Толпа въ шашки бросилась бѣжать, швырнувъ иконы, хоругви. Убитыя матери прижимали къ сердцу дѣтей. Обезумѣвшая толпа металась по площади, тѣлоща лица спасенія.

Карамовъ, наблюдавшій эту кровавую баню изъ окна, видѣлъ, какъ металась по площади затравленные люди, видѣлъ умирающихъ малышей съ широко открытыми, ничего не понимающими глазками, видѣлъ корчившихся въ предсмертныхъ мукахъ рабочихъ и вспоминалъ московскую Ходынку—первую кровавую баню кроваваго царя. Сходство усугублялось тѣмъ, что тогда на головахъ народа бѣжалъ обнаженный монахъ, а теперь, подобравъ рясу, съ расчесанными волосами во всю прыть несся царь Гапонъ—ангелъ за слиянія царя съ народомъ. Но тогда кровь народа была пролита по небрежности московской администраціи, а теперь по рѣшѣ выработанному опредѣленному плану.

Черезъ нѣсколько часовъ площадь была очищена и на поле избіенія мирной толпы остались горы труповъ. Трупы рабочихъ, женщинъ и дѣтей... Карамовъ сѣмѣлъ въ одной кучѣ труповъ выставленную, поднявшуюся руку. Окровавленную руку рабочего, которая была направлена къ окнамъ дворца. Эта рука какъ бы прозвѣла:

— Подожди, палачъ и убійца! Мы снова придемъ къ тебѣ. Но придать не съ мирнымъ намѣреніемъ поладить тебѣ. Мы придѣмъ съ грозой и бурей!.. Трепещи...

Черезъ нѣсколько дней послѣ кровавой расправы въ правительственныхъ газетахъ было напечатано, что въ Петроградѣ убито около трехсотъ бунтовщиковъ, подкупленныхъ англичанами и японцами.

Это было самой наглою ложью. Убито и ранено болѣе тысячи и не бунтовщиковъ, а все въ чемъ не повинныхъ людей, пофрившихъ въ справедливость царя.

Съ этого дня шѣра въ царя пала и больше не могла воскреснуть. Народный гнѣвъ переносился чашу. Этотъ гнѣвъ еще болѣе раздвигался революціонными организаціями, которыя, — несмотря на то, что, энергично работали. Карамовъ съ своими помощниками, не примыкая ни къ одной организаціи, работалъ самостоятельно. Въ его тайной типографіи печатались революціонныя прокламаціи въ огромномъ количествѣ и посылались на фронтъ и въ деревню.

Охранка положительно недоумѣвала. Имѣя почти въ каждой группѣ революціонеровъ «своего человека», она быстро ликвидировала ихъ предпріятія. И только Карамовская группа оставалась строго законспирированной и неуловимой. Агенты полиціи казнили бѣжцовъ за свободу, сажали въ тюрьмы, массами высылали въ далекую Сибирь, но духъ протеста не угасалъ. Народъ волновался и бурмѣлъ, точно волны въ весеннее половодье. Несчастная война еще болѣе усиливало это волненіе.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Хробавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XXIII.

Карамовъ взволнованно ходилъ по своей комнатѣ. Онъ былъ возбужденъ до чрезвычайности. Разочарованіе слѣдовало за разочарованіемъ. Реакція торжествовала. Царскіе далачи не сидѣли безъ дѣла. Отъ моря и до моря на пространствѣ огромной страны воздвигались висѣлицы, гремѣли замки на зарѣ, отправляя въ лучший міръ борцовъ за свободу.

Только сегодня онъ узналъ сряду нѣсколько новостей, поразившихъ его до глубины души. Арестована товарищъ Маркова. Теперь эта дѣвушка стояла передъ нимъ живымъ укоромъ и какъ-бы говоря: «отомсти». О, Карамовъ отомститъ. Онъ разыщетъ и уничтожитъ Огинова, который оказался провокаторомъ. Онъ уберетъ и попа Галюна, по винѣ котораго разстрѣляны тысячи народа. Нагорскій сегодня сообщилъ, что Галюнь былъ въ сношеніяхъ съ департаментомъ полиціи.

Въ дверь постучали.

— Войдите,—прозвнясь Карамовъ.

Вошелъ высокій неизвѣстный господинъ въ клѣтчатомъ сюртукѣ и яркомъ галстукѣ. Бритое лицо его расщивалось въ улыбку. Весело искрились энергичные черные глаза. Казалось отъ этого человѣка исходили волны необычайной жизнерадостности.

Карамовъ недоумѣнно смотрѣлъ на него.

— Что, братъ не узналъ,—пріятнымъ баритономъ разговаривалъ вошедшій,—скверная же у тебя память, коли не узнаешь старыхъ друзей.

— Трамасовъ!—воскликнулъ инженеръ, наконецъ, узнавшій своего стараго школьнаго товарища,—Какими судьбами? Откуда?

— Тсс...—предупредилъ гость, поднявъ къверху указательный палецъ—Потихе, другъ, не изрыгай своихъ восторговъ. И главное не называй меня Трамасовымъ. Помни: я—Джонъ Стронгтонъ, американскій подданный.

— Ты изъ Америки?

— Ну, да. Очень соскучился по родинѣ, и пріѣхалъ подышать дымомъ отечества,—отвѣтилъ гость усаживаясь на стулъ.—Ну и дымъ же у васъ... Его способны вынести только самыя непритязательныя ноздри.

Карамовъ зналъ, что Трамасовъ когда-то служилъ въ тюрьмѣ, былъ въ ссылке, откуда бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его изъ виду.

— Ну, рассказывай свою одиссею... Крайне интересно послушать американскаго жителя.

Въ глазахъ Карамова засвѣтилось нескрываемое любопытство. Онъ разсматривалъ своего стараго товарища и какъ будто не вѣрилъ глазамъ своимъ: такъ онъ измѣнился. Въ то же время думалъ: вотъ будетъ отличный для меня помощникъ.

— Метался я, какъ собака въ мѣшкѣ,—заговорилъ Трамасовъ,—исторія длинная и достаточно скучная. Теперь свободенъ.

— Свободенъ?—восторженулъ Карамовъ,—а твоя исторія не повліяла?

— И не могла. Вѣдь, я теперь американецъ. Ха-ха-ха!..

И онъ разсмѣялся своимъ прекраснымъ баритоновымъ смѣхомъ:

— Такъ ли страдаютъ люди въ Америкѣ?—спросилъ Карамовъ.

— О, все равно. Главное нигдѣ люди не могутъ проявить воли духа своего. Во всемъ безпредѣльномъ мірѣ живутъ въ клѣточкахъ, въ тѣснинахъ и не могутъ выбраться. Всѣ чего-то хотятъ, а осуществить не могутъ.

— Трусятъ?

— Пожалуй, да,—повелъ плечами Трамасовъ,—Тоска.

— А ты?

— Я, что? Я—человѣкъ отпѣтый. Хотѣлъ жить и ушелъ отъ висѣлицы. Теперь вся безпредѣльная ширь жизни открыта предо мною. Куда захочу, туда и брошу свою особу.

— И ничего? Не боишься, что твоя особа пдѣшбуди застрѣнеть? (Продолженіе слѣдуетъ).

Хробавый трокъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

— Совершенно не боюсь, — рѣшительно отивтилъ дотъ, — Боятся могутъ только трусы и рабы. Я ни то и ни другое. Я интересуюсь жизнью, какъ наблюдатель и думаю: хорошо чувствовать себя каждый день въ новомъ положеніи. Вѣчно бродя по дорогамъ жизни, не покрываешься плѣсенью, не закисаешь, а главное — новыя лица не кажутся стертymi пятаками, нудными и неинтересными.

— У тебя есть какія-либо средства?

— Мой умъ, руки и находчивость. Существу, какъ придется. Когда ѣхалъ въ Америку, былъ кочегаромъ. Потомъ служилъ въ метрополитенѣ. Работалъ на заводахъ. Здѣсь пишу въ газетахъ воспоминанія изъ американской жизни... При желаніи и настойчивости можно всегда надѣть хомутъ работы. Только лѣнныые не понимаютъ этого. Я говорю себѣ: человекъ, дерзай! Жизнь, что океанъ безбрежный: куда хочешь, туда и плыви. Рискуй, если нужно. Жизнь тогда только интересна, когда на карту ставится все.

Помолчали.

Трамасовъ опилъ глотокъ кофе и сталъ водить пальцемъ по краямъ стакана, отчего стекло начало издавать пѣвуче-дребезжащій звукъ.

— Однажды я сказалъ себѣ, — продолжалъ онъ, — знай, пріятель, когда жизнь покажется тебѣ неинтересной, очищай дорогу для другихъ, сильныхъ, энергичныхъ, рѣшительныхъ. И съ того момента я приобрѣлъ двѣ необходимыхъ вещицы: револьверъ и ядъ. Сильнѣйшій индійскій ядъ, крупинка котораго убиваетъ слона.

Онъ улыбнулся и продолжалъ:

— Во мнѣ горитъ огонь исканія. Зоветъ и манитъ все въ даль и въ даль. Этотъ призывъ, точно волшебный миражъ въ знойной пустынѣ, часто вмѣсто зеленого оазиса приводитъ путника въ дикое мѣсто. Но я слушаю этотъ зовъ и бреду, бреду...

Черныя глаза Трамасова сдѣлались мечтательно-кроткими, словно у поэта, сочиняющаго лирическое стихотвореніе.

— Но довольно обо мнѣ, — тряхнулъ онъ энергично головой. — Чѣмъ занять ты?

Карамовъ разсказалъ о ближайшихъ своихъ планахъ. О необходимости убрать Огинова, Гапона и о веденіи самой широкой пропаганды въ народъ и войскахъ.

Трамасовъ протянулъ руку:

— Располагай мною, какъ хочешь. Прошу только объ одномъ: дай мнѣ возможность проявить инициативу для уничтоженія двухъ названныхъ прохвостовъ. Я это сдѣлаю изъ любви къ риску. Я только тогда пылаю жаждой жизни, когда меня захватываетъ какое-либо дѣло. Жизнь тихая, текущая, по разъ проложенному руслу для меня кажется пустой и скучной.

Карамовъ улыбнулся:

— Пожалуйста.

— У меня сію минуту созрѣлъ планъ лицомъ къ лицу столкнуть двухъ подлецовъ, — продолжалъ Трамасовъ. — Вызвать ихъ на откровенную исповѣдь и затѣмъ...

Онъ сжалъ пальцами свое горло.

— Этотъ самый Огиновъ здѣсь?

— Насколько мнѣ извѣстно, онъ проживаетъ въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ.

— Найду. О, я найду того и другого.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жррбавый тррхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ррманъ П. Ордынскаго.

XXIII.

Прршло нѣсколько дней. За это время Трамасовъ успѣлъ разыскать Огинова и выслѣдить мѣстонахождение Гапона. Кромѣ того, облюбовалъ необитаемую дачку въ Озеркахъ.

И вотъ однажды въ снѣжный зимнй вечеръ къ меблированнымъ комнатамъ на Васильевскомъ островѣ подкатилъ большой закрытый автомобиль. За рулемъ сидѣлъ Нагорскй, внутри автомобиля находились Трамасовъ и Карамовъ.

Трамасовъ выльзъ изъ автомобиля и, передавая карточку Карамова швейцару, сказалъ:

— Снесите это господаину изъ четвертаго номера.

Черезъ минуту на улицу вышелъ Огиновъ, одѣтый въ дорожную шубу.

— Въ чемъ дѣло, товарищъ?—спросилъ онъ, увидѣвъ Карамова.

— Садитесь,— пригласилъ инженеръ.—Есть важныя дѣла.

— Шофферъ, трогай,—распорядился Трамасовъ, когда провокаторъ усьлся въ автомобиль.

Машина рванулась и быстрымъ ходомъ понеслась по направлению къ окраинѣ.

На улицахъ темнѣло. Въ воздухѣ, какъ бѣлыя мухи, порхали снѣжинки. Вспыхивали золотыя точки фонарей.

— Ходу, ходу!—командовалъ Трамасовъ. Онъ былъ въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи духа, точно вхалъ на увеселительную прогулку. Но Огиновъ почему-то хмурился.

— Я все-таки не понимаю, товарищи, цѣли нашего путешествія,—замѣтилъ онъ съ какой-то неестественной дрожью въ голосѣ.

— Зато понимаю я,—отозвался Трамасовъ ос смѣхомъ.—Шофферъ, жарь!..

Автомобиль выбрался за черту города и, притушивъ огни, помчался по безлюдной мѣстности.

Огиновъ внезапно сдѣлалъ какъ бы звѣриное движеніе, точно намѣривался выпрыгнуть изъ автомобиля. Но въ ту же секунду двѣ пары сильныхъ рукъ оцѣпили его точно желѣзными клещами, пригвоздивъ къ мѣсту и парализовавъ какую-либо возможность движенія. Въ тотъ же моментъ онъ почувствовалъ, какъ изъ его кармана былъ извлеченъ револьверъ.

— Что это значить, товарищи?—прошепталъ Огиновъ, холодѣя. Ему никто не отвѣтилъ.

— Согласитесь, что вы ведете себя нѣсколько странно,—снова промолвилъ провокаторъ, кривя губы.

И опять молчаніе было ему отвѣтомъ.

Автомобиль остановился около занесенной снѣгомъ дачи.

— Вотъ мы и пріѣхали,—весело произнесъ Трамасовъ.—Пожалуйте выходить.

Кругомъ было тихо. Только налетающй порывомъ вѣтеръ приносилъ снѣжныя хлопья.

Всѣ вошли въ совершенно темную, холодную дачу, съ наглухо заколоченными ставнями оконъ.

Карамовъ молча зажегъ свѣчу. Четыре силуэта изломанными линіями заколыхались на стѣнѣ.

— Ну-съ,— обратился Трамасовъ къ Огинову,— что вы теперь, милостивый государь, скажете? Я полагаю, что наша прогулка не дурна?

И онъ довольно потиралъ руки, точно собирался приступить къ обильной закускѣ съ приличествующимъ возліаніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хрובהый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Огинова трясло, какъ въ лихорадкѣ, онъ недоумѣнно посматривалъ то на Карамова, то на Нагорскаго, какъ бы ища у нихъ рѣшенія загадки.

— Ну-те-съ,—снова проговорилъ, издѣваясь, Трамасовъ.

— Я... я не знаю...—наконецъ, отвѣтилъ Огиновъ:

— А я знаю... Ты—предатель? Говори. Все говори!

Голосъ его вдругъ приобрѣлъ холодныя, властныя ноты, въ рукахъ сверкнулъ браунингъ, наведенный прямо въ лобъ Огинова.

— Кайся...

И, видя всю убѣдительность столь вѣскаго аргумента, Огиновъ низко опустилъ голову и, чувствуя, что отступленіе невозможно, какъ и оправданіе, тихо произнесъ:

— Да; я агентъ тайной полиціи.

— Проваль квартиры Маузера, арестъ товарища Марковой, Смурскаго и другихъ—твое дѣло?

— Мое...

— Ради чего ты сдѣлался предателемъ?

На глазахъ провокатора показались слезы.

— Я очень нуждался въ деньгахъ,—отвѣтилъ онъ.—И...

— И?

— Потерялъ вѣру въ успѣхъ революціоннаго движенія... При томъ соотношеніи силъ намъ нельзя было свалить самодержавіе...

— И ты увѣровалъ въ успѣхъ реакціи? О презрѣнный трусъ и подлый предатель.

Огиновъ взмолился.

— Не дѣлайте мнѣ зла. Я даю слово немедленно бросить это позорное занятіе. Я могу, кромѣ того, выдать много агентовъ охраны.

— Ха-ха,—зловѣще расхохотался Трамасовъ.—Подъ пулей пистолета можно давать любыя обѣщанія. Теперь твое ремесло стало для тебя позорнымъ? Но когда по твоей подлости лучшіе люди страны шли въ остроги и на каторгу, когда они болтались на висѣлицахъ или разстрѣливались, какъ собаки, а ты получалъ за это іудины поцѣлуи,—оно это твое ремесло не казалось тебѣ позорнымъ? Нѣтъ?

— Я все время страдалъ и мучился...

— Ха! Онъ страдалъ и мучился. И помучившись шель въ ресторанъ и заливалъ страданіе виномъ. А наутро готовилъ новое страданіе.

Трамасовъ былъ грозенъ въ эту минуту. Онъ точно вспомнилъ свой крестный путь, возложенный на него по ринѣ провокатора, и теперь изливалъ свой гнѣвъ.

— Что вы отъ меня хотите?—спросилъ Огиновъ.

— Ты не понимаешь? Мы хотимъ, чтобы ты самъ выпилъ ту чашу дѣйствительнаго страданія, которую подносилъ другимъ, прикрываясь личиной товарища. Товарищъ!... Мы хотимъ, чтобы ты упалъ въ ту яму, которую рылъ для чистыхъ душою борцовъ за свободу... Пройди туда.

Трамасовъ открылъ двери въ смежную комнату.

— Встань у стѣнки или сядь, какъ тебѣ больше нравится.

Лицо Огинова покрылось смертельной блѣдностью. Гримаса ужаса отобразилась на немъ. Онъ понялъ, что конецъ неизбеженъ. Ни мольбы, ни жалобы не помогутъ. Передъ нимъ стоялъ вооруженный метатель, суровый и непреклонный, какъ желѣзный законъ предопредѣленія. Ноги у Огинова начали подламываться и онъ весь опускался къ низу, осѣдалъ, закрывъ лицо руками.

Трамасовъ въ упоръ выстрѣлилъ два раза.

Брызнула кровь...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго

XXIV.

Было далеко за полночь. Мятель въ полѣ разыгрывалась. Буйные порывы вѣтра проносили цѣлыя горы снѣга. Автомобиль двигался съ трудомъ. Наконецъ, онъ добрался до необитаемой дачи.

— Ну, и погодка, чортъ возьми,—выругался Трамасовъ, вылезая изъ автомобиля.—Какъ разъ для дѣловыхъ разговоровъ.

И обратившись затѣмъ къ закутанной въ шубу съ поповскимъ воротникомъ фигурѣ, сказалъ:

— Пожалуйте отецъ Георгій;—прибыли.

Вѣтеръ дулъ рѣзкими порывами, бросая въ лицо острыми иголками. Кругомъ бушевала бѣлая пѣна. Было жутко и пустынно.

И опять четверо вошли въ дачу. Снова вспыхнула свѣча въ рукѣ Карамова, снова заколебались уродливые силуэты на стѣнѣ...

Въ сердцѣ Гапона вошла смертельная жуть.

— А гдѣ же Рачковскій?—спросилъ онъ, увидѣвъ, что въ помещеніи мрачно и никакихъ признаковъ жилья не замѣтно... Трамасовъ, прѣхавъ къ нему, выдалъ себя за помощника Рачковского и заявилъ, что послѣдній хочетъ его видѣть въ укромномъ мѣстѣ. Червь сомнѣнія закрался въ душу Гапона еще тогда, когда автомобиль выбрался за черту города, но онъ крѣпился.

Но теперь, войдя въ необитаемую дачу, сразу почувствовалъ, что его ожидало страшное.

— Рачковского нѣтъ и не будетъ,—сурово отвѣтилъ Трамасовъ.—Георгій Гапонъ, потрудитесь извлечь содержимое вашихъ кармановъ.

Гапонъ нервно сбросилъ съ плечъ шубу и упалъ на колѣни.

— Пощадите. У меня ничего нѣтъ,—плаксиво взмолился онъ.

— Неправда,—рѣзко оборвалъ его Тримасовъ.—Не заставляйте повторять приказанія.

Несчастный пошкѣ порылся въ карманахъ и досталъ револьверъ:

— Вотъ все, что я имѣю.

— Ха,—иронически усмѣхнулся Карамовъ,—вещь вполне необходимая для духовной особы.

Трамасовъ отобралъ револьверъ.

— Дальше.

Гапонъ колебался. Трамасовъ направилъ на его високъ револьверъ.

Дрожащими руками Гапонъ началъ опустошать свои карманы. Появились разные документы, бумаги, письма отъ Рачковского, уличающія Гапона въ сношеніяхъ съ департаментомъ полиціи. Кроме того набросокъ, сдѣланный рукой Гапона на тему, «какъ успокоить народъ».

Трамасовъ съ Карамовымъ тщательно перечитали документы. Трамасовъ сказалъ:

— Ну, съ насъ довольно. Этого для разнообразія можно повѣсить. Пусть правительство палачей посмотритъ, что не одно оно можетъ пускать въ ходъ пули и веревки... Приступимъ...

Онъ досталъ изъ кармана веревку, сдѣлалъ мертвую петлю и накинулъ ее на шею Гапона.

Попъ судорожно обхватилъ ноги своего палача, ползалъ по полу, какъ привязанный песъ, покрывалъ поцѣлуями сапоги Трамасова и Карамова, рыдалъ и глухо молилъ:

— Пощадите, я докажу, что я не виновенъ...

— О, нѣтъ, поздно. Пролитая по вашей винѣ кровь народа должна быть отмщена,—сказалъ Тримасовъ, открывая дверь въ смежную комнату, гдѣ находился убитый провокаторъ...

— Вотъ вамъ и спутникъ въ царство тѣней!

Трамасовъ закрѣпилъ конецъ веревки на вѣтомъ въ стѣнѣ гвоздѣ и повѣсилъ Гапона, какъ собаку...

XXV.

Несчастная война съ японцами, во время которой русскій народъ захлебывался въ крови,—война, выбросившая на произволъ судьбы десятки тысячъ инвалидовъ и больныхъ-полутруповъ, наконецъ, завершилась позорнымъ миромъ, подписаннымъ Витте въ Портсмутѣ.

Правительство видимо полагало, что страна, пораженная гангреной несчастій и страданій,—страна, измученная войной, успокоится. Но этого не случилось. Послѣ девятаго января волны народнаго гнѣва противъ царскаго трона буйно вздымались, били черезъ край. Весь народъ закипѣлъ непамятствомъ и мстью. Лѣтомъ снова начали слышиться частыя забастовки на фабрикахъ и заводахъ. Правительство попрежнему свершествовало, сотнями казня и ссылая борцовъ за свободу. Попрежнему лилась кровь народа. Но ничто не помогало, ничто не могло угасить духа протеста. Частичныя забастовки вылились въ забастовку всеобщую. И какъ по мгновенію волшебнаго жезла жизнь замерла въ великой странѣ. Остановились желѣзныя дороги, пересталъ работать телеграфъ.

Царскіе холопы исполохнулись.

Больше всѣхъ хлопоталъ Витте, поддерживая свой престижъ перваго дипломата, и, желая поддержать колеблющійся тронъ, онъ часто тайно совѣщался съ Распутинымъ, который сдѣлался при дворѣ первымъ лицомъ.

Въ октябрѣ Витте съ сіяющимъ лицомъ прибылъ во дворецъ, гдѣ былъ немедленно принятъ царемъ, сидѣвшимъ въ компаніи съ Григоріемъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Витте подалъ царю бумагу.

— Это что такое?—спросилъ Николай.

— Прочитайте, Ваше Величество.

Николай прочиталъ бумагу, раздраженно покрутилъ усъ и сказалъ:

— Вы шутите, Сергѣй Юльевичъ? Чтобы я сталъ дѣлаться властью съ народомъ? Никогда.

И онъ, поднявшись съ кресла, взволнованно заходилъ по кабинету, оставивъ бумагу на столѣ.

— Дай-ка, дай-ка маѣ почитать, что тутъ написалъ графъ,—протянулъ руку Распутинъ.

Онъ долго читалъ манифестъ, чмокалъ губами и трясъ бородой. Затѣмъ поднялся во весь ростъ. Изъ всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

Царь испуганно поблѣднѣлъ отъ этого рѣзкаго жеста.

— Что съ вами Григорій Ефимовичъ?—тихо произнесъ онъ, глядя на старца широко раскрытыми глазами.

— А то, что Сергѣй Юльичъ пишетъ правильно. О народушкѣ помыслить надо.

И загадочно усмѣхнувшись въ бороду, добавилъ.

— Подпиши.

Слово Распутина было закономъ для безвольнаго царя. Онъ присѣлъ за столикъ и подписалъ манифестъ, коимъ выборные отъ народа призывались къ законодательству и управленію страной. Даровалась свобода собраний, стачекъ и союзовъ.

— Вотъ и добро,—замѣтилъ Распутинъ.—Теперь сиди спокойно.

Манифестъ былъ опубликованъ 17 октября. И чудо совершилось. Народъ снова повѣрилъ обещанію. Снова задымилась фабричныя трубы, снова загрохотали по рельсамъ вагоны. Въ дни осени повѣяло какъ бы ароматомъ весны. Но видно нельзя вѣрить обещаніямъ царей, ибо они всегда бываютъ ложны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XXVI.

Улицы Москвы были погружены во мракъ. На Садовой и въ привлекающихъ къ ней переулкахъ слышались возбужденные голоса, стучали топоры, визжали пилы. То шли ликхорадочныя работы по постройкѣ баррикадъ. Кое-гдѣ пылали костры, около которыхъ располагались дружины дружинниковъ, съ красными повязками на рукавахъ. Нѣкоторые изъ нихъ руководили работами, приказывая сдвигать телеграфныя столбы, снимать ворота, опутывать кучи досокъ проволокой. Нѣкоторые упражнялись въ стрѣльбѣ изъ винчовокъ, отнятыхъ у продовыхъ.

Карамовъ съ Нагорскимъ и Трамасовымъ медленно пробирались къ Прѣснѣ, гдѣ находился штабъ дружинниковъ, къ которому они и намѣревались присоединиться.

— Вадимъ Викентьевичъ, — заговорилъ Нагорскій, — вы вѣрите въ успѣхъ этого возстанія?

— Другъ мой, — отвѣтилъ Карамовъ — если бы я не вѣрилъ, я не пошелъ бы. Я полагаю, что это будетъ послѣдній бой самодержавію.

— Хотя я думаю нѣсколько иначе, — отозвался Трамасовъ, — но все же иду. Ей-Богу пріятно пощекотать нервы передъ лицомъ опасности.

— Такъ вы не вѣрите? — спросилъ Нагорскій, обращаясь къ Трамасову.

Тотъ пожалъ плечами.

— Для меня все равно: будетъ ли успѣхъ, или не будетъ. Важно то, что я живу и дѣйствую, какъ мнѣ нравится. Любя опасность, я иду на нее.

И онъ засвисталъ что-то бравурное.

— Все за насъ, — продолжалъ Карамовъ. — Развѣ вы не замѣчаете того сочувствія, которое проявляетъ къ движенію вся страна. Развѣ не попрятались царскіе палачи?

— Все это такъ, — отозвался Нагорскій, — но меня смущаетъ Петербургъ. Онъ какъ-то притаялся, чего-то ожидаетъ, точно задаетъ вопросъ: бастовать или не бастовать. И будетъ большое несчастіе, если рабочіе Петербурга не поддержатъ насъ въ эту минуту.

— Вы еще забываете солдатъ, — вставилъ свое слово Трамасовъ. — Подумайте, что будетъ, если они пойдутъ противъ народа.

— Говорятъ, что въ Москву идетъ Семеновскій полкъ, — сказалъ Нагорскій.

Они свернули съ Садовой и подошли къ Зоологическому саду. Здѣсь также шла энергичная постройка баррикадъ. Тутъ и тамъ маячили темныя фигуры дружинниковъ и рабочихъ, вооруженныхъ браунингами и винтовками. Молодые, задорные голоса звучали въ морозномъ воздухѣ. Какъ молодое вино свободы, гѣнилась революціонная гѣсня: «Вставай, поднимайся, рабочій народъ»...

Карамовъ смотрѣлъ на эти ликхорадочныя приготовленія, чувствовалъ мощный энтузіазмъ молодежи и всѣмъ сердцемъ вѣрилъ въ чудо воскресенія народа отъ смерти вѣковаго рабства. Да, наконецъ, наступилъ долгожданный моментъ возмездія. Мечта, которой жилъ Карамовъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, теперь воплощается въ жизнь. Впереди свѣтъ и свобода.

— Друзья мои, — сказалъ Карамовъ, — если намъ суждено погибнуть, умремъ за будущую красоту жизни. Что жъ? Мы явимся новыми жертвами кроваваго трона. Но безъ жертвъ не достигается побѣда, безъ побѣды нѣтъ свободы, а безъ свободы нѣтъ жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трюхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Они подошли къ ярко пылающему костру, около котораго располагалась группа оживленно бесѣдующихъ дружинниковъ.

— Товарищи,—обратился къ нимъ Карамовъ, при чемъ голосъ его зазвучалъ твердыми металлическими нотами,—товарищи, вы видите предъ собою сѣдѣющаго челсѣка. Но для него слово свобода такъ же дорого и свято, какъ и для васъ. И красное знамя, гордо разнивающееся отъ моря и до моря по лицу великой родины, а можетъ быть и всего міра—мечта всей жизни. Ради него онъ, отбросивъ все личное, шагаль по тернистымъ дорогамъ все впередъ и впередъ. И огонь разъ замкнутой вѣры донесъ до этихъ радостныхъ дней. Товарищи насъ всего прое, но за счастье чело-вѣчества мы будемъ драться, какъ львы.

— Ура! —восторженно закричали дружинники.

XXVII.

Мглисто-туманное утро точно сѣрымъ флеромъ окутало Первопрестольную. Необычаиное оживленіе царило на улицахъ. Чувствовалось нервное и тревожное настроеніе. Еще съ вечера ходили по городу страшные слухи объ отѣздѣ изъ Петербурга Семеновскаго полка, командированнаго для усмиренія московскаго возстанія.

Утромъ слухи подивердились. Полкъ прибылъ въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ приказомъ «патроновъ не жалѣть...

Около полудня у Николаевскаго вокзала грозно оговорили царскія пушки. Это шла такъ сказать артиллерійская подготовка по сбиію баррикадъ, ибо солдаты не рѣшались идти на нихъ прямо. Немногочисленные дружинники и рабочіе, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ сирѣдывались, но что они могли подѣлать съ своими браунингами противъ пушекъ и пулеметовъ.

Баррикады сметались, какъ кучи сухой пыли... Тучи дыма, грохотъ пушекъ, оглушительные разрывы снарядовъ, ружейные залпы, вопли и крики несчастнаго населенія, сндетались въ какой-то адскій концертъ въ продолженіе всего дня. Въ извилистыхъ переулкахъ въ паническомъ ужасѣ суетились люди, тщетно старающіеся укрыться отъ пуль.

«Усмиреніе» принимало характеръ страшной, кровавой бойни, отъ которой, главнымъ образомъ, страдали мирные жители. Нѣкоторые изъ нихъ внезапно лишившись разсудка сами бросались подъ пули.

— Дѣло принимаетъ трагическій оборотъ—замѣтилъ Трамасовъ, обращаясь къ Карамову. Они съ утра обходили забаррикадированные районы, ободряя дружинниковъ.

Карамовъ промолчалъ.

— Можно сказать, что наше дѣло проиграно,—замѣтилъ Нагорскій.

Между тѣмъ, Семеновцы постепенно продвигались по Садовой, гремя артиллеріей вдоль улицы.

Дружинники, дѣйствуя партизанскимъ образомъ, наносили в свою очередь войскамъ уронъ.

Бойня продолжалась нѣсколько дней.

Въ концѣ концовъ дружинникамъ пришлось сгруппироваться на Прѣселѣ. Сюда и были направлены всѣ силы усмирителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хрѣстовый трюкъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Карамовъ не могъ забыть этого памятнаго дня. Съ семи часовъ утра началась артиллерійская канонада. Вся Пруссія и часть Гусинъ были объаты черными дымными тучами. То возникалъ цѣлый рядъ пожаровъ. Изъ домовъ выбѣгали обезумѣвшіе люди, металсь по улицамъ и потчасъ же попадали подъ разстрѣлы артиллеріи и драгунъ. Артиллерія громитъ даже и фабрики, очевидно стараясь загнать дружинниковъ въ одно мѣсто и захватить живыми. На крышахъ, въ дыму и пламени появлялись дружинники, стрѣляли изъ своихъ браунинговъ и гибли... Карамовъ съ своими товарищами дрались дѣйствительно какъ львы, появлясь тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидали. Но силы были не равны... Имъ приходилось удивляться не тому, что они терпѣли поражение, а тому, что они слишкомъ долго могли держаться. И вотъ, наконецъ, силы изсякли, начались массовые аресты, на фабричныхъ корпусахъ появились бѣлые флаги. Путь отступления былъ отрѣзанъ. Трамасовъ и Нагорскій куда-то исчезли. Карамовъ остался одинъ. Начинало смеркаться. Чувствуя смертельную усталость и совершенное равнодушіе къ жизни. Карамовъ вышелъ изъ засады и тихо побрѣлъ мимо обгорѣвшихъ, полуразрушенныхъ домовъ. Всюду валялись трупы убитыхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. По улицѣ вели массы арестованныхъ. Какимъ-то чудомъ добрался инженеръ до Зоологическаго сада. Впереди маячила фигура женщины. По временамъ она останавливалась, озираясь по сторонамъ, точно искала кого-то. Вдругъ откуда-то прогремѣлъ выстрѣлъ. Женщина вскрикнула, зашаталась и упала. Карамовъ подбѣжалъ къ ней. Наклонился. На него смотрѣли тоскующіе глаза княгини Надломской. Она была ранена въ грудь.

— Это мой предсмертный сонъ?—прошептала она.—Вы?..

— Лидія! Зачѣмъ вы здѣсь?—вскричалъ пораженный необычайной встрѣчей Карамовъ, беря на руки раненую княгиню и зажимая рукой рану, чтобы не шла кровь.

— Изнемогающая, она близко-близко прижалась къ нему. И слабымъ голосомъ заговорила.

— Я искала васъ... Я знала, что вы здѣсь... И вотъ... нашла и васъ и смерть... Но мнѣ хорошо...: милый...: я любила только одного тебя... Всю жизнь...:

Слезы брызнули изъ глазъ Карамова. Онъ покрывалъ поцѣлуйми блѣдное лицо молодой женщины, ея глаза полные любовнаго экстаза и смертной тоски.

— Я думала о тебѣ всю жизнь,—продолжала она.—И даже исполнила твою просьбу... Вотъ здѣсь письмо... Анны...: мнѣ было тяжело, но я исполнила... Милый! Ахъ...

Слабо вскрикнула и вытянулась на рукахъ Карамова.

— Стой! Стой, куда идешь?

Грубая брань рѣзнула воздухъ. Карамовъ приостановился.

— Руки вверхъ, матери твоей чортъ!..

Солдаты заставили Карамова положить трупъ княгини на землю и поднять руки. Обыскавъ Карамова они нашли у него законченный браунингъ съ разстрѣлянными патронами.

— Ага—злорадно буркнулъ солдатъ—ты, братъ, дружинникъ.

Карамова арестовали.

Но теперь онъ былъ равнодушенъ къ этому. На него смотрѣли какъ изъ тумана тоскующіе глаза княгини, и точно изъ другого мира звучалъ ея мелодичный голосъ, передавая о великой любви и письмѣ Анны, которое ему не суждено было получить,—оно осталось у мертвой княгини...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XXVIII.

Полночь.

Свѡзъ желѡзныя переплеты крѣпостной рѣшетки въ камеру вливается мракъ ночи. Долетающій съ моря зябкій вѣтеръ глухо и протяжно завываетъ въ трубахъ, какъ бы рассказывая унылую повѣсть о страданіяхъ, заключенныхъ въ мрачныхъ казематахъ людей. Въ окно бьются мокрые хлопья снѣга.

На башнѣ Петропавловской крѣпости куранты заиграли «Коль славень».

Тоска.

Осунувшійся и значительно посѣдѣвшій, но все еще сохранившій энергію и фанатическій блескъ глазъ, инженеръ Карамовъ, точно маятникъ часовъ взадъ-впередъ маячитъ по камерѣ, предаваясь воспоминаніямъ. Уже много лѣтъ онъ сидитъ здѣсь. Но вѣра въ близкое освобожденіе не покинула его. О, нѣтъ. Онъ вѣритъ, какъ вѣрилъ прежде. Его страданія и страданія многихъ борцовъ за свободу будутъ изкуплены. На «волѣ» еще много осталось борцовъ. Среди нихъ—вѣрные друзья, Трамасовъ и Нагорскій. Они отомстятъ.

Съ воли доносятся слухи о войнѣ затѣянной Николаемъ по уговору съ Вильгельмомъ. Эти самодержцы, испугавшись социалистическаго движенія въ своихъ странахъ рѣшили столкнуть своихъ рабовъ лбы со лбами.

— Но нѣтъ, не пройдетъ ихъ номеръ. Они погнѡбнутъ въ томъ снѣгѣ, который вызвали. Наступитъ день, въ который всыхнетъ буйный вихрь мятежа, надъ изстрадавшейся страной засіяетъ солнце свободы, и тронъ деспота опирающійся на обманъ и насилие, превратится въ щепы и мусоръ.

Глухо раздаются шаги Карамова подъ сводами каземата. Онъ прилаживаетъ къ игрѣ курантовъ и думаетъ:

— Да... Этотъ гимнъ, передаваемый звуками холоднаго металла, ежедневно извѣщаетъ тирана о томъ, что въ странѣ все обстоитъ благополучно. Въ своихъ царственныхъ покояхъ онъ можетъ спать спокойно. Страна его въ лгѣніи, но миллионы рабовъ еще не возбунтовались. Когда же изсякнетъ ихъ терпѣніе? Уже земля достаточно пропиталась ихъ кровью, но они все терпятъ.

Карамовъ горько усмѣхнулся. И затѣмъ упрямо тряхнулъ посѣдѣвшими кудрями.

Но все же... Онъ, вѣдь, волнуется и страстно ждетъ того момента, когда куранты перестанутъ играть «Коль Славень». Онъ вѣритъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жрѡбавый трѡхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

И снова инженеръ безконечно мечить, какъ свидѣнiе по камерѣ... Чутко прислушивается къ доносившимся звукамъ, точно ожидаетъ что-то важное и нужное.

Эта ночь тянется безконечно долго. Какъ-то особенно настойчиво бьютъ хлопья снѣга въ зарѣшеченное окно. А вѣтеръ съ моря? Не хочетъ ли онъ разсказать волшебную сказку о свободѣ.

Съ утра ходили по крѣпости мягущіеся слухи. Передавали о возстаніи рабочихъ. О присоединеніи къ нимъ солдатъ. О, если бы...

Но чу! Нарастаетъ какой-то необычайный шумъ... Это не шумъ вѣтра, долетающаго съ моря. То неопредѣленный гулъ человѣческихъ голосовъ, то временамъ переходящій въ ревъ чѣмъ-то встревоженнаго стада. Въ людской гулъ вкрапляются трески ружейныхъ выстрѣловъ.

Неужели?

Карамовъ припикаетъ къ оконной рѣшеткѣ. И остро вливается во мглу снѣжной ночи. Въ мелькающемъ кружевѣ снѣжныхъ хлопьевъ суетливо двигаются темныя фигуры людей. Вспыхиваютъ беспорядочныя огни факеловъ.

И вдругъ, точно струя снѣгаго воздуха, ворвавшаяся въ затхлое подземелье доносится мощная шѣснь: «Вставай, поднимайся рабочій народъ».

Что такое? Революціонный гимнъ въ цитадели самодержавія? Галлюцинація? Сонъ?

Шумъ возбужденныхъ голосовъ слышенъ въ коридорахъ.

Захлопали тяжелыя двери мрачныхъ узлицъ. Загремѣли замки.

— Товарищи, товарищи! Свобода! Народъ сбросилъ оковы рабства. Деспотъ палъ. Нѣтъ больше царя! Народъ освобождаетъ васъ.

Камера Карамова распахнулась. Вошли двое штатскихъ и трое военныхъ, съ красными цвѣтами въ петлицахъ. Бросились обнимать и цѣловать узника.

Слезы радости текутъ изъ глазъ инженера.

Все еще не вѣря въ радостную дѣйствительность, Карамовъ вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ камеры.

На воздухъ. На просторъ. На свободу.

На дворѣ торжественно и ярко пылаютъ факелы. Сходятся кучки освобожденныхъ узниковъ.

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». — мощно гремитъ похоронный маршъ.

При свѣтѣ факеловъ уволить тѣхъ, кто держалъ за крѣпкими замками борцовъ за свободу.

А тамъ вдали, въ городѣ все растеть, все уснаивается буйный гулъ голосовъ возбужденныхъ виномъ свободы толпъ. Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ мѣшается съ татаканьемъ методичныхъ пулеметовъ.

Карамовъ даже не замѣтилъ, какъ донесли его ноги до Невскаго.

Окончаніе завтра.

Кровавый трюк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Свѣтаетъ.

Вѣютъ алые, красныя знамена. Вѣютъ торжествующе и побѣдно. Многочисленныя толпы народа ходятъ по всѣмъ направленіямъ. Во многихъ мѣстахъ бѣлый снѣгъ мостовыхъ обогрѣнъ алой кровью. Точно красныя цвѣты горятъ на бѣлой шартѣ.

Карамовъ падаетъ на колѣни, склоняется лицомъ къ землѣ и цѣлуетъ обогрѣнный кровью снѣгъ.

Свершилось.

Онъ припадаетъ къ свободной землѣ... Мечта его жизни сбылась. Кровь и слезы народа не пропали даромъ. Они много дѣлать сочлисъ изъ глазъ и ранъ рабовъ-людей, чтобы смыть тронъ деспота. И смыли.

Съ непокрытой сѣдой головой стоитъ Карамовъ на колѣняхъ, молитвенно простирая руки къ небу. А кругомъ него трепыхаютъ алые, какъ заря свободы—знамена, побѣдно гремитъ марсельеза и ликующіе возгласы несмѣтныхъ толпъ сливаются въ гимнъ новой жизни.

Чья-то рука опускается на его плечо. И знакомый, такой знакомый женскій голосъ называетъ его по имени:

— Вадимъ.

Передъ нимъ стоитъ маленькая женщина въ формѣ сестры милосердія, опирающаяся на руку юнаго прапорщика.

— Анна! Сынъ мой!..

Радостныя слезы катятся изъ глазъ инженера. И всѣ страданія минувшихъ дней, скитанія и заключенія отлетаютъ, какъ дымъ. Горечь многолѣтней разлуки и восторгъ нечаянной встрѣчи выливаются въ одной его фразѣ:

— Теперь ничто не разлучитъ насъ.

Ахъ, онъ не будетъ спрашивать у нея: гдѣ она была, что дѣлала. Зачѣмъ? Онъ прижметъ близкихъ своихъ къ груди, въ которой пылало и пылаетъ неизмѣнное солнце любви. На тернистыхъ дорогахъ жизни оно свѣтило ему, вливало бодрость, питало вѣру въ достиженіе поставленной цѣли. Борьба была не ровная, но она увѣнчалась успѣхомъ. И отнынѣ открывается передъ нимъ новая страница труда на пользу человѣчества. О, конечно, онъ выполнитъ задачу, возложенную на него когда-то Анной. Имя его будетъ прославлено. Оно заблещетъ такимъ же свѣтомъ, какимъ блистали имена Конфуція, Будды, Христа. О, непокорный, пепельный, теперь сѣдѣющій локонъ, буйно выющійся надъ розовою раковиной уха.

Самодержавіе пало. Личное счастье пришло. Но тяжелое наслѣдіе стараго строя—война—продолжалась. И неизвѣстно, когда должна кончиться.

Карамовъ страдалъ за человѣчество, вовлеченное царями въ безумную бойню.

— Этого не должно быть,—говорилъ онъ.

Въ немъ зрѣла титаническая мысль.

Черезъ нѣкоторое время послѣ вкушенія вина свободы онъ писалъ Нагорскому и Трамасову, которые были вождями революціонныхъ массъ:

«Друзья мои. Я снова работаю надъ «Всевидающей». Къ этому меня настойчиво призываетъ тѣнь безвременно погибшаго Милича. Бѣдный юноша не могъ дожить до дней свободы!.. Безумная война слишкомъ затянулась. Эту тяжелую болѣзнь не могла исцѣлить даже наша революція. И я долженъ быть ея врагомъ. Теперь ничто не помѣшаетъ моимъ опытамъ. Пріѣзжайте въ мой мирный счастливый очагъ, будемъ работать вмѣстѣ...»

Новые горизонты рисуются моему взору. Они властно зовутъ къ великой работѣ.

Конецъ.

Примечания

Павел Львович Ордынский (наст. фам. Плохов, 1882 – ?) — прозаик, поэт. Родился в Ярославской губернии в крестьянской семье и по окончании сельской школы был отправлен в Москву, где служил «мальчиком» в лавке купца 2-й гильдии П. Ф. Ютанова, отца писателя В. П. Ютанова.

Публиковал рассказы и стихи в газетах «Утро», «Раннее утро», «Руль», «Вечерние известия». В 1907-1914 гг. был редактором первых девяти книг издававшегося В. П. Ютановым альманаха «Сполохи»; в альманахах «Сполохи» печатал и собственные произведения, в том числе стихи, рассказы, этюды и повесть «Разбитые грани» (1908).

В 1916 г. выпустил книгу «Человек здравого смысла и другие рассказы». Роман «Кровавый трон», опубликованный в 1917 г. в московской газете «Трудовая копейка», в том же году вышел отдельным изданием.

Во время гражданской войны ездил на агитпоезде «Октябрьская революция» вместе с М. И. Калининым. В 1920-х годах сотрудничал в газетах «Гудок», «Труд», «На вахте»; был членом Суриковского литературно-музыкального кружка.

Роман «Кровавый трон» публиковался с перерывами в №№ 60/1569 (1917, 16 марта) — 148/1657 (1917, 2 июля) газеты «Трудовая копейка» (М.). Сканы выполнены Российской государственной библиотекой. В главке XXIV части I имеется пропуск небольшого фрагмента.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.